В. А. Зибарев

ЮСТИЦИЯ У МАЛЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА [XVII–XIX ВВ.]

ТОМСКИЙ ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

В. А. ЗИБАРЕВ

ЮСТИЦИЯ У МАЛЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА (XVII-XIX вв.)

Под редакцией
д-ра ист. наук И. С. Вдовина

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск - 1990

Зибарев В. А. Юстиция у малых народов Севера (XVII—XIX вв.). — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. — 208 с. — 2 р. 20 к. — 1000 экз. — 0505000000.

В монографии впервые в отечественной историографии предпринята попытка исследования процесса становления судебно-правового комплекса малых народов Севера, начиная от присоединения их к России и до Великой Октябрьской социалистической революции, выявления его роли в функционировании патриархально-родового общества. Для ученых, а также работников юстиции.

Рецензенты: сектор этнографии проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского ун-та; канд. юрид. наук Н. Т. Онищук.

ISBN 5-7511-0093-X.

$3\ \frac{0505000000}{177(012)-90}-13-90$

© В. А. Зибарев, 1990.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поставленная в этой книге проблема, особенно в ее правовом аспекте, сложна. Перед исследователем с самого начала возникает вопрос, имеет ли он дело с юридическими обычаями или же с обычным правом. Последнее, как известно, свойственно обществам с предклассовыми или раннеклассовыми отношениями и соответствующей социальной структурой. Народы Севера не достигли такой ступени, следовательно, рассматривать юридический аспект их истории в этом плане было бы, пожалуй, опрометчиво. Но, с другой стороны, юридические обычаи этих народов получили санкцию государственной власти, что всегда является условием трансформации таких обычаев в институт обычного права.

Далее, независимо от того, какую позицию займет в этом вопросе исследователь, он будет вынужден констатировать нечеткий, расплывчатый, а иногда и трудноуловимый характер объекта исследования, обусловленный прежде всего тем, что юридические обычаи народов Севера никогда не фиксировались письменно, а существовали изустно, передаваясь из поколения в поколение. Общее требование к ним — соответствовать представлениям данного сообщества людей о справедливости — допускало толкование их в каждом конкретном случае в весьма широком диапазоне, а разнообразие местных условий еще более усиливало расплывчатость и неопределенность этих обычаев.

Что касается суда у этих народов, то ни до присоединения их к России, ни после он не был таковым в подлинном смысле слова. Но тогда возникает вопрос: что же он представлял собой? Однажды было замечено, что классам и праву предшествуют предклассы и

предправо. Нечто подобное прослеживается и в данном случае, но только еще в менее развитой форме. И наконец, следует принять во внимание, что речь идет о суде и применявшихся им нормах не одного или нескольких, а двух с половиной десятков народов, расселенных на громаднейшей территории, охватывающей почти всю северную зону Евразийского континента, и подвергавшихся самым различным внешним влияниям.

По этим причинам задача рассмотреть проблему в полном объеме выглядит явно нереальной. В силу этого автор ставит перед собой следующие цели:

систематизировать разрозненный фактический материал и пополнить его новыми, не использовавшимися ранее сведениями;

исследовать на этой основе суд и юридические обычаи народов Севера как единый, цельный судебно-правовой комплекс;

выделить по возможности общее и особенное в юстиции отдельных народов или их групп, обозначив локальные ареалы этого комплекса.

Такой подход представляется допустимым. Народы Севера, несмотря на различия в своей исторической судьбе, имеют много общего. Все они находились на доклассовой ступени развития, всем им были присущи догосударственные формы суда и права. Включенные в состав России, они, хотя и в разной мере, испытали ее воздействие, которое, помимо прочего, нивелировало их специфику. Общепринятым является выделение этих народов в особую группу и изучение ее как отдельного объекта. Оно возможно, кстати говоря, не только по признаку сходства их между собой, но и по признаку отличия от других народов.

Большая часть использованных материалов относится к XIX и частично к XX веку, в том числе и к советскому времени. Однако стремление показать юстицию народов Севера в динамике принудило автора в самом общем виде затронуть и два предыдущих века. Наука, в принципе, не налагает никаких запретов на широкие временные рамки исследований, более того, она часто отдает им предпочтение. В данном случае период от присоединения к России до Великой Октябрьской социалистической революции обособлен исторически как от предыдущего, так и от последующего периодов

и составляет отдельный период истории всех народов Сибири, в том числе и малых народов Севера.

Исходя из представления о том, что обычное право народов Севера должно как-то отражать общественный строй, в монографии дается его краткая характеристика; она необходима еще и потому, что обычно-правовой материал, по сути дела, при изучении этой проблемы во внимание не принимался. Автор, разумеется, не ставит здесь каких-либо научных задач, а намеревается лишь суммировать имеющиеся на сей счет данные. Основной части монографии предпослан сжатый очерк управления, поскольку управление и суд у народов Севера не были разъединены.

Нужно оговориться и еще по одному вопросу. Ввиду отсутствия терминологии, соответствующей так называемому юридическому быту малых народов Севера, в монографии условно применяется современная терминология. Под терминами «обычное право», «право» подразумевается совокупность доправовых юридических установлений этих народов; термином «юстиция» обозначается их правосудие в целом. Столь же условны термины «судебно-правовые системы», «судебно-правовой комплекс» и другие подобные обозначения. Автор вынужден пользоваться и старыми, и современными названиями народов Севера; это, конечно, не лучший прием, но остановиться на чем-то одном не представилось возможным.

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ. ИСТОЧНИКИ

Обычное право, как и всякое право, отражает уровень социально-экономического и духовного развития общества, его базис. Мысль К. Маркса о том, что «право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»[1], в полной мере относится и к обычному праву, которое также обусловлено исторически, как и все позднейшие правовые системы. Зарождаясь в недрах первобытно-общинного строя, оно затем проходит через все эксплуататорские формации, постепенно уступая место государственному праву. Диапазон его действия необычайно широк. Все цивилизованные народы не миновали этой стадии, все правовое здание современности воздвигнуто на фундаменте обычая. «На известной, весьма ранней ступени развития общества, — писал Ф. Энгельс, — возникает потребность охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена продуктов и позаботиться о том, чтобы отдельный человек подчинился общим условиям производства и обмена. Это правило, вначале выражающееся в обычае, становится законом...»[2].

И в наше время огромные массы неграмотного населения развивающихся стран живут вне государственных законов, на основе обычаев. Попытки модернизации традиционных структур в этих странах, особенно в Африке (к югу от Сахары), вызвали всплеск интереса науки. Выявленные комплексы обычно-правовых систем и обширные массивы правовых обычаев не только на-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 19.
[2] Там же. Т. 27. С. 241.

помнили ученым о величии этого феномена истории человечества, но и предоставили новые возможности для его познания.

Россия обладает несомненным приоритетом в изучении обычного права отставших в развитии народов. Если колониальные державы Европы за столетие господства в Африке не предприняли серьезных усилий по систематизации норм обычного права и лишь в конце XIX в. попытались кодифицировать их[3], то в России подобное начинание проводилось на государственном уровне еще в первой четверти прошлого века. На сто лет раньше появились здесь и своды правовых обычаев ряда таких народов, хотя не всем им была придана юридическая сила. В 70-х гг. XIX в. Д. Я. Самоквасов опубликовал записи норм обычного права народов Сибири, Ф. И. Леонтович—памятник обычного права калмыков, М. М. Ковалевский исследовал эту проблему на материалах горских народов Кавказа[4]. Сбором норм обычного права с 40-х гг. XIX в. занималось Русское географическое общество—сначала в рамках общих, а затем—специальных программ. Этнографический отдел его в 1867 г. разработал и разослал на места «Программу для собирания народных юридических обычаев»[5]. В 1876 г. при отделении этнографии Русского географического общества была создана комиссия по народным юридическим обычаям, возглавлявшаяся А. В. Калачовым, которая занималась записью таких обычаев и у нерусских народов. К концу XIX в. по данной проблеме имелась обширная библиография, включавшая почти 1,2 тыс. опубликованных работ[6].

Юридический быт малых народов Севера обратил внимание уже первых землепроходцев. В одной из сибирских летописей (XVII в.) говорится: «...Остяки и самоядь закона не имеют, но идолам поклоняются и жер-

---

[3] Синицына И. Е. Обычай и обычное право в современной Африке. М., 1978. С. 22.

[4] Сборник обычного права сибирских инородцев. Изд. Д. Я. Самоквасова. Варшава, 1876; К истории права русских инородцев: Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичек). Одесса, 1879; Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1, 2.

[5] См.: Томские губернские ведомости. 1867. № 41—46.

[6] Якушкин Е. И. Обычное право русских инородцев: (Материалы для библиографии обычного права). М., 1899.

твы приносят, яко богу...»[7]. В дальнейшем накопление информации было связано с практикой административного управления национальных окраин, в том числе и Сибири. Екатерина II затребовала от сибирских властей сведения «о начале и происхождении иноверцев разных племен, а также о достопамятных между ними происшествиях, равномерно о законе их, о сохранившихся между ними преданиях»[8]. В 60-х гг. XVIII в. в рамках подготовки нового «Уложения» обсуждались проекты законов о всех нерусских народах России, в том числе и о народах Сибири, являвших собой одну из первых попыток законодательного определения их правового положения[9].

Однако царизм управлял этими народами, не особенно вникая в их культуру и традиционные институты. Правительство, исходя из административно-фискальных соображений, неизменно признавало за народами Сибири право судиться «своим судом и по своим законам», не вдаваясь в эти «законы», а официальная наука рассматривала их как дикие, варварские законы, не заслуживавшие внимания ученых. И лишь в связи с введением суда родоначальников по инструкции С. Я. Владиславича-Рагузинского (1728 г.) возникла необходимость записи и систематизации юридических обычаев народов Сибири. В 1775 г. была составлена «Книга записи судебных законов...» бурят Селенгинского ведомства, состоявшая из 140 статей, определявших пре-

---

[7] Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 111. Несколько позднее эту же особенность юридического строя остяков отметил Гр. Новицкий. «Никаких письмён и учений не имеют, — сообщал он, — находятся ниже закона, но руководствуются естественным законом, природным познанием добра и зла» (Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1815 году. СПб., 1884. С. 31).

[8] Цит. по: Павлинов Д. М., Виташевский Н. А., Левенталь Л. Г. Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов//Труды комиссии по изучению Якутской АССР. Л., 1929. Т. 4. С. 3. Один из составленных по ее повелению документов опубликован А. И. Андреевым (см.: Советская этнография. 1947. № 1), другие обнаружены в рукописном отделе библиотеки Тобольского историко-архивного музея-заповедника (см.: Рабцевич В. В. Неопубликованные записи обычного права сибирских народов последней четверти XVIII—первой половины XIX в.//Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982).

[9] Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII — начало XIX в.). Якутск, 1978. С. 173—176.

ступления и меры наказания (диспозиция и санкция). В 1781 г. по запросу Удинской провинциальной канцелярии оформляется «Степное уложение» хоринских бурят, пересмотренное и дополненное в 1808 г.[10] Однако общесибирские масштабы эта акция приняла в 20-х гг. XIX в. при попытке зафиксировать обычное право всех народов, населявших этот огромный регион. В подобных случаях колониальные власти многих стран подтверждали нормы обычного права угнетаемых народов, если они не противоречили колониальному законодательству, представлениям колонизаторов о справедливости и морали. Систематизация норм обычного права применялась ограниченно, сводилась к некоторой внешней обработке обычно-правового нормативного материала — официальной или частной инкорпорации — без внесения каких-либо изменений в регулирование общественных отношений[11].

В России дело обстояло несколько иначе. Конечно, Устав об управлении инородцев 1822 г., предписывавший собрать юридические обычаи и, устранив противоречия с законом, смягчив все дикое и жестокое, положить их в основу судопроизводства как туземных, так и официальных судов по делам народов Сибири, исходил из аналогичной установки, но к серьезным практическим последствиям она не привела — все свелось лишь к согласованию норм обычного права и государственных законов. Систематизация этих норм ничем не ограничивалась, а дополнение их «Сводов» государственными законами предполагало определенные изменения в общественных отношениях народов Сибири. По-видимому, здесь сказывалось два обстоятельства. Во-первых, то, что Сибирь не являлась колонией в ее классической форме, она была территориально связана с Россией, входила в нее как составная часть; среди населения Сибири преобладало русское, а не автохтонное население, а во-вторых, меньшая развитость обычного

---

[10] Федоров М. М. Указ. соч. С. 147, 148; Жамцарано Ц., Турунов А. Обозрение памятников писанного права монгольских племен // Сборник трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского ун-та. Отд. 1. Науки гуманитарные. Вып. 1. Иркутск, 1921. С. 4.

[11] Супатаев М. А. Опыт систематизации норм обычного права в молодых государствах Африки // Государство и право в развивающихся странах: Сб. статей. М., 1976. С. 124.

права этого населения, меньшая выраженность его норм по сравнению, скажем, с земледельческими народами той же Африки.

Сбором и фиксацией обычаев занимались специальные временные комитеты, созданные в Омске, Тобольске, Красноярске и Иркутске под председательством гражданских губернаторов[12]. Они в 1823—1824 гг. подготовили проекты так называемых степных законов отдельно по каждой губернии. Предполагалось, что сибирская администрация утвердит, напечатает на русском и, по возможности, на языках местных народов собранные и систематизированные обычаи с тем, чтобы сделать их нормами судебной практики.

Систематизация обычаев была быстро проведена в Восточной Сибири, где уже в 1824 г. закончилось составление проектов сводов законов как в Иркутской, так и в Енисейской губерниях[13]. После утверждения генерал-губернатором Восточной Сибири они посылаются в Сибирский комитет, который образовал специальную комиссию для рассмотрения этих проектов. В 1831 г. был подготовлен единый для народов Восточной Сибири проект свода степных законов, дорабатывавшийся до 1836 г.

Омский комитет завершил работу в 1825 г., а Тобольский — лишь в 1827 г. Составленные ими проекты были рассмотрены в Омском областном и Тобольском общем губернском управлениях, а затем направлены в

---

[12] В Томской губернии подобное мероприятие не проводилось. Губернатор сообщал, что инородцы, живя вперемежку с русскими, давно утратили свои правовые обычаи и судятся по общим законам (ЦГИА СССР. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 260. Л. 145). Это сообщение вряд ли соответствовало действительному положению и, скорее, отражало неосведомленность местных властей. Б. М. Шатилов, например, уже при Советской власти застал у ваховских хантов остатки традиционного суда и юридических обычаев (см. Шатилов Б. М. Ваховские ханты. Томск, 1929. С. 84—87).

[13] Красноярский комитет к сбору юридических обычаев отнесся формально. Вместо фиксации полных и подробных сведений он вызвал четырех главных инородческих родоначальников (Качинской, Койбальской, Кизыльской и Согайской степных дум), не знавших русского языка, и с их слов составил проект степных законов, который был признан настолько неудовлетворительным, что из него в Иркутске оставили только один раздел об опеке (7 глав); все же прочее было заменено статьями проекта степных законов для инородцев Иркутской губернии.

Главное управление Западной Сибири, где и застряли до тех пор, пока их не затребовал Сибирский комитет.

При обсуждении проектов выяснилось, что запись обычаев велась некомпетентными лицами и со слов лишь отдельных информаторов. Обычаи подверглись такой переработке, что получились не своды действительно существовавших обычаев, а «Уложения» законов, составленные местной администрацией и объединявшие правовые нормы народов, стоявших на разных ступенях социально-экономического развития. Попытки поправить положение ни к чему не привели, в 1838 г., после упразднения Сибирского комитета, дело перешло в Государственный совет и там постепенно заглохло[14].

Исследователи видят причину неудачи либо в рутинности и косности бюрократического аппарата царизма, оказавшегося не в состоянии решить этот вопрос в течение двух десятилетий, либо связывают ее со смертью М. М. Сперанского. Конечно, оба фактора имели значение, но, на наш взгляд, основная причина заключалась в другом, а именно — в сложности дела и неподготовленности сибирской администрации к его решению, требовавшему большой и тщательной предварительной работы. Да и само намерение кодифицировать правовые обычаи при всей кажущейся привлекательности представляется сомнительным. Давид Рене, рассматривая этот вопрос на африканском материале, отмечает, что превращение обычного права в национальном или региональном плане в законодательное или в право судебной практики противоречит духу этого права и разрушает саму его основу; реформированные обычаи, сведенные в новые кодексы, полностью из-

[14] Проект «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» в 1837 г. был послан из Петербурга в Иркутск «для местного соображения», после чего предполагалось ввести его в действие и определить, в какой мере этот «Свод» мог быть применен к инородцам, относимым к разряду бродячих, т. е. к народам Севера. В 1838 г. все дела по «Своду» перешли ко Второму отделению канцелярии Николая I, к которой прикомандировывался и редактор этого «Свода» Величко. Доработанный с учетом замечаний Главного управления Восточной Сибири проект «Свода», предназначавшийся для бурят, якутов, тунгусов и минусинских инородцев, был в 1841 г. отпечатан типографским способом. Он состоял из 802 статей, 273 из них представляли собой общие государственные законы (см.: Пояснительные примечания к своду степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири. Б. м. Б. г. С. 23—58).

меняют природу традиционного права. Он считает предпочтительнее разрешать группам, создавшим обычай, продолжать руководствоваться им, хотя бы и под контролем вышестоящей организации[15]. Но именно такое положение наблюдалось в Сибири до и после попытки кодификации правовых обычаев. Якутский губернатор в 70-х гг. XIX в. на запрос из Петербурга относительно возможности применения свода якутских обычаев дал отрицательный ответ: обычаи успели устареть, иногда вместо них зафиксированы пожелания составителей свода, не исключены искажения при переводе с якутского на русский язык[16].

Следует отметить, что применение туземного суда и правовых обычаев в Сибири не было чем-то исключительным в политике царизма по отношению к нерусским народам. Аналогичная практика имела место и на других национальных окраинах России. После присоединения к ней новых народов везде разрешалось действие местных законов, везде делались попытки систематизации их и везде они приспосабливались к русскому праву и со временем заменялись им[17]. Правительство признало так называемый монголо-ойратский Устав взысканий, составленный в 1640 г. еще до присоединения к России, в качестве правовой основы судопроизводства калмыков. Оно воздерживалось от введения законов Российской империи у горцев Северного Кавказа, признавая действие адата и шариата[18].

---

[15] Давид Рене. Указ. соч. С. 488, 489.

[16] Павлинов Д. М., Виташевский Н. А., Левенталь Л. Г. Указ. соч. С. VI, VII. Эти авторы замечают, что сводка якутских обычаев, выполненная по требованию власти неизвестными якутскими родоначальниками и обработанная иркутскими и петербургскими чиновниками, сохраняя большой интерес для историка, ни по полноте, ни по достоверности уже через полвека не могла удовлетворить требований этнографа, как не могла служить и надежным руководством для судьи или администратора.

[17] См.: Пахман С. В. История кодификации гражданского права: В 2 т. СПб., 1876. Т. 2. С. 479.

[18] В 90-х гг. XVIII в. у кабардинцев был введен суд, имевший право разбирать гражданские и мелкие уголовные дела по адату. Начиная с 20-х гг. XIX в. предпринимались попытки сбора сведений о горских адатах, а в 40-х гг. было составлено несколько сборников. Предполагалось ввести один систематический свод правовых обычаев для всех горцев Кавказа. В 60-х гг. в связи с административно-судебными реформами эта работа усилилась. Сборники адатов по округам, делившиеся на две части — общую и отдельную для данного общества — служили официаль-

Попытка кодификации обычного права народов Сибири, предпринятая с чисто практическими целями, имела и некоторое научное значение. Была выявлена и зафиксирована значительная часть правовых обычаев, определены некоторые принципы их кодификации (обязательность фиксирования подлинных, действующих обычаев, этническая привязка их, нежелательность унификации и модернизации обычаев), решен в определенной мере вопрос о соотношении обычаев и государственных законов. Сравнительный анализ позволил прийти к выводам о многообразии и единстве правовых систем народов Сибири, зависимости их от уровня социально-экономического и культурного состояния. Было подмечено отличие устных, нечетных обычаев народов Севера от более строгих, определенных обычаев народов Восточной Сибири, особенно от обычаев бурят, у которых суд с давних времен происходил по «Степным уложениям».

Собранные материалы в основном относятся к обычному праву бурят, хакасов и якутов, правовые обычаи народов Севера нашли в них лишь частичное отражение. К тому же большая часть их представляет собой не первичные записи, а обработанные своды обычаев. Так, в материалах, изданных Д. Я. Самоквасовым, обычаи хантов, манси и ненцев не только сведены вместе, в статьи, определяющие проступки и меры наказания по ним, но и обобщены с нормами обычного права сибирских татар. Из малых народов Восточной Сибири зафиксированы обычаи тунгусов Нерчинского ведомства и тунгусов ведомства князя Гантимурова, но как раз эти обычаи испытали воздействие бурятского обычного права. На основе подобных записей были составлены проекты так называемых степных законов по трем сибирским губерниям, представлявшие собой перераб-

---

ным руководством для горских судов в рассмотрении дел по адату (см.: Гарданов В. И. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII—начале XIX в. // Советская этнография. 1960. № 5. С. 17—20). Однако, как отмечает Ю. Д. Анчабадзе, сборники так и не стали практическим руководством для кавказской администрации. Они попали в Новороссийский университет, где их увидел и издал Ф. И. Леонтович (см.: Анчабадзе Ю. Д. Этнографические сюжеты в трудах Ф. И. Леонтовича // Советская этнография. 1984. № 4. С. 88).

танные и унифицированные правовые обычаи[19]. Более того, проекты этих «законов» по Енисейской и Иркутской губерниям были затем сведены в один кодекс[20], в котором формулировались общие для народов Восточной Сибири нормы обычного права как права судебной практики. Специфика правовых обычаев отдельных народов растворилась в общей массе созданных на их основе норм, которые, не утратив в принципе своего партикулярного характера, приобрели вместе с тем известную универсальность. В этом смысле «своды степных законов» обладают лишь относительной ценностью, но с точки зрения формирования обычного права народов Сибири и интегрирования его в систему государственного права России, отражения определенного уровня их социально-экономических отношений они имеют значимость исторического и юридического источника.

Работа по сбору правовых обычаев народов Сибири велась непрофессионально, с позиций русского права. Большая часть записей не являлась результатом наблюдения и изучения, в них часто фиксировалось то, что было уже известно чиновникам. В отдельных случаях нет указания на то, у какой группы населения зафиксированы те или иные обычаи. Но при всем том это было первое широкомасштабное государственное мероприятие по выявлению и систематизации правовых обычаев крупнейшего региона страны, населенного почти тремя десятками различных народов. Малых народов Севера оно коснулось частично. Народы Амура и Сахалина еще не входили в состав России, чукчи и эскимосы считались не полностью зависимыми от нее, не распространялось действие Устава «Об управлении инородцев» и на алеутов. В материалах нет записей обычаев малых народов Енисейского Севера, Севера Якутии, юкагиров и др. Запись обычаев народов Охотского побережья, входившего в состав Иркутской губернии, известна пока только в черновом варианте. Возможно,

---

[19] Проект изложения законов для бродячих и кочевых инородцев в Тобольской губернии обитающих // ЦГИА СССР. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 269; Проект степных законов для инородцев, обитающих в Енисейской губернии; Проект законов для инородцев, обитающих в Иркутской губернии // ЦГИА СССР. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 273.

[20] Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири (проект). СПб. Б. г.

что все это свидетельствует об ориентации правительства на кодификацию прежде всего обычного права крупных народов Сибири с четко выраженными нормами и отступлении его перед сложной, трудоемкой, возможно непосильной, задачей фиксирования обычаев у мелких, но многочисленных групп народов Севера.

В 30-х гг. XIX в. подобная работа была проведена на Севере европейской части России. Устав об управлении самоедами 1835 г. предусматривал выявление и запись их юридических обычаев в тех же целях, что и у народов Сибири. Временный комитет под председательством архангельского гражданского губернатора через два года составил что-то вроде судебного кодекса, в котором содержался перечень проступков и преступлений с полагавшимися за них наказаниями. Кодекс привлекает внимание своей определенностью: в нем обозначены основные юридические конфликты у известной группы населения — ненцев Архангельской губернии — и способы их решения. Но и в этом случае не обошлось без улучшения, модернизации подлинных обычаев при сведении их в судебные правила. Это привело к тому, что ненцы, как и раньше, руководствовались своими обычаями, а не этими правилами, которые применялись только по делам между ними и русскими[21]. В дальнейшем подобных попыток правительство не предпринимало и это направление в изучении обычного права народов Севера продолжения не получило.

Другое направление, обусловленное научными целями и интересами, связано преимущественно с деятельностью Русского географического общества. Первоначально в ученых трудах преобладали описания обрядов и нравов народов Севера и лишь со временем, по мере углубления познания, в печати, чаще всего в периодической, стали появляться записи их юридических обычаев[22]. Интерес к ним стимулировала судебная ре-

---

[21] Архангельские губернские ведомости. 1849. № 13, 14; Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии // Записки РГО по отделению этнографии. Т. 8. Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1978. Т. 1, С. 163—165.

[22] А. Р. О законах некоторых восточных сибирских инородцев // Сибирский вестник. 1821. № 1; Некоторые сведения о зако-

форма, последовавшая за отменой крепостного права. Разрешение волостным судам и отчасти мировым посредникам рассматривать дела на основе местных обычаев, означавшее признание их в качестве норм юридических отношений между крестьянами, требовало выяснения и фиксации этих обычаев. При записи фиксировались и обычаи малых народов Севера, судебные конфликты которых родовые управления и инородные управы решали по обычному праву. Большая часть записей приходится на последнюю четверть XIX в. Они охватывают ненцев, саамов, хантов, манси, селькупов и публикуются в основном в сборниках юридических обычаев Русского географического общества[23].

В результате этих изысканий (в них принимали участие губернские статистические комитеты и «инородческие священники») увеличилась сумма известных обычаев малых народов Севера, выявилась некоторая специфика их стадиального и регионального характера. Однако дело ограничилось записью и частичной систематизацией обычаев, научной обработки собранного материала не велось. Лишь в некоторых публикациях высказывались мысли, представляющие методологический интерес. А. Я. Ефименко указывала на одинаковую ценность для науки изучения обычного права как развитых, так и отсталых народов, на взаимное влияние юридических понятий и обычаев русского и других народов России, призывала исследователей оставить путь сравнения русских правовых воззрений с германским и греко-римским правом и обратиться к изучению юридических воззрений обитающих в стране народов[24]. Почти во всех публикациях изложению обычаев предшест-

---

нах и обычаях инородцев Березовского округа // Тобольские губернские ведомости. 1860. № 8, 9, 10; Из области обычного права сибирских инородцев // Восточное обозрение. 1883. № 17 и др.

[23] Ефименко А. Я. Указ. соч.; Дмитриев-Мамонов А. И., Голодников К. М. Юридические обычаи остяков Березовского округа; Юридические обычаи остяков Сургутского округа; Юридические обычаи самоедов Березовского округа// Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884; Носилов К. Юридические обычаи мансов//Сборник материалов по этнографии/Изд. Дашковского этнографического музея. Вып. 3. М., 1888; Воронов А. Г. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии // Записки РГО по отделению этнографии. Т. 18. Сборник народных юридических обычаев. Т. 2. СПб., 1900.

[24] Ефименко А. Я. Указ. соч. С. 3—5.

вуют краткие историко-этнографические сведения; объяснялось это тем, что юридические обычаи обусловливались историческими судьбами народов и без таких сведений не могли быть поняты. В отдельных случаях для выявления обычаев использовались решения волостных судов, оформленные письменно сделки и договоры.

Наиболее основательное описание юридических обычаев дано А. Я. Ефименко, которая систематизировала их по программе Географического общества для сбора народных юридических обычаев, включавшей разделы: гражданское право, уголовное право, общественный быт, суд и расправа. Все остальные записи не столь полны, а иногда и фрагментарны, как, например, записи К. Носилова, и уступают ему по качеству. Публикация А. Г. Воронова представляет собой переработанный, обобщенный вариант рукописей Н. Кострова и Н. Григоровского, присланных в Географическое общество. Найденная нами рукопись Н. А. Кострова «Юридический быт остяков Западной Сибири» может быть датирована концом 70-х гг. XIX в. В ней использованы материалы П. С. Палласа, Ф. Белявского, А. Кастрена, Н. А. Абрамова, И. С. Полякова, дополненные сведениями о юридических обычаях хантов р. Васюган, собранными священником Петром Красновым. Пожалуй, в попытке свести воедино юридические обычаи целого народа и заключался смысл его труда. Заслуживает внимания замечание Н. А. Кострова о зависимости состояния нравов и правонарушений у трех основных групп хантов, отмеченных еще Кастреном (обдорская, сургутская, иртышская), от степени цивилизованности их, обусловленной контактами с русскими властями и населением.

Обстоятельно охарактеризованы обычаи хантов и отчасти ненцев в «Памятной книжке Тобольской губернии на 1884 год». Однако время записи и авторы не указаны. Либо ими являются составители этой книжки А. И. Дмитриев-Мамонов — председатель Тобольского губернского правления и К. М. Голодников — член-секретарь Тобольского статистического комитета, редактор неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей», которые могли использовать какие-то первичные

материалы, либо эти описания принадлежат другим лицам и относятся к разному времени[25].

Сведения об обычном праве и суде у малых народов Дальнего Востока встречаются в трудах К. Дитмара, В. И. Иохельсона, И. А. Лопатина и других ученых. В большинстве своем они фрагментарны и относятся к концу XIX—началу XX в. В некоторых из них предприняты попытки объяснения таких обычаев, как кровная месть и калым, подчеркивается примирительный характер обычного права, связь его с религиозными верованиями и нравами. Весьма характерна тенденция «вывести» юридические обычаи из национального характера того или иного народа. С. П. Крашенинников, В. Г. Богораз и Л. Я. Штернберг застали у ительменов, чукчей и нивхов древнейшие формы суда народов Севера. Фрагменты обычного права в широком временном и пространственном диапазоне отражены в описаниях путешествий по Северу России, что усиливает возможность сравнительного его изучения (Я. И. Линденау, И. И. Георги, А. Миддендорф и др.).

Как видно, научных исследований по обычному праву народов Севера не велось, познавательные задачи не ставились и не решались, все сводилось лишь к описанию обычаев. Юристы в этой работе не участвовали, а этнографы занимались ею не специально, а в общем плане бытописания. Профессор Киевского университета Кистяковский писал: «До сих пор предпринимались экспедиции из специалистов для описания флоры, фауны, гидрографии, орографии и т. п. отдаленных стран, населенных человеком, стоящим на низших ступенях развития, но мы не знаем такой экспедиции, в состав которой входил бы хоть один юрист, предназначенный для специального изучения юридического быта этих народов. Имеющийся материал по этому предмету записан или путешественниками вообще, или учеными-естествоиспытателями, у которых на сердце лежали интересы своей специальности»[26]. Написано это более ста лет тому

---

[25] Возможно, что их автором является Т. Попов, за подписью которого в «Тобольских губернских ведомостях» опубликовано описание юридических обычаев хантов Березовского округа, совпадающее по содержанию с аналогичным описанием «Памятной книжки» (см.: Тобольские губернские ведомости. 1882. № 25, 26, 27, 28).

[26] См.: Древняя и новая Россия. 1875. № 11. С. 310.

назад, но и сегодня нельзя указать хотя бы на одну экспедицию, посетившую с такой целью зону расселения народов Севера.

Из зарубежной литературы следует выделить обширный труд Герберта Кёнига, предпринявшего серьезную попытку изучения обычного права полярных народов (эскимосов, чукчей, алеутов, коряков и др.)[27]. Первые два раздела, повествующие об общественном строе этих народов и их правовых отношениях, сейчас имеют лишь историографический интерес, последующие же разделы (юридические права этих народов, брачное, имущественное, наследственное право) во многом сохраняют актуальность и для современного исследователя.

В странах Западной Европы, особенно в Англии, являвшихся метрополиями по отношению к отсталым странам Азии, Африки, Океании, изучение юридических обычаев было связано с потребностями колониальной практики. В Англии возникла так называемая практическая антропология, одним из направлений которой явилась «этнологическая юриспруденция», примыкавшая к историко-сравнительной школе права и имевшая целью изучение права отставших в развитии народов (конец XIX в.). Но систематический характер оно приняло лишь после второй мировой войны. Изучение выявило общность поведения белых и черных людей. Так, нормы поведения нигерийцев существенно не отличались от таковых у европейцев, то, что явилось правонарушением или преступлением для европейцев, было аналогичным и для них. Выявилось также единство правовых систем Африки, созданных аграрными сообществами людей. Объем правил по конкретным вопросам в традиционном мире оказался ничуть не меньшим, чем своды законов по соответствующим отраслям более поздних эпох[28].

Традиционный суд и обычай действовали у народов Севера и в 20—30-х годах нашего столетия[29]. В последующем в связи с коренными изменениями уклада жи-

---

[27] König H. Das Recht der Polarvolker // Antropos. 1927. № 22; 1929. № 24.

[28] Синицина И. Е. Указ. соч. С. 90—102.

[29] Позан Ю., Темеров Н. Туземные суды Туруханского края // Советская юстиция. 1931. № 10; Петрова Е. Кочевые суды (туземные суды) // Советская юстиция. 1932. № 4; Зиба-

зии они исчезли, так и не став объектом пристального внимания ученых. То, что иногда публикуется, является уже не результатом наблюдения, а реконструкцией этих институтов по литературным или архивным данным[30]. Утратили свое значение и исчезли нормы обычного права и у других народов. В связи с этим возрос интерес исследователей к письменным источникам, зафиксировавшим эти нормы, возросла и их значимость[31].

Такова вкратце история изучения обычного права малых народов Севера. В итоге мы имеем некую сумму источников, позволяющих исследовать, хотя бы в самом общем виде, один из важнейших социальных институтов этих народов, связанный с определенной стадией их культурно-исторического состояния.

Выделяя наиболее значимые источники, следует обратиться прежде всего к упомянутому выше «Сборнику», изданному Д. Я. Самоквасовым; именно через него перед учеными, по существу, впервые открылся целый мир юридических обычаев и представлений многочисленных народов крупнейшего специфического региона России, в том числе и народов Севера. «Сборник» и до сих пор остается важным источником изучения юридического строя этих народов.

Однако помещенные в нем материалы неоднородны по своему характеру, обладают различной источниковой ценностью. Одни являют собой первичные записи подлинных норм обычного права (буряты, хакасы, забайкальские эвенки), другие — проекты сводов этого права, составленные чиновниками (ханты, манси, ненцы), третьи совмещают и то, и другое (якуты). «Сборник» открывается материалами по алтайцам и шорцам («Обычаи калмык и татар Бийского уезда», «Обычаи инородцев Кузнецкого округа»), у которых, как известно, фиксация норм обычного права не проводилась. Материалы характеризуют быт и хозяйственные занятия

рев В. А. Организация и деятельность суда народностей Севера // Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932 гг.). Томск, 1968. Гл. 5. С. 230—259.

[30] Миненко Н. А. Материалы по обычному праву народов Севера Западной Сибири I половины XIX в. // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 30—46.

[31] См.: Материалы по обычному праву кабардинцев (первая половина XIX в.) /Сост. Б. А. Гарданов. Нальчик, 1956; Из истории права народов Дагестана: (Материалы и документы). Махачкала, 1968 и др.

этих народов и почти лишены всякого юридического содержания. Все это свидетельствует о том, что публикация «Сборника» была скорее делом случая, чем результатом обдуманного намерения и тщательной подготовки. «Сборник» заслуживает специального источниковедческого анализа, что выходит за рамки нашей задачи. Отметим только, что многое в этом «Сборнике» остается неясным. Так, описанные в нем обычаи хантов, манси и ненцев, совпадая по структуре и содержанию с проектом, составленным Временным комитетом Тобольской губернии, значительно меньше по объему и представляют собой сокращенный его вариант. Не является первоначальным текстом и запись якутских юридических обычаев, также подвергшаяся сокращению и переработке[32].

Другой документ аналогичного происхождения, исходящий от охотского земского исправника (1823 г.), дает представление о юстиции еще одной группы народов Севера — эвенков, эвенов и отчасти коряков Охотского побережья — и тем самым дополняет информацию «Сборника» Д. Я. Самоквасова. Но в отличие от помещенных в нем своего рода «кодексов закона» этот документ представляет описание правонарушений и полагающихся за них наказаний, составленное со слов «инородческих начальников», приезжавших в Охотск для внесения ясака[33].

К прямым источникам изучения обычного права народов Севера относятся документы судебного делопроизводства, которые обнаруживают не только те или иные юридические нормы, но и, что особенно важно, их практическое применение, их действие; это расширяет и конкретизирует общее представление о юридическом строе данных народов. Но поскольку судебные конфликты у них решались словесно, то подобных документов немного. Часть из них отложилась в фондах инородных управ, а в более позднее время — в фондах родовых (туземных) Советов. Имеющаяся в них информация отрывочна, фрагментарна, однако, собран-

---

[32] Пекарский Э. К. Материалы по Якутскому обычному праву // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1925. Т. 5. Вып. 2. С. 658—659.

[33] См.: Зибарев В. А. Из истории обычного права народов Севера // Сов. этнография. 1986. № 2. С. 73—79.

ная воедино, она может дать достаточные сведения о судебной практике у этих народов. Отсюда необходимость фиксации каждого такого документа.

Особое место в их ряду занимает судебная книга Обдорской инородной управы, являющаяся уникальным юридическим памятником малых народов Севера[34]. Внесенные в нее протоколы судебных заседаний управы за два десятилетия — с 1881 по 1901 г. (всего 144 протокола) — содержат обширный систематический материал, позволяющий видеть механизм функционирования суда у ненцев и хантов. Некоторые из них приведены в сокращенном виде — в виде записи жалобы и судебного решения, но большинство протоколов обстоятельно, с подробностями передают существо дел, ход судебного разбирательства, мотивировку приговоров и решений[35].

В целом информация литературы и источников позволяет исследовать юридические обычаи и суд малых народов Севера как самостоятельную научную проблему, но лишь со строго ограниченной целью. В наше намерение входит провести научную реконструкцию этого института как единого целого, обозначить его эволюцию в указанных хронологических границах и, по возможности, региональные и стадиальные особенности.

Проблематика юридической этнографии, возникшей на стыке нескольких наук, разработана слабо; в основном она связана с изучением первоначального или остаточного обычного права[36]. Еще менее эта проблематика определена применительно к юридическому строю малых народов Севера — для изучения его нужно спуститься на более низкие горизонты истории, на которых функционировали традиционные обычаи и суд.

Прежде всего представляется важным разграничение между юридическими обычаями малых народов Се-

---

[34] Эту «Книгу» обнаружил и сдал в Тобольский краеведческий музей А. А. Дунин-Горкавич. Ему же принадлежит и первое описание ее. См.: Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Тобольск, 1911. Т. 3. Приложение V. Материалы для изучения обычного права инородцев Березовского уезда. С. 25—51.

[35] См.: Обдорской управы книга для записи приговоров по тяжбам, спорам и проступкам инородцев (1881—1901 гг.). Томск, 1970. Подготовка текста к печати, предисловие и примечания В. А. Зибарева.

[36] Першиц А. И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 225.

вера и обычаями как таковыми; смешение их — одно из наиболее распространенных недоразумений, встречающихся в литературе. Столь же важным представляется определение исходного уровня управления, суда и юридического строя малых народов Севера до того, как они подверглись деформации в связи с присоединением к России. От этого в решающей степени зависит ответ на вопрос о характере, глубине и результатах их эволюции на протяжении трех с лишним столетий, а следовательно, и на вопрос о механизме интеграции их в государственно-правовые институты царской России. Самостоятельный интерес представляет изучение, если можно так выразиться, правовых взглядов и суждений, правосознания в целом народов Севера, которые более всего выявляются через юридические обычаи и процедуры.

Изучение проблемы не только устраняет крупную брешь в воссоздании исторического прошлого этих еще совсем недавно бесписьменных народов, а досоветский, особенно дорусский период его наиболее труден для науки, но и может внести некоторые коррективы в решение ряда проблем ранней истории Сибири, рассмотренных на ином историческом материале, без учета данных обычного права населяющих ее народов, в том числе и народов Севера.

Традиционный суд и обычное право представляются важнейшим институтом догосударственного, патриархально-родового общества, регулировавшим имущественные, хозяйственные, семейно-брачные и другие отношения малых народов Севера, без знания которого трудно вообразить как само это общество, так и механизм его функционирования. Наиболее ранние обычаи восходят к первобытно-общинной формации, изучение которой, как известно, имеет общетеоретическое значение для исторической науки. Полностью очевидна значимость изучения этой проблемы для правоведения в целом, для сравнительно-правоведческой его ветви в особенности.

Внимание историков права привлекает трансформация норм обычного права в государственные законы, ибо эти нормы предшествуют законам и являются одним из их источников. Изучение юстиции малых народов Севера открывает возможность проникновения на

более ранние ступени юридического строя человечества, связанные с формированием самих юридических обычаев, их функционированием в условиях доклассового общества.

1. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ И УПРАВЛЕНИЕ

Ученых еще долго будут интересовать причины чрезвычайной замедленности исторического развития малых народов земного шара, прозябавших в течение тысячелетий или на суровых, безжизненных пространствах Северного полушария, где все силы людей поглощались борьбой за выживание, или в дебрях тропических лесов, где изобилие готовых продуктов превращало их в баловней природы. Проходили века, на обломках одних цивилизаций возникали другие, человечество двигалось вперед, и только эволюция этих народов, оказавшихся на задворках истории, так и не вышла за рамки первобытно-общинного строя.

Конечно, для расшифровки этого феномена истории необходимо выяснение в каждом случае конкретных факторов, но возможно, что существует какое-то общее объяснение, что тайна кроется в неравномерности самого исторического процесса, в том, что в силу множества случайных обстоятельств в том или ином районе мира возникают точки роста, которые определяют собой на известное время прогресс всего человечества. За пределами же их влияния, на периферии могут существовать небольшие сообщества людей, оказывающихся в тупиках истории.

Разумеется, эта мысль касается прежде всего так называемых первобытных народов, не достигших того пункта, за которым, по словам К. Маркса, начинается действительное развитие, тех замкнутых группировок, где первобытно-общинные отношения без импульса извне могли воспроизводиться бесконечно долго. Сегодня ясно лишь одно: глубокая отсталость таких народов объясняется отнюдь не ущербностью или неспособностью их к развитию, думать так значило бы становиться

на позиции расизма, а рядом неблагоприятных факторов объективного порядка, и когда такие факторы исчезают, эти народы сбрасывают с себя бремя отсталости и поднимаются из глубин веков в современную эпоху. Пример тому — путь, пройденный при социализме в минимальный исторический срок—всего за несколько десятилетий — малыми народами советского Севера.

Ясно также, что эти народы не являются исторически неподвижными, что они в пределах первичной общественно-экономической формации проходят длительную эволюцию, создавая совершенную для этой стадии материальную и духовную культуру, переходя от первоначальных, примитивных ко все более сложным формам общественной жизни. Иначе говоря, они с самого начала суть не только объекты истории, но и ее субъекты. Исследования Н. Н. Дикова показали, что древнейшее население Чукотки на заре своей истории ни в чем не уступало населению других районов земного шара, где в эпоху палеолита и неолита также безраздельно господствовало охотничье хозяйство. Отставание его началось, когда народы, расположенные в более благоприятных климатических условиях, стали переходить к скотоводству и земледелию[1].

Замедленность социально-экономического процесса развития малых народов Севера объясняется прежде всего крайне неблагоприятными естественными условиями материального производства. Суровая природная среда заставляла людей тратить слишком много труда для поддержания жизни и тем самым задерживала развитие производительных сил. Они использовали только естественные источники средств существования. Природные богатства (металлы, уголь, нефть и т. д.) как средства труда не могли быть поставлены на службу человеку. Орудия производства совершенствовались медленно. На Севере не было того разнообразия естественных продуктов, которое, как отмечал К. Маркс, составляет естественную основу общественного разделения труда, способствует умножению собственных потребностей и способностей человека, средств и способов труда[2]. Обитая в одинаковых природных условиях, лю-

---

[1] Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974. С. 44, 45.

[2] Маркс К. Капитал. Т. I. Кн. I. М., 1983. С. 522.

ди располагали одинаковыми источниками средств к жизни. Обмен был затруднен, влияние его на производство — ничтожно.

Малые народы жили в стороне от исторически сложившихся экономических и культурных центров, находились в длительной изоляции от внешнего мира. До присоединения к России у них почти отсутствовали такие катализаторы прогресса, как устойчивые связи с соседними народами. Отрицательно сказался на эволюции производства медленный рост народонаселения. В отдаленном прошлом, судя по всему, он не мог быть значительным. За последние триста предреволюционных лет, в отличие от других народов Сибири (якутов, бурят, алтае-саянских тюркоязычных народов), численно возросших, у народов Севера отмечена убыль населения. Следовательно, воспроизводство самих производителей материальных благ за обозримый период происходило во все уменьшающемся размере. До прихода русских в Сибирь производительные силы не испытывали давления роста народонаселения. Плотность народонаселения на территории обитания северных народов была одной из самых низких на земле. Малочисленность населения, затерянного в безбрежных пространствах тайги и тундры, разобщенность его замедляли разделение труда, внутренний обмен и в конечном счете темпы общественного развития.

Социальным фактором, задерживающим развитие народов Севера в течение трех столетий, явилась колониальная политика царизма. Царская Россия по отношению к ним сыграла принципиально такую же роль, как западноевропейские государства по отношению к народам колониальных и зависимых стран.

Совокупность указанных обстоятельств вызвала глубокую экономическую, политическую и социально-культурную отсталость, которая наиболее полно выражает сущность исторического состояния народов Севера. Производство материальных благ покоилось на добывающих промыслах (охота, рыболовство) и оленеводстве, представляющем собой примитивное скотоводство. Предметами труда являлись естественные ресурсы флоры и фауны. Орудия труда состояли из простейших орудий лова и охоты. Процесс труда заключался в извлечении из внешней природы естественных источников средств к жизни (сбор дикорастущих, убой зверей и

птиц, лов рыбы). Отношение человека к природе ограничивалось исключительно добычей, т. е. присвоением готовых продуктов животного и растительного мира[3].

Малые народы Севера еще не покинули ступени, предшествующей появлению земледелия и скотоводства, на базе которых складываются первые классовые общества, их хозяйство в целом можно рассматривать как присваивающее хозяйство. Промыслово-оленеводческое, комплексное по своему характеру, оно подразделялось по преобладающему занятию на четыре основных производственных типа: рыболовецкий, охотничий, морской зверобойный и оленеводческий. Хозяйственные занятия определяли образ жизни населения, более половины которого составляли кочевники.

Неразвитой экономике соответствовали столь же неразвитые общественные отношения. По этому поводу высказываются самые различные предположения. Общественные отношения народов Севера отождествлялись с отношениями всех классово-антагонистических формаций вплоть до капиталистической, в лучшем случае они характеризовались как переходные от первобытно-общинных к классовым. Недостаток последнего подхода состоит в том, что он оставляет открытым вопрос: какие конкретно это были отношения и в какие классовые отношения (раннеклассовые и др.) они трансформировались. Причина всего этого не только в сложности, но и в неизученности вопроса. Наука в свое время не занялась им серьезно, современным же исследователям приходится судить о них не на основе собственных наблюдений, а по литературным данным и архивным документам.

Печать двойственности, которой история метит все народы, связанные с гибелью старого строя и рождением нового, видна и на народах Севера. Их общественно-экономические отношения имели переходный характер. Частная собственность на средства производства (промысловые орудия, домашний скот, транспортный инвентарь) сочеталась с общественной собственностью на землю (пастбища, промысловые угодья) и некоторые другие средства, создававшиеся преимущественно путем

---

[3] Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.-Л., 1955. С. 12, 19.

кооперации труда (запоры, заездки, засеки и т. п.). Мелкое индивидуальное хозяйство — семья — сосуществовало с коллективными формами труда и коллективным распределением продуктов. Родовые связи переплетались с территориальными, локальные объединения народов Севера (и оседлых, и кочевых) представляли собой соседско-родовые либо семейные общины. В литературе основной социально-экономической единицей у народов Севера признают либо семью, либо общину. Серьезные доводы в пользу последней приведены В. И. Бойко и Ю. В. Попковым[4]. Однако мы согласны с тем, что этот вопрос не может решаться однозначно. Семья еще не могла существовать вне общины, последняя же по своей экономической роли уступала семье. По всей вероятности, такой баланс объясняется тем переходным состоянием, которое переживали эти народы.

Общественные отношения, с одной стороны, были отношениями сотрудничества и взаимопомощи, унаследованными от первобытно-общинного строя, а с другой — отношениями подчинения и эксплуатации, свойственными классовому обществу. Они варьировались в зависимости от внешнего воздействия на те или иные группы этих народов, но в целом отношения сотрудничества и взаимопомощи в новых условиях постепенно теряли силу или же превращались в свою противоположность и служили средством эксплуатации.

Общество народов Севера на всем протяжении XVII — начала XX в. оставалось доклассовым обществом с незначительной социальной и профессиональной дифференциацией. Однако его социальная моноструктура была нарушена. В нем выделялся слой богатых влиятельных людей с эксплуататорскими устремлениями (туземная администрация, крупные оленеводы, торговые посредники). Все остальное население составляло трудовой слой, представленный в большинстве своем самостоятельными хозяйствами. Часть их, обеднев, попала в зависимость от богатых и подвергалась эксплуатации. Отношения между ними не приняли антагонистического характера. Наем рабочей силы почти отсутство-

[4] Бойко В. И., Попков Ю. В. Развитие отношения к труду у народностей Севера при социализме. Новосибирск, 1987. С. 41—57.

вал. Эксплуатация чужого труда имела неразвитые формы и вуалировалась родовой взаимопомощью.

Имущественное неравенство и социальное расслоение основывались на владении оленями, которые являлись главным средством производства не только в оленеводческом, но и в охотничьем хозяйстве. По данным Приполярной переписи 1926—1927 гг., 3,2% кочевых оленеводческих хозяйств владели 42,7% всех оленей. В численном выражении они составляли всего 362 хозяйства, каждое из которых имело свыше тысячи оленей. Сверхмощных хозяйств, как они именуются в литературе, обладавших многотысячными стадами, было немного[5]. У рыболовов и морских зверобоев социальная дифференциация была выражена слабее. Богатая верхушка выделялась здесь на базе торгового посредничества.

Сама по себе собственность в ее первоначально элементарной форме на примитивные промысловые орудия (орудия производства) не вызывала сколько-нибудь заметных отношений зависимости. Промысловые угодья и пастбища находились в общественном пользовании. Основой расслоения в этой своеобразной социальной среде являлись «владение оленем и монополия на транспортную связь с внешним рынком»[6].

Общественные связи оставались слабыми, а общественная жизнь — неразвитой. Родовая демократия, как социальный институт, отсутствовала, но многие ее нормы сохраняли свое значение. В семьях и общинах главенствовали старшие по возрасту мужчины. Люди делились по признаку родства и соседства, по полу и возрасту. Однако физическая и моральная основа превосходства одних людей над другими уступала место экономической. Богатые люди считались умными, достойными, пользовались авторитетом и уважением.

Прогрессивная, цивилизующая роль России по отношению к Востоку, отмеченная Ф. Энгельсом[7], в полной мере распространяется и на народы Севера. Включение Сибири в состав Русского государства привело к ожив-

---

[5] Седьмой пленум Комитета Севера//Советский Север. 1930. № 4. С. 128.

[6] Скачко А. Е. Имущественные показатели социальных групп у малых народов Севера//Советский Север. 1930. № 3. С. 5.

[7] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 241.

лению этой полупустынной территории. Резко возросло ее народонаселение, развились скотоводство и земледелие, появились ремесло, промышленность, торговля. Производительные силы Сибири шагнули вперед. Малые народы силою обстоятельств были вовлечены в общий поток исторического развития России. Вековая изолированность от внешнего мира исчезла. Русский народ принес с собой более высокие формы материальной, общественной и духовной жизни, оказал глубокое воздействие на все стороны патриархального бытия этих народов, ускорившее падение традиционных отношений. У народов Севера возникла перспектива интеграции в классовое, в конечном счете капиталистическое общество, являющаяся наиболее общим выражением прогрессивности вхождения их в состав России.

Вместе с тем народы Севера стали эксплуатироваться царизмом, торгово-ростовщическим и отчасти промышленным капиталом. Традиционные институты их были деформированы, а исторический процесс нарушен.

Низкий уровень развития производительных сил и производственных отношений обусловил существование архаических общественных институтов. Ученые долгое время искали у народов Севера классические формы родо-племенного строя или их остатки и мало обращали внимания на действительно существовавшую у них социальную организацию. И только отказ от догматического подхода привел к заметным результатам. Усилиями этнографов проведена обнадеживающая реконструкция социальных институтов этих народов[8]. К XVII в. народы Севера жили в условиях первобытно-общинного строя, на той стадии, характерной чертой которой является наличие отцовского рода и которую в этнографической литературе принято называть патриархально-родовой стадией. Однако они находились на разных ступенях этой стадии: у одних народов лишь возникали предпосылки для развития патриархально-

[8] Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII—начало XX в.). М., 1970. 454 с.; Карлов В. В. Эвенки в XVII—начале XX в. (хозяйство и социальная структура). М., 1982. 160 с.; Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVII—XIX вв.: (Проблемы фратрии и рода). М., 1983. 323 с.; Гемуев И. Н. Семья у селькупов (XIX—начало XX в.). Новосибирск, 1984. 154 с. и др.

родовых отношений, у других они выступали в развитой форме, у третьих уже разлагались.

Социальная организация народов Севера, соответствовавшая данной стадии, принимала различные формы. Этнографы выделяют пять таких форм. Три из них связаны с наличием отцовского рода (юкагиры, самодийцы — предки нганасан и тундровых энцев; эвенки, эвены, южные тунгусы («натки»), предки нанайцев и ульчей, северные кочевые кеты и лесные энцы; ненцы). Четвертая форма определена по наличию фратрий (ханты и манси) [9], для пятой характерно отсутствие и родового и фратриального деления (коряки, чукчи, ительмены, эскимосы) — социальная организация этих народов выражалась в форме патриархально-семейной общины [10].

Общественная организация народов Севера воплощалась в доклассовых, дополитических формах и имела несколько уровней. Наряду с малой семьей существовали большая семья, соседско-родовые и соседские общины. Линии этих сообществ перекрещивались с линиями патриархального отцовского рода, дуальной фратриальной организации. И все это перекрывалось объединениями на уровне племен (без племенной администрации) или крупных территориальных групп (народ реки такой-то). Складывается впечатление, что несмотря на примитивизм общественного бытия, социальное устройство народов Севера отличалось сложностью и многообразием. Специфическая черта его по сравнению с аналогичными установлениями классового общества, как подчеркивают исследователи, состоит в отсутствии стабильности, для него характерны неустойчивость форм, возможность изменения их и их состава, возможность перехода одной формы в другую. Наличие безродовых, а возможно, и дородовых форм, отсутствие племен в их классическом виде свидетельствуют о более низком уровне социальной организации народов Север-

---

[9] Фратриальное деление свойственно также и ненцам.

[10] Вне основных пяти типов общественной организации народов Севера оставлены селькупы и нивхи, которые не вписываются в эту схему. Не охарактеризован общественный строй саамов и алеутов ввиду утраты ими самобытных его черт, хотя с точки зрения эволюции социальных институтов народов Севера этот случай представляет определенный интерес (см.: Общественный строй у народов Сибири... С. 430, 431).

ной Евразии по сравнению с индейцами Северной Америки.

В течение XVII—XIX вв. основная эволюция социальных институтов народов Севера шла по линии замены кровно-родственных связей территориальными. Считается, что в XIX — начале XX в. у большей части этих народов родовую общину сменила соседская с господством индивидуального хозяйства отдельных семей[11]. Традиционные установления уступали место новым, типа сельских институтов русских крестьян.

Таковы основы социально-экономической жизни и общественного строя малых народов Севера в наиболее общих чертах. В их пределах встречаются самые различные варианты, которые, отражая специфику тех или иных малых народов или их групп, могут не всегда вписываться по менее существенным признакам в эту схему.

Аналогичная эволюция была проделана и в области управления. До присоединения к России народы Сибири, за исключением татар, не имели государственности. У малых народов Севера существовало самоуправление, свойственное доклассовому обществу на патриархально-родовой стадии развития. Его можно отнести к тому типу, который с точки зрения государства и права характеризуется наличием многих черт первобытной демократии, сочетавшей общественную власть и общественное управление. Носителем власти являлось все данное общество; власть, выражавшаяся в постановлениях собраний, опиралась на авторитет обычая, принципы морали. Управление делами общества распространялось, как правило, только на те отношения, которые затрагивали весь коллектив или существенную его часть. Во всем остальном общество предоставляло своим членам широкую личную независимость не только в суждениях, но и в поступках[12]. Однако общественная власть функционировала уже в условиях ограниченной общественной собственности, а социальное равенство людей не было столь полным, как раньше.

Общая картина управления у народов Севера отнюдь не выглядела однообразной. Уже в первых изве-

---

[11] Общественный строй у народов Сибири... С. 16.

[12] Марксистско-ленинская теория государства и права: Исторические типы государства и права. М., 1971. С 64.

стиях о Сибири упоминаются лучшие, начальные, почетные люди. Источники выделяют хантов, у которых еще до прихода русских имелись «собственные владельцы», получившие затем названия князцов[13]; ненцев и эвенков, имевших что-то вроде родовых старшин; ительменов, чукчей, алеутов, живших в полной вольности и равенстве, не знавших ни начальников, ни подчиненности[14].

Наиболее характерным, типичным являлось самоуправление, осуществлявшееся всем данным сообществом, без какой-либо администрации, должностных лиц и т. п. Так, род у нивхов, описанный Л. Я. Штернбергом, не имея главы и регулярных собраний, проявлял себя в лице всех взрослых сородичей в серьезных делах и, решив их, как бы исчезал до новых таких дел. «Посмотрите, — пишет Л. Я. Штернберг, — как без всякой регламентации и органов принуждения движется сложный организм родовой жизни. Вот умер семейный сородич. Необходимо обеспечить его семью, сохранить имущество до совершеннолетия наследников, решить, к кому перейдет вдова. Нет судей, нет властей, но сойдутся ближайшие сородичи, потолкуют, выслушают претендентов и на ком остановятся, тот будет мужем вдовы и отцом осиротевших»[15]. Самоуправление стояло в прямой связи с уровнем экономического бытия и формами социальной организации, кочевым и полукочевым образом жизни населения, распыленного на огромнейших пространствах тайги и тундры. Отсутствие сколько-нибудь значительной концентрации людей и крупных населенных пунктов не вызывало необходимости появления иных его форм.

В результате присоединения к России малые народы Севера оказались включенными в ее государственно-политическую систему. Тем самым было положено начало переходу их от самоуправления доклассового общества к государственному управлению и государственным формам власти, что явилось шагом по пути прогресса. Но их традиционные институты, столкнувшись с более высокой общественно-политической структурой,

---

[13] Вполне возможно, что они были поставлены татарами.

[14] Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1810. С. 108—109, 166, 172, 188, 193.

[15] Штернберг Л. Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933. С. 54.

оказались деформированными, а сами они, утратив свободу и независимость, были низведены до уровня бесправного, эксплуатируемого элемента.

Управление народами Севера, преследовавшее цель удержания их в покорности и регулярного взимания ясака, выражавшее в существе своем колониальную политику царизма, подразделяется на несколько этапов. На первом из них, который по известной аналогии можно охарактеризовать как этап прямого управления, население приписывалось к острогам и зимовьям, в обеспечение уплаты ясака его приводили к шерти, брались заложники (аманаты), для сбора «мягкой» рухляди посылались ясачные сборщики. Власть на местах принадлежала воеводам и их приказчикам, поэтому данный этап, совпадающий с присоединением Сибири и усмирением ее народов ,можно назвать еще и этапом воеводского управления. Правительство, по существу, не вмешивалось во внутреннюю жизнь народов Севера, выступая на сцену лишь в случаях «шатости и измены», межплеменных столкновений, тяжких уголовных преступлений. Его интересовал только ясак.

С 20-х гг. XVIII в. в связи с утверждением в России абсолютной монархии и завершением покорения Сибири начался переход от прямого управления к косвенному, при котором часть административных и судебных функций передавалась местной туземной верхушке. По инструкции С. Я. Владиславича-Рагузинского (1728 г.) полагалось всех ясачных закрепить за определенными родами, улусами и поставить во главе их родоначальников. Каждый улусный человек, обязывался подчиняться своему родоначальнику, переход в другие рода и улусы запрещался. Родоначальники получили право судить сородичей по гражданским и мелким уголовным делам[16]. Тем самым было положено начало замены традиционных форм общественного устройства административными.

Косвенное управление народами Севера окончательно сложилось в 1763—1769 гг. во время ясачной рефор-

---

[16] Щербачев А. Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области: Материалы. Вып. 5. Исторические сведения СПб., 1898 С. 130, 131; Федоров М. М. Указ. соч. С. 34.

мы, изменившей порядок взимания ясака. В качестве податной единицы выступал род, улус как единое целое. Институт аманатства и сборщиков ясака был упразднен, ясак поручалось собирать князцам и старшинам. Состоялась перепись ясачного населения Сибири с определением нового оклада ясака, считавшегося постоянным. Подтверждалось закрепление ясачных за родами, улусами, волостями. В местах обитания их для сбора ясака и торговли созывались сугланы. У народов Севера появились более или менее постоянные административные образования и своя туземная администрация, ставшие частью государственного аппарата России. В отличие от якутов, бурят и других народов Сибири, у которых туземная администрация рекрутировалась за счет родоплеменной верхушки, у народов Севера, за исключением некоторых групп хантов и забайкальских эвенков, она искусственно насаждалась царизмом, причем имела место попытка сделать должности князцов и старшин пожизненными и даже наследственными.

В нашу задачу не входит подробный анализ порядка управления народами Сибири[17], отметим только два момента. Во-первых, косвенное управление в туземной его форме более отвечало новому этапу освоения Сибири и было более эффективным способом управления, поскольку предполагало наличие у царизма опоры среди ее народов в виде родоплеменной знати; во-вторых, и прямое, и особенно косвенное управление выступали не в чистом виде, а в их сибирской разновидности. При воеводском управлении имело место привлечение, хотя и эпизодическое, туземной знати на помощь сибирской администрации, а косвенное управление представляло лишь низшее его звено, тогда как все остальные звенья являли собой аппарат прямого управления. Так что в целом правомерно говорить скорее о смешанной форме, сочетавшей элементы прямого и косвенного управления. Оно функционировало на двух уровнях, доминирующее положение занимала государственная администрация.

---

[17] Подробнее об этом см.: Таксами Ч. М., Туголуков В. А. Административные волости, улусы и роды у народов Сибири (XVII—начало XIX в.) // Социальная история народов Азии. М., 1975; Марченко В. Г. Управление и суд у малых народов Сибири и Дальнего Востока в царской России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1985.

Административное устройство народов Севера постепенно заменяло их традиционное родоплеменное устройство. Оно укрепляло территориальные связи, но до государственной организации территории дело еще не дошло. Под родами, улусами, волостями значились лишь определенные группы населения с подразумеваемой территорией, занимаемой ими. Никаких территориальных границ они официально не имели. Правительство, регламентируя обязанности князцов и старшин, все более вмешивалось во внутренние дела народов Севера. Так, указом Иркутского губернского правительства от 20 апреля 1817 г. об утверждении Федора Бабцева в должности старшины III Долганского рода ему, помимо сбора ясака и отправления судебных функций, полагалось обеспечивать выполнение сородичами распоряжений вышестоящих властей, держать их в послушании, побуждать к переходу на оседлость к скотоводству и земледелию[18].

Система косвенного управления народами Севера действовала почти целое столетие. В первой четверти XIX в. последовала реформа, имевшая целью приспособить управление Сибирью к новым условиям, вызванным дальнейшими социально-экономическими сдвигами. В рамках реформы было реорганизовано управление коренными народами, в том числе и народами Севера. Устав об управлении инородцев 1822 г. определил правовое положение народов Севера, установил порядок обложения податями и повинностями, упорядочил управление. Юридически оформляя политику царизма в отношении народов Сибири, обобщая его административную практику, Устав внес много нового в дело их государственного устроения. Созданная на его основе система туземного управления выполняла административные, фискальные, полицейско-судебные функции и являлась, по существу, составной частью государственного аппарата России.

Устав 1822 г. как правовой акт по сравнению с предшествовавшими ему актами аналогичного назначения стоит гораздо выше, отражает более высокую ступень государственного правопорядка России, управления народами Сибири. Он вводил единый порядок создания органов управления, более точно определял ком-

[18] ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 1076. Оп. 2. Д. 27. Л. 9.

петенцию туземной администрации, ее взаимоотношения с царскими властями. Формы управления, порядок обложения ясаком, налогами и повинностями устанавливались не вообще для всех народов Сибири, как раньше, а в зависимости от хозяйственных занятий и образа жизни населения, поделенного на разряды оседлых, кочевых и бродячих инородцев[19]. Устав закреплял в интересах фиска так называемые рода народов Севера в качестве административно-податных единиц, а также волости и другие подобные образования, способствовал возвышению туземной знати и вместе с переписью населения и переобложением ясаком означал новый шаг по пути государственного устроения территории и населения северных окраин Сибири.

Устав об управлении инородцев как документ классового, крепостнического государства выражал интересы самодержавия. Он закреплял колониальное положение малых народов Севера в составе России, определял правовые основы их угнетения. Всей своей сущностью Устав был направлен на обеспечение полного и регулярного поступления ясака — одной из специфических форм феодально-колониальной эксплуатации. Покровительственная политика правительства по отношению к народам Севера (наделение промысловыми угодьями, попытки защиты от скупщиков пушнины, произвола местных властей) диктовалась теми же интересами фиска. Народы Севера по-прежнему оставались бесправными; органы управления ими, имевшие туземную форму, не выражали и не защищали их интересов. Они находились под контролем царской администрации Сибири. В то же время Устав не был проникнут духом расизма, религиозной нетерпимости. Народы Севера рассматривались как подданные царя, приравнивались к положению государственных крестьян.

Таким образом, управление народами Севера эволюционизировало от прямого к косвенному управлению и от него — к системе туземного управления как низшего звена государственной администрации в Сибири. Все последующие изменения направлялись на то, чтобы упразднить туземную форму, его особый характер и ввести у народов Севера сельское управление.

---

[19] Малые народы Севера в своей основной массе были отнесены к разряду бродячих инородцев.

Именно такую цель преследовали многочисленные проекты реформы управления этими народами, именно таким образом было реорганизовано оно у ряда их групп[20]. Вместе с тем следует подчеркнуть, что этот процесс к 1917 г. отнюдь не завершился, а в туземном управлении сохранялись элементы самоуправления. Туземная администрация во многих отношениях опиралась на общественное мнение, обычаи и традиции; авторитет князцов, старост, старшин и им подобных часто не выходил за рамки личного авторитета.

Общая схема управления у малых народов Севера распадается на ряд локальных вариантов. У саамов Архангельской губернии существовало сельское управление, однотипное с сельским управлением русских крестьян, действие Устава 1822 г. на них не распространялось. Территория обитания саамов (Русская Лапландия) делилась на две волости (Понойскую и Кольско-Лопарскую), входившие в Кольский уезд. Волости, управлявшиеся волостными правлениями, объединяли погосты, каждый из которых составлял особое общество (мир), возглавлявшееся сельским сходом и сельским старостой. Все сколько-нибудь значительные дела вершились на мирских сходах, на них же избирались должностные лица. Решающая роль принадлежала состоятельным и старшим по возрасту людям. Старостами обычно выбирали людей порядочных, толковых, заслуживающих доверия, но обязательно из зажиточной среды. Им либо назначали жалованье, либо выделяли реку для ловли семги на время службы. Бедные занимали должности десятских или лесных сторожей[21].

Управление у ненцев, входивших в Мезенский уезд Архангельской губернии, строилось по тундрам. В каждой из них оно состояло из старосты и помощника, избиравшихся на три года, и регламентировалось специальным Уставом 1835 г. В конце XIX в. в составе этой губернии был образован Печорский уезд, включивший в себя Большеземельскую тундру. Ненцы этого уезда приписывались к Пустозерской, Усть-Цильмской

---

[20] См.: Солярский В. В. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Хабаровск, 1916; Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX—начало XX века). Иркутск, 1986.

[21] Харузин Н. Русские лопари. М., 1890. С. 332; Ефименко А. Я. Указ. соч. С. 55, 56.

и Ижемской волостям. Староста их находился в Пустозёрске, а его помощники в Усть-Цильме и Ижме[22].

Одна из особенностей управления народами Обского Севера (ханты, манси, селькупы) состояла в наличии волостей, т. е. таких административных единиц, которые не предусматривались Уставом 1822 г. ни у бродячих, ни у кочевых инородцев. По-видимому, причина заключалась в их оседлом или полуоседлом образе жизни. При сохранении традиционных хозяйственных занятий— рыболовства и охоты — население южной части этого района переняло от русских скотоводство, частично земледелие и кое-что из бытового уклада. Волости возглавлялись выборными старостами, которые наделялись правами и обязанностями родовых управлений[23].

Другое отличие заключалось в том, что у хантов в числе туземной администрации были князья: Тайшины, Артанзиевы, Алачевы. Правительство использовало их при покорении Сибири и утверждении здесь своей власти. Стремясь привлечь на свою сторону туземную знать, оно жаловало ее представителям княжеские титулы, отдавало в вотчину ясачные волости с правом суда и взимания ясака, ставило их во главе местной администрации. За Тайшиными сохранялся княжеский титул, который передавался по наследству. Обладатель его автоматически признавался главным начальником Обдорской волости.

Во второй половине XIX в. все северные инородческие волости Тобольской губернии были реорганизованы в управы, которые в одних случаях совпадали с волостями, а в других — объединяли по несколько волостей. Во главе каждой управы стоял старшина с двумя кандидатами и русский писарь. Волостные старосты, десятские и сотские управляли отдельными территориальными группами. Власть большинства из них носила патриархальный характер, ей были чужды формальные моменты. Они являлись не администраторами, а выразителями воли своего народа, его главой[24]. Создание

---

[22] Энгельгард А. П. Русский Север: Путевые записки. СПб., 1897. С. 219.

[23] См.: Марченко В. Г., Зибарев В. А. К вопросу об административном устройстве малых народностей Севера в дореволюционной России // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978. С. 104—112.

[24] Шатилов Б. М. Указ. соч. С. 85.

управ у населения, отнесенного к разряду бродячих инородцев, также противоречило Уставу 1822 г. и было вызвано чисто административными потребностями. Ненцы-оленеводы, ведшие кочевой образ жизни, составляли административные (официальные) рода, входившие в Обдорскую волость. Возглавлялись они старшинами. Некоторые рода дробились на ватаги.

В Нарымском крае Томской губернии также сохранялось волостное деление. Волости располагались по р. Оби и ее притокам. В центре находился г. Нарым — местопребывание заседателя 5-го участка Томского округа. Волости не представляли собой чего-то единого ни по территории, ни по составу населения. Так, Васюганская волость включала 25 юрт, 105 хозяйств, 624 человека, а соседняя Ларнатская волость — 6 юрт, 27 хозяйств, 89 человек. В одном поселке (юрте) находилось обычно 3—4 родственных семьи. Каждая семья жила сама по себе, отдельно, но все слушались старшего по возрасту. Несколько юрт подчинялись старшине (орту)[25].

Туруханский край Енисейской губернии (примерно 16 тысяч населения, в том числе 11—12 тыс. народов Севера) в административном отношении делился на три участка: Верхнеимбатский, Дудинский и Тазовский. Первые два участка находились в ведении полицейских урядников, а Тазовский, как и весь Туруханский край,— в ведении отдельного пристава. Русское население входило в общества чисто повинностного характера, возглавлявшиеся сельскими старостами и старшинами. «Общее положение о крестьянах» к нему не применялось. Малые народы Севера (эвенки, ненцы, энцы, селькупы, долганы, нганасаны, кеты), ведшие в большинстве своем кочевой образ жизни, подразделялись на административные рода, которые возглавлялись князцами (старостами) и их помощниками. Вместе с писарями из русских они составляли родовые управы[26]. Туземная

---

[25] Григоровский А. Описание Васюганской тундры // Записки Западно-Сибирского отдела РГО. Кн. 6. Омск, 1884. С. 61, 62; Сибирская газета. 1881. № 21. С. 1—2; Музей истории материальной культуры при Томском ун-те. № 471-4, тетрадь № 4. Этнографическая экспедиция к васюганским хантам, июль—август 1971 г. / Записи Т. Клещеевой. С. 1, 2.

[26] Туруханский край. Вып. I. Приложение к «Известиям Енисейского отдела управления». № 10. Б. г. Б. м. С. 10.

администрация насаждалась правительством. По свидетельству А. А. Попова, князцы навязывались долганам царизмом, никаких сведений о них в более ранних фольклорных памятниках не имелось. Влияние князцов, по существу ограничивалось сбором податей и судебными разбирательствами [27].

Очень пеструю картину представляло управление эвенков Восточной Сибири. У верхоленских и киренских эвенков в рамках прежних волостей имелись управы, которые возглавлялись старшинами. У первых они делились на участки, у вторых — на десятки, причем те и другие управлялись старостами.

Баунтовская и Баргузинская управы объединяли рода. У эвенков, составлявших небольшие, локальные группы, имелись только родовые управления (Верхне-Ангарское, Нижне-Ангарское, Подлеморско-Шамагирское и др.). Управа у тофаларов объединяла пять улусов; должностные лица именовались у них так же, как и у бурят: управой заведовал шуленга, а улусами — дарги. Шуленгой назывался и волостной голова у очеульских, баргузинских и других эвенков [28].

Забайкальские эвенки, отнесенные к разряду кочевых инородцев, управлялись инородными управами, объединявшими административные рода. Одну из управ возглавлял князь Гантимуров, именовавшийся начальником тунгусских родов. В 1902 г. у этой группы эвенков, переведенных в разряд оседлых и поделенных на волости, было введено сельское управление [29].

Эвенки, эвены и юкагиры Якутской области образовывали административные рода, управлявшиеся старостами и их помощниками — старшинами. Часть родов составляла обособленные инородные управы, другие входили в якутские улусы, у третьих имелись только родовые управления [30].

---

[27] Попов А. А. Материалы по родовому строю долган // Советская этнография. 1934. № 6. С. 136.

[28] Львов Л. Обозрение Забайкальского края // Русский вестник. 1842. № 8—9. С. 23, 133, 134, 138.

[29] Рыбаков С. Г. Армакские тунгусы (Селенгинского уезда Забайкальской области) // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО. Вып. 1. СПб., 1903. Т. 4. С. 61, 80, 81.

[30] См.: Памятная книжка Якутской области за 1864 г. СПб., 1864. С. 62—72.

Разнообразием форм отличалось управление у малых народов Дальнего Востока. У эвенков, эвенов и коряков Камчатки и Охотского побережья оно определялось Уставом 1822 г. Чукчи, эскимосы и алеуты составляли особые разряды, на которые действие Устава не распространялось. У кочевых эвенков, эвенов и коряков преобладали родовые управления, лишь у удских эвенков и гижигинских коряков имелись инородные управы. Рода возглавлялись старостами, а их подразделения — старшинами. У оседлого населения избирались старосты, а у ительменов — заказчики. Крайне медленно вводилось управление у народов Приамурья, вошедших в состав России в середине XIX в. Освобождение их от уплаты ясака лишило царскую администрацию обычной ретивости в этом деле. Большие затруднения возникли и в применении к ним Устава 1822 г. Местные власти указывали на непригодность родовых форм управления для этих народов, предлагали организовать сельское управление. С этой целью было составлено Положение об инородцах Приамурского края, которое, однако, не нашло поддержки у правительства.

Управление строилось таким образом: у населения, причисленного к разряду бродячих (орочи, удэгейцы и др.), был учрежден институт старшин, на оседлое население (нанайцы, ульчи, нивхи) распространялось действие Общего положения о крестьянах, селения их входили в состав русских волостей, управлялись они старостами. В 1914—1915 гг. у оседлого населения Амурской губернии и Камчатской области вводится упрощенное сельское управление; все жители одного или нескольких селений (инородцы, мещане, крестьяне) составляли отдельные сельские общества во главе со старшинами, которые избирались на сельских сходах. Такое управление распространялось также на оседлых чуванцев, юкагиров, эвенков, коряков, чукчей, эскимосов[31].

Алеуты Командорских островов находились в зависимости от Российско-Американской, а затем Аляскинской компаний. Согласно Уставу Российско-Американской компании (1844 г.) алеуты управлялись назначенными колониальными властями тойонами и старшинами, кото-

[31] ЦГИА СССР. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 210. Л. 140, 141; ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1401. Л. 52, 53.

рые обязывались «иметь надзор за инородцами, им вверенными, разбирать междуусобные их споры и неудовольствия». Тойоны могли по собственному усмотрению в каждом селении назначать по одному помощнику (нарядчику). Алеуты были обязаны продавать «мягкую рухлядь» только компании. С 1891 г. алеуты перешли под власть царской администрации. В 1914 г. они по распоряжению Приамурского генерал-губернатора были перечислены из особого разряда в разряд оседлых инородцев с организацией у них упрощенного сельского управления [32].

Попытки ввести управление у чукчей, продолжавшиеся с 60-х гг. XIX в. почти до свержения царизма, оказались безуспешными. Чукчи не признали ни главного эрема, ни начальника носовых чукчей, ни старост и старшин, которых пыталась насадить среди них местная администрация [33].

Как видно, административное устройство у малых народов Севера было введено царским правительством. В нем явно преобладали административно-территориальные единицы, характерные прежде всего для оседлого населения (волости у саамов, хантов, манси, нарымских селькупов, кетов; сельские общества у оседлых групп народов Приамурья, Охотского побережья, Камчатки и Чукотки, алеутов) и отчасти для кочевников-оленеводов (ненцы Архангельской губернии), у которых управление строилось по тундрам. Административное устройство большинства кочевого населения имело форму административных родов (ненцы, энцы, долганы, нганасаны, эвенки, эвены, коряки и др.). Ввиду подвижного образа жизни территориально ограничить его было невозможно. Но в обоих случаях за основу принимались определенные группировки населения, которые могли накладываться либо на какие-то уже существовавшие объединения, либо, и это более вероятно, создавались царской администрацией. Очевидно также, что это уст-

---

[32] Архив внешней политики России (АВПР). Ф. 339. Оп. 888. Д. 380. Л. 18, 19; ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 702. Оп. 1 Д. 1401. Л. 69—70.

[33] Богораз В. Г. Краткий отчет об исследовании чукоч Колымского края. Иркутск, 1890. С. 40; ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 2. Л. 336; ГАНО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 495. Л. 17; Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965. С. 229—254.

ройство не было обусловлено собственными потребностями малых народов, сообщества которых отличались замкнутостью и независимостью.

Туземная администрация у народов Севера, за исключением двух-трех случаев, о которых уже говорилось, насаждалась правительством. Она представляется довольно-таки неоднородной: от старост и старшин, тяготившихся и даже уклонявшихся от выполнения своих обязанностей, до князей Тайшиных и Гантимуровых, явно возвышавшихся над своими соплеменниками. Русские, столкнувшись с неизвестной им социальной организацией народов Севера, пытались обозначить территории, группы населения, родоплеменную верхушку с помощью собственных представлений. Ни у одного из этих народов не имелось каких-либо терминов для обозначения властелинов. Вся терминология, обозначавшая туземную администрацию (князцы, тойоны, шуленги, дарги, джангины и т. п.), заимствовалась у русских, якутов, бурят, маньчжуров и переносилась на народы Севера. Что-то, по-видимому, перенималось и у татар. В одном из документов XVIII в. говорится о набеге низовой самояди Обдорского князца тайши Гындина на Ляпинскую волость[34].

То же самое произошло и в отношении административного устройства, все эти понятия: волости, землицы, рода, улусы, ведомства, наслеги, участки — применялись произвольно по отношению к той или иной группе населения. Даже наиболее распространенные и устойчивые административные образования — волости — не имели точно определенной территории. Они включали только освоенные места (промысловые угодья, покосы, пашни), остальная территория подразумевалась. «Никаких границ ясашных волостей не существовало,— пишет Шерстобоев,— да в этом не было надобности, так как нигде ясачное население не занимало сплошных пространств»[35]. Так же произвольно применялись термины род, племя, поколение, колено и т. п.

Управление народами Севера действовало на нескольких уровнях, сочетая в себе в разном соотноше-

---

[34] Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2. 1718—1724. СПб., 1885. С. 181.

[35] Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Иркутск. 1957. Т. 2. С. 623.

нии элементы управления и самоуправления. Последнее более всего свойственно самому низшему уровню, функционировавшему на традиционной основе, все большую роль в нем играли мирские сходки. Туземная администрация не приобрела иерархического характера. В большинстве случаев действовало одно звено (родовые управления), и лишь кое-где над ним надстраивались инородные управы с соответствующими должностными лицами. Остальная туземная номенклатура, представляла дробные подразделения родов, волостей и других административных единиц. Существенная роль в управлении принадлежала главам семей, являвшимся непосредственными исполнителями распоряжений властей и общественных решений.

Туземные администраторы выбирались мирскими сходками на определенный срок с обязательным утверждением губернаторами. Непосредственно они подчинялись местной полиции в лице частных земских исправников, земских отдельных заседателей, становых приставов и урядников. В 1898 г. обязанности по контролю за управлением и судом у народов Сибири (Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская губернии) перешли от полиции к крестьянским начальникам[36].

В рамках охарактеризованного общественного строя, будучи сопряженным с системой управления, и функционировал судебно-правовой комплекс малых народов Севера.

---

[36] Сборник узаконений об устройстве крестьян и инородцев в губерниях Сибири. СПб., 1899, С. 10.

2. СУД У МАЛЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

2.1. Судоустройство

Важным средством осуществления колониальной политики царизма являлся суд. С помощью суда правительство решительно пресекало любые попытки протеста народов Севера против угнетения и эксплуатации, обеспечивало регулярное поступление ясака, карая неплательщиков и преследуя прежде всего такие правонарушения, которые угрожали интересам фиска. Не заботясь особенно о соблюдении порядка и законности на территории обитания народов Севера, оно тем не менее вынуждено было принимать определенные меры по ограждению этих народов от произвола местных властей, грабежа торговыми и служилыми людьми опять-таки единственно с целью обеспечения уплаты ими ясака. Тот факт, что ясак взимался в пользу царя, объясняет чуткую, можно сказать, болезненную реакцию правительства на малейшие недоимки, особенно в то время, когда он взимался исключительно пушниной, имевшей большую ценность и пользовавшейся повышенным спросом на рынках не только России, но и Западной Европы. При царе Федоре Ивановиче ясак составлял более трети всех поступлений в казну.

Присоединение Сибири к России означало распространение на нее судебной системы царизма. Народы Сибири, в том числе и малые народы Севера, оказались в сложной судебно-правовой ситуации. С одной стороны, у них продолжал функционировать традиционный суд, а с другой — они попали под юрисдикцию чужого для них суда, назначение, процессуальные формы и законодательные основы которого никоим образом не соответствовали их общественно-экономическим связям и отношениям.

Дуальная система суда имела противоречивый характер, затрудняла правовую ориентацию народов Севера и отнюдь не способствовала укреплению порядка и законности. Установки традиционного суда не совмещались с установками государственного суда, выражавшего классовые интересы помещиков и буржуазии. Но дело не только в этом. Сибирская администрация, признанная стоять на страже порядка и законности, была первейшим их нарушителем. Стремясь к обогащению любыми средствами, она попирала все нормы права, все законы, все заповеди христианской морали. И раньше другого населения этот режим бесконтрольности, произвола и насилия испытали на себе народы Сибири. Совсем не случайно в жалованном слове новых воевод князцам и лучшим людям этих народов каждый раз обещалось в отличие от прежних воевод, голов и приказных людей вершить впредь правый суд. И каждый раз все повторялось сначала. Сибирь на протяжении более двух столетий была зоной полнейшего беззакония, и никакие меры правительства вплоть до казни сибирских губернаторов не смогли изменить этого положения.

Конечно, не стоит идеализировать обстановку в Сибири до похода Ермака. Здесь господствовало кулачное право, право сильного, царила жестокость. Малые народы Севера испытывали гнет и давление со стороны более могущественных соседей; обычным явлением среди них самих были межродовые и межплеменные столкновения. Присоединение к России положило конец этому беззаконию и правовому хаосу, внесло государственный порядок в отношения между народами. Но на смену одного беззакония пришло другое.

Судебная политика и судебная система царизма в Сибири, оставаясь почти неизменными в своей сущности, во всем остальном претерпели определенные изменения, особенно в формах и способах осуществления. Эволюция суда прошла по крайней мере три этапа.

На первом этапе — этапе присоединения Сибири к России и замирения ее народов — основным средством карательной политики были военно-административные меры. Правительство беспощадно, без суда и следствия карало эти народы «за шатость и измену», за нежелание покориться и платить ясак. Поступление ясака обеспечивалось введением института заложничества, князцы и прочие лучшие люди брались в аманаты. В 1682 г.

в казенке Охотского острога сидело 64 аманата от 34 тунгусских пеших и оленных родов[1].

Суд, пожалуй, имел меньшее значение. Его прерогативы почти исключительно принадлежали воеводам, поэтому в целом суд, особенно на начальном этапе, может быть охарактеризован как воеводский суд. Судебные права приказных людей были незначительны. В 70—80-х гг. XVII в. сибирским приказчикам предоставлялось право разбирать иски иноверцев, не превышавшие 5—10 руб., а ясачным сборщикам — иски, не превышавшие 2—3 р.[2] Все остальные дела подлежали воеводскому суду.

Судебная власть воевод была огромной и бесконтрольной. Она распространялась как на уголовные, так и на гражданские дела и включала в себя все меры наказания, вплоть до высшей. Сибирские воеводы имели право казнить иноверцев без согласования с Москвой. Произвол, пытки, разорение, волокита — типичные черты воеводского суда. Правительство безуспешно увещевало воевод «судить в правду», запрещало пытать и казнить без царского указа сначала мурз и князей, а потом и простых людей[3].

Воеводский суд отнюдь не был перегружен делами. Воевод интересовали почти исключительно межродовые и межплеменные конфликты, они не особенно вникали во внутреннюю жизнь народов Севера, а последние по понятным причинам избегали обращаться к их суду. Воеводы разбирали также конфликты между ними и русскими. Правительство, оберегая народы Севера как поставщиков мягкой рухляди от разорения по судному обряду, предписывало воеводам немедленно рассматривать все жалобы на русских и не потворствовать русским в их жалобах на ясачных. Оно запрещало воеводам рассматривать иски на них русских торговых и служилых людей, приказчикам велено было на ясач-

---

[1] Бахрушин С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 года // Советский Север: Сб. статей. М., 1929. № 1. С. 80, 81; Известия Восточно-Сибирского отдела РГО. Иркутск, 1895. Т. 26. № 1, 2, 3. С. 110.

[2] Огородников В. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVII—XVIII вв. // Сборник трудов Иркутского гос. ун-та. Отд. 1. Вып. 1. Иркутск, 1921. С. 19.

[3] Фирсов Н. Положение инородцев в Московском государстве // Известия и ученые записки Казанского ун-та. 1866. Вып. 3. С. 295, 296.

ных людей русским суда не давать. Некоторые воеводы запрещали приказчикам заниматься судебными делами народов Севера. Верхотурский воевода Г. Ф. Нарышкин в наказе приказчику Лятской слободы (1685—1687 гг.) писал: «Ясачных людей судом ни в каких делах не ведать»[4]. В 1695 г. был издан указ, запрещавший применять к ясачным пытку и смертную казнь без доклада царю.

Естественно, что воеводский суд руководствовался законами, однако и он вынужден был считаться с нормами обычного права местных народов. Иногда даже виновный в убийстве оставался на свободе под поручительство сородичей: казнить его или подвергнуть заключению означало причинить убыток государственной казне.

По-видимому, в большинстве своем судебные конфликты решались в традиционном порядке. Кровная месть заменялась выкупом (головщиной), в который входили женщины, олени, имущество. Кроме того, виновный должен был заплатить двойной ясак: за себя и за убитого. В 1702 г. ясачный тунгус Хандинской волости Кунча Канбалов неумышленно убил тунгуса Усольской волости Ивашку Онучина. Помимо двойного ясака он по обычаю отдал братьям убитого «трех девок и шесть оленей»[5].

В отдельных случаях служилые князцы из народов Севера наделялись судебной властью. Когда в 1594 г. остяцкому князцу Игичею были пожалованы за службу две волости, то сибирским воеводам предписывалось людей тех волостей ни в чем не судить[6]. Однако в целом князцам сибирских народов права суда, равно как и власти вообще, правительство сначала не предоставляло. Видимо, для смягчения произвола примерно с 70—80-х гг. XVII в. князцы и лучшие люди этих народов

---

[4] Акты исторические. Т. 5. С. 133.

[5] Буцинский П. П. Мангазея и Мангазейский уезд (1601—1645 гг.). Харьков, 1893. С. 65; Окладников А. П. Курейские тунгусы в XVIII в. // Сибирь периода феодализма. Новосибирск. 1968. Вып. 3. С. 109, 110.

[6] Бударин М. Е. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск, 1952. С. 47.

могли лишь участвовать в разборе мелких гражданских дел ясачными сборщиками [7].

Разбор гражданских дел представлял очень сложную и изнурительную процедуру. Указ Петра I от 5 ноября 1723 г. «О форме суда» требовал, чтобы жалоба истца, составленная по пунктам, сообщалась ответчику для ознакомления. Через неделю обе стороны лично вызывались в суд, причем ответчик мог до трех раз уклоняться от явки. Само судоговорение требовало длительного времени и крепкой нервной системы [8]. Ясно, что в таком суде, отличавшемся волокитой, лихоимством и произволом, найти правосудие не могли не только народы Сибири, но и русское население. Для малых народов Севера этот суд был попросту недоступен.

С конца 20-х гг. XVIII в. в связи с переходом от прямого к косвенному управлению у народов Сибири, в том числе и у народов Севера, стал вводиться суд так называемых родоначальников, на которых возлагалось отправление судебных функций почти по всем судебным конфликтам этих народов. Начало введению этого суда было положено упомянутой выше инструкцией С. Л. Владиславича-Рагузинского 1728 г. Согласно ей родоначальники получали право разбирать все гражданские и мелкие уголовные дела. В малых делах (споры из-за калыма, кражи скота, побои и пр.) полагалось судить в «каждом роду своему начальнику», в более значительных — составлять суд из шести начальников от трех родов. Решения шестичленной судебной коллегии признавались окончательными с тем, чтобы земские комиссары по уездам и острогам за малые причины не грабили и не разоряли ясачных людей [9]. Крупные уголовные преступления преследовались в общем судебном порядке. В таком же порядке рассматривались апелляционные дела и дела между русским и коренным населением Сибири.

---

[7] Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII—начало XIX века). Якутск, 1978. С. 114; Огородников В. Указ. соч. С. 19.

[8] Головачев П. Сибирь в Екатерининской комиссии: (Этюд по истории Сибири XVIII в.). М., 1889. С. 57. В Сибири этот указ не применялся.

[9] Щербачев А. Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области: Материалы. Вып. 5. Исторические сведения. СПб., 1898. С. 130.

Реформа суда имела двойственный характер. С одной стороны, она в известной мере избавляла народы Севера от суда по чуждым им законам, с позиций несвойственного им правосознания, узаконивала, по существу, традиционный суд этих народов, а с другой — вводя суд родоначальников, отделяла суд от населения, ставила его над ним, превращала этот суд в одно из звеньев судебной системы феодально-крепостнического государства. Последующими указами этот судебный порядок был закреплен, дополнен и распространен на все народы Сибири [10]. В результате ясачной реформы сбор ясака и решение судебных дел перешли к князцам и старшинам. Их судебные полномочия расширились. Они получили право телесного наказания своих сородичей с согласия лучших родовичей, что не предусматривалось обычаями, право высылать преступников из родных мест [11]. Телесному наказанию сородичи подлежали не только за преступления и проступки, неуплату ясака, но и за непослушание князцам и старшинам. Наиболее характерные черты этого суда состояли в том, что он велся на основе местных юридических обычаев, словесно, в рамках традиционной процедуры, безо всякого делопроизводства.

Однако и этот порядок не ограждал народы Севера от волокиты и вымогательства чиновников. Практика обжалования решений суда родоначальников в общих судебных инстанциях и в общем порядке наряду с отсутствием точного разграничения дел между этими судами открывала чиновникам широкую возможность вмешательства в судебные конфликты народов Севера. Этот порядок отнюдь не гарантировал беспристрастность судебных решений и по делам между русским и коренным населением. Именно этими обстоятельствами объясняются попытки правительства упростить рассмотрение апелляционных дел между ними, а также между новокрещенными иноверцами, рассматривать их «следствием, а не по форме суда», вести протоколы судебных заседаний на простой, а не на гербовой бумаге, запретить сбор судебных пошлин.

---

[10] ПСЗ-1. Т. 11. № 8236; Т. 21. № 15680; Т. 27. № 20771; Федоров М. М. Указ. соч. С. 145.

[11] Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII—начало XX в.). М., 1970. С. 386; ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 1081. Оп. 2. Д. 26. Л. 2.

Возможно, что с этим было связано намерение Екатерины II законодательно определить правовое положение иноверцев всей России, в том числе и Сибири. Характерно, что на Уложенной комиссии, где обсуждался этот вопрос, депутаты от ненцев заявили, что им не нужно никаких законов, пусть только запретят чиновникам притеснять их[12]. В этих же целях в 70—80-х гг. XVIII в., во время существования наместничеств, была предпринята попытка ввести в нижние расправы (нижний земский суд) заседателей от народов Сибири, в том числе от народов Севера, для участия в рассмотрении вместе с чиновниками крупных уголовных и апелляционных дел. Однако это был лишь кратковременный эпизод, с упразднением наместничеств заседатели от народов Сибири были упразднены и более к участию в официальном суде не привлекались.

Новый судебный порядок среди народов Севера прививался отнюдь не просто, хотя суд князцов и старшин был для них предпочтительнее воеводского суда. Наказы сибирских народов депутатам в Уложенную комиссию, выступления в ней от имени своих соплеменников-тунгусов князя П. Гантимурова свидетельствуют о продолжавшемся судебном произволе местных властей. Сибирская администрация бесцеремонно вмешивалась в решение мелких конфликтов, творила суд и расправу независимо от родоначальников и часто вопреки им. Нерчинская воеводская канцелярия арестовывала бурят и тунгусов без ведома князцов и старшин, держала их по нескольку лет в заключении. Особое недовольство вызывала практика рассмотрения крупных уголовных и апелляционных дел, а также дел между русским и коренным населением. Незнание языка, законов, неграмотность, сложность судебной процедуры делали народы Севера полностью беззащитными перед лицом закона. Гантимуров предлагал, чтобы при разборе конфликтов между русским и коренным населением половина судей принадлежала к последнему, чтобы на суде по уголовным делам присутствовали старшины и переводчики. Через старшин должны были доставляться преступники в суд и исполняться наказания[13].

---

[12] Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 63.

[13] Сборник Русского исторического общества. СПб., 1871. Т. 14. С. 208—211; Головачев П. Указ. соч. С. 66, 67.

Вместе с тем выявились определенное сопротивление народов Севера суду князцов и старшин, приверженность их традиционным формам суда, а также отсутствие склонности у самих князцов и старшин к единоличному отправлению правосудия. Пройдет почти столетие, прежде чем этот судебный порядок укоренится у народов Севера в качестве основного, официального судебного порядка, единственным же судебным порядком он не станет у них никогда.

В самом судебном порядке существовало много неясностей и противоречий, он устанавливался эмпирически, путем проб и ошибок. В некоторых указах, подтверждавших действие установок, данных Владиславичем-Рагузинским, говорилось не о суде родоначальников, а о том, чтобы оставить народы Сибири при их собственных правах и обычаях. Нечетко определялась компетенция суда родоначальников (то малые, то маловажные, то гражданские дела), ему предписывалось то бить ослушников батогами, плетьми, заключать их в кандалы или деревянные смыки, то наказывать по обыкновению (т. е. по обычаю); местной администрации то давалось право апелляции на несправедливые приговоры и решения этого суда, то запрещалось пересуживать такие дела [14].

В 1822 г. вместе с реформой управления народами Сибири был реформирован и суд. Общий смысл реформы состоял в дальнейшем огосударствлении управления и суда этих народов, в том числе и народов Севера, большей их интеграции в общую административную и судебно-правовую систему России. Разумеется, что классовый характер реформы вуалировался, на передний план выставлялась необходимость улучшения сложившихся порядков. Действовавший до 1822 г. суд характеризовался как суд, в котором творились злоупотребления земских чиновников, произвольно истолковывались князцами и старшинами юридические обычаи, как суд, в котором первая инстанция судила инородцев по одним законам, а высшая — по другим [15].

По Уставу 1822 г. суд у народов Севера приспосабливался к новому порядку управления, вернее, он возла-

---

[14] Федоров М. М. Указ. соч. С. 149—153.

[15] Пояснительные примечания к Своду степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири. Б. м. Б. г. С. 3—9.

гался на органы управления, создававшиеся по этому Уставу. В основе его была идея соединения административной и судебной власти, которая в целом, как считалось, отвечала степени гражданского состояния этих народов. Суд у народов Севера дифференцировался в зависимости от принадлежности к разрядам. Оседлые жители подлежали общему суду, иначе говоря, судебный порядок у них был таким же, как и у государственных крестьян Сибири. По общим законам и в общих присутственных местах народы Севера судились за преступления, совершенные ими в городах и русских селениях. Следовательно, некоторая часть народов Севера выпадала, так сказать, из юрисдикции туземного суда, оказывалась полностью под юрисдикцией государственного суда России.

У бродячих и кочевых народов вводился суд старост, родовых управлений и инородных управ. Старосты у бродячих инородцев Сибири и ненцев Мезенского уезда Архангельской губернии имели право единоличного суда по делам своих сородичей. Родовое управление и иногородная управа представляли собой подобие коллегиального судебного органа. Родовое управление — суд первой инстанции — рассматривало лишь дела своего рода или стойбища. Инородной управе — второй судебной инстанции — были подсудны дела по конфликтам между инородцами разных родов и дела, поступавшие в порядке обжалования решений первой инстанции. Третьей судебной инстанцией являлась земская полиция, которая рассматривала конфликты между населением разных управ и дела, поступавшие в порядке обжалования решений второй судебной инстанции.

Основы этого суда оставались прежними. Суд вершили, как и раньше, князцы и старшины, верховодившие в родовых управлениях и инородных управах. Дела решались на основе норм обычного права. Судопроизводство велось словесно; его процедура Уставом не определялась и отдавалась на усмотрение туземной администрации. Князцы и старшины не несли ответственности за несправедливые, ошибочные решения. Вместе с тем судоустройство у народов Севера приняло более упорядоченный характер, более четко стала проводиться грань между юрисдикцией туземного и государственного суда. Туземному суду были подсудны все дела за исключением дел о возмущении против власти, предна-

мерением убийстве, грабеже, насилии, хищении казенного и общественного имущества, фальшивомонетничестве. Позднее к ним добавились дела о корчемстве. Подавляющее большинство дел изымалось из действия общих законов и относилось к туземному суду, что позволяло решать их с позиций, понятных тяжущимся сторонам, ограничивало вмешательство русских чиновников.

Но, пожалуй, главным нововведением являлась попытка положить в основу всего судопроизводства у народов Сибири нормы обычного права, дополняя их лишь в случае необходимости государственными законами. Попытка эта, как известно, не увенчалась успехом, правовая основа судопроизводства у народов Севера по-прежнему оставалась двойственной, причем в силу определенных обстоятельств сфера приложения государственных законов постепенно, но неуклонно расширялась за счет сокращения сферы действия норм обычного права. Наконец, следует сказать и о том, что Устав 1822 г. допускал суд посредников — одну из древнейших форм традиционного суда народов Сибири. Решения этого суда, который мог состояться только при согласии обеих сторон, считались окончательными и обжалованию не подлежали. Допуская суд посредников, правительство стремилось не только смягчить произвол туземной администрации, но и учитывало склонность этих народов решать конфликты путем примирения.

Наделение судебными функциями органов туземного управления усиливало их власть и повышало престиж, возвеличивало над соплеменниками князцов и старшин, укрепляя тем самым опору царизма в проведении среди народов Севера его политики. Несмотря на туземную форму, применение норм местного права, суд органов управления этих народов входил хотя и специфической, но в целом составной частью в судебно-правовую систему царской России. Вместе с тем вряд ли подлежит сомнению тот факт, что введение суда родоначальников, а затем и суда туземного управления было шагом вперед в деле утверждения правопорядка и законности у народов Севера, в прекращении, так сказать, первобытного произвола и хаоса как в отношениях между отдельными сообществами людей, особенно различной этнической принадлежности, так и в отношениях между людьми (кровная месть, самосуд и т. п.). Введение су-

да вместе с введением государственного управления повысило уровень социальной жизни народов Севера, внесло в них элементы государственности, связав единой административно-судебной системой прежде разрозненный конгломерат людей, семей, общин и народов, не имевших между собой широких и прочных связей.

В XIX в., особенно во второй его половине, с ростом капиталистических отношений в Сибири и большим вовлечением в их сферу местных народов, учащением контактов между ними и пришлым русским населением традиционные обычаи этих народов, в том числе и юридические, ослабевают, усиливается влияние русского правосознания и правопорядка. Особенно заметно этот процесс обозначился там, где малые народы переходили к сельскому хозяйству. Часть забайкальских эвенков (тунгусов), занимавшихся скотоводством и ведших кочевой образ жизни, заимствовала нормы обычного права у бурят; тунгусы-земледельцы, жившие оседло,— у русских крестьян. «Буряты агинские и улдургинские,— сообщает один из авторов,— крепко держатся выработанного веками обычного права, и пока степные законы вполне удовлетворяют их, что можно сказать и об нерчинских тунгусах, ведущих кочевой образ жизни; но для остальных тунгусов, живущих оседло, степные законы потеряли всякое значение, так как они, переняв от русских образ жизни, усвоили и их понятия о праве, и в этом отношении тунгусы мало чем отличаются от русских»[16].

Наряду с этим постепенно выявляются недостатки, если не сказать пороки, судебной системы, установленной реформой 1822 г. Критике в основном подвергается туземный суд. Сибирская администрация указывает на произвол и лихоимство князцов и старшин, сосредоточивавших у себя судебную власть, на несправедливость, пристрастность их суда, особенно в делах между бедными и богатыми, большое влияние на судебные решения русских писарей инородных управ. Князцы и старшины либо подбирали из множества обычаев более подходящий для себя, либо по подсказке писарей применяли государственные законы. Однако вопрос заклю-

[15] Сафьянников М. А. Материалы к устройству судебной части по делам инородцев Приамурского края // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО. М., 1899. Т. 1. Вып. 1. С. 26.

чался не только в этом. Туземный суд, основанный на юридических обычаях, возникших в недрах патриархально-родового строя, не отражал складывавшихся общественных отношений. Сибирские чиновники не раз отмечали, что этот суд не обеспечивает охрану собственности и не воспитывает население в духе уважения к ней[17]. Они предлагали правительству распространить на народы Сибири общий судебный порядок и общее государственное законодательство.

В позициях центральной и местной власти по этому вопросу так же, как и по вопросу об управлении народами Сибири в целом, существовало определенное противоречие. Правительство с известным недоверием относилось к предложениям и проектам на этот счет, поступавшим от сибирской администрации, придерживаясь прежней консервативной политики. Несколько раз вопрос о новом управлении и судоустройстве народов Сибири безрезультатно обсуждался в самых верхних эшелонах государственной власти. В 1896 г. Государственный совет поручил министру внутренних дел и министру юстиции пересмотреть действовавшее законодательство как в отношении туземного суда, так и в отношении изъятий и ограничений в общем Уложении о наказаниях по преступлениям среди этих народов[18]. Но никаких последствий это за собой не повлекло.

Наиболее существенные изменения в судебно-правовой системе, действовавшей у народов Сибири и постепенно эволюционировавшей в сторону отхода от обычного права и туземного суда и приближения к государственной судебно-правовой системе, состояли, во-первых, в отказе от намерения кодифицировать нормы обычного права и положить их в основу судопроизводства по делам этих народов. В конце 40-х гг. XIX в. были прекращены все попытки по введению в действие «Сводов степных законов» ввиду ослабления силы обычаев народов Сибири и все большего обращения их к общим законам[19]. Однако следует отметить, что эта тенденция наиболее отчетливо проявилась у якутов, бурят и других подобных народов и в меньшей мере у народов Севера.

---

[17] ЦГА ЯАССР. Ф. 12. Оп. 6. Д. 74. Л. 4; Оп. 1. Д. 19704. Л. 88—90.

[18] ЦГА ЯАССР. Ф. 12. Оп. 6. Д. 74. Л. 4.

[19] ЦГИА СССР. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 63. Л. 39.

Некоторые изменения, во-вторых, произошли в связи с введением (1898 г.) в Сибири Временного положения о крестьянских начальниках, по которому суд и управление у народов Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний перешли от полиции к крестьянским начальникам, уездным съездам этих начальников и губернским управлениям. На этих начальников возлагался разбор исков, превышавших подсудность волостных судов, но не свыше 2 тыс. руб., конфликтов по сдаче в аренду земельных угодий, по найму на сельскохозяйственные работы и т. п. Уездные съезды являлись второй апелляционной инстанцией по приговорам, вынесенным крестьянскими начальниками[20].

В-третьих, в связи с переходом к сельскому управлению в целом ряде случаев в начале XX в. у оседлых и кочевых групп народов Севера вводился сельский суд (забайкальские эвенки, народы Амура, эскимосы, алеуты, оседлые чукчи и др.)[21]. Особую настойчивость в этом плане проявили власти Приамурского генерал-губернаторства. Еще в 90-х гг. здесь была составлена программа для изучения судебной части у малых народов. В 1901 г. Приамурское областное управление возбудило вопрос о введении сельского суда с некоторыми изъятиями и у разряда бродячих[22].

Таким образом, устанавливается факт постепенной интеграции судебно-правовой системы малых народов Севера в судебно-правовую систему России. Однако этот процесс в силу понятных причин происходил медленно, сложно, порой болезненно, с неодинаковой интенсивностью у различных групп этих народов и не завершился полностью ко времени победы Великой Октябрьской социалистической революции. Сущность его состояла в переходе от традиционных форм суда и юридических обычаев к государственному суду и праву.

В целом судебная система, установленная в 1728—1822 гг. и действовавшая с некоторыми изъятиями вплоть до Октябрьской революции, более подходила

---

[20] Крестьянские начальники могли отменять решения туземного суда (в порядке апелляции), наказывать своей властью виновных арестом до трех дней или денежным штрафом до 15 р.

[21] ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 78. Л. 402, 531, 532.

[22] Солярский В. В. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Хабаровск, 1916. С. 4.

для бурят, якутов и других народов, чем для народов Севера, т. е. для народов, ушедших далее в своем историческом развитии. У забайкальских эвенков родовые старосты годами не видели своих сородичей. Родовые управления бездействовали, а без рассмотрения дел в них, как в суде первой инстанции, нельзя было по закону рассматривать дела в инородных управах. В связи с этим эвенки были лишены фактически правосудия, мелкие дела тянулись годами [23]. Словесные суды никакому контролю не поддавались. Эвены II Горбиканского рода жаловались, что князец Федор Кудинов к сбору ясачному редко выходит из гор, не делает им никакого разбирательства и правосудия.

Во многих случаях родовые управления как судебные инстанции не действовали. Возглавлявшие их старосты и князцы отказывались единолично вершить суд, боясь нарушить царские законы, или же в силу кочевого образа жизни не могли собраться вместе для суда. Поэтому нередко инородные управы функционировали как первая судебная инстанция. Именно так действовала Обдорская инородная управа. Ни в одном из рассмотренных ею дел нет ссылки на решения родовых управлений. Так же действовали инородные управы у манси, рассматривавшие исковые дела в качестве первой ступени словесной расправы, поскольку у них отсутствовали родовые управления [24]. У народов Нарымского и Туруханского краев, у большинства народов Дальнего Востока не было инородных управ, а следовательно, и суда второй инстанции. Иначе говоря, структура суда определялась применительно к бурятам, якутам, хакасам, алтайцам и не учитывала условий жизни народов Севера.

2.2. Судопроизводство

Характеристика эволюции суда у народов Севера на протяжении более чем трех веков, выявляя общую тенденцию, останется неполной, если не коснуться других его сторон, в том числе и судопроизводства, в котором

---

[23] Сафьянников М. А. Указ. соч. С. 18; ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 1506. Оп. 1. Д. 80. Л. 29.

[24] Павловский В. Вогулы // Учен. зап. Казан. ун-та. 1907. Кн. 6, 7. Приложение. С. 57, 58.

может быть более всего отразились специфические черты. Туземный суд, как уже говорилось, не был у народов Севера единственной формой отправления правосудия, наряду с ним существовал традиционный суд. Но, пожалуй, самое интересное состоит в том, что туземный суд, под которым подразумевается суд князцов и старшин, суд органов туземного управления, или, иначе говоря, суд, введенный инструкцией Владиславича-Рагузинского 1728 г. и Уставом об управлении инородцев 1822 г., никогда и нигде не существовал у них в чистом виде.

Власть князцов и старшин, особенно вначале внедрения туземного управления, носила скорее отеческий, патриархальный, нежели административный характер, хотя со временем они все более осваивались со своими властными полномочиями. То, что писал Л. Г. Морган об ирокезах (все лично свободны, у всех одинаковые права, сохемы и вожди не претендуют на какое-либо преимущество), было в известной мере характерно и для народов Севера. Князцы и старшины в большинстве случаев не претендовали на привилегированное положение, некоторые из них тяготились своими обязанностями.

Судебная власть князцов и старшин не составляла исключения, они, как правило, избегали единоличного рассмотрения судебных конфликтов. Аналогичной позиции придерживались и их соплеменники, уклонявшиеся от такого суда. Этот суд не имел традиции, до него судебные функции принадлежали всему сообществу людей в каждом конкретном случае. Кроме того, сам по себе этот суд оказался малоприспособленным к условиям жизни народов Севера, так как собрать для суда членов родового управления или инородной управы, тяжущиеся стороны, свидетелей было не так-то просто. А. А. Дунин-Горкавич отмечал, что у хантов суд, введенный Уставом 1822 г., почти не существует, так как староста и его кандидаты не могут собраться для коллегиального суда, а к единоличному разбирательству старост инородцы обращаться избегают[25].

По этим причинам у народов Севера утвердился суд общих собраний (сходок, сугланов); у кочевого насе-

---

[25] Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Тобольск, 1911. Т. 3. С. 59.

ления он происходил один-два раза в год во время сбора ясака и других податей, у оседлого — несколько чаще, но тоже в связи с решением общественных дел на сходках. На них рассматривались наиболее значительные судебные конфликты: по разделу имущества, брачным делам, распрям между супругами, наследованию, опеке, промысловым угодьям, крупным кражам и т. п. В решении, выносившемся сообща, главная роль принадлежала мнению старших по возрасту и наиболее опытных мужчин. Мнение молодых людей в расчет не принималось на том основании,что они еще мало жили и мало что знают[26]. Об этом же относительно эвенков свидетельствует и В. В. Карлов. Если почти во всех общественных делах принимали участие люди всех возрастов и молодежь не была обязана беспрекословно подчиняться старшим, то когда дело касалось судебных конфликтов, именно старики выносили свои суждения и приговоры[27].

Староста или князец не имели решающего голоса, они, по существу, лишь председательствовали на этих собраниях, руководили ходом судебного разбирательства и на основе складывавшегося общего мнения выносили решение. У васюганских хантов в поселках, где жили староста или его помощник, суд мог состояться в любое время. В остальных случаях — только дважды в год: на весеннем собрании в д. Васюган; а зимой — у жителей верховьев Васюгана — во время ярмарки в Айполово, а у жителей низовий — в д. Васюган. Сам по себе приговор исходил от народа, староста только слушал высказывания и в соответствии с мнением большинства формулировал, оглашал его.

А. А. Дунин-Горкавич следующим образом описывает суд у казымских хантов. В юрту собирались все мужчины, усаживались по местам. Пострадавший подходил к старшине, кланялся ему, целовал руку и излагал обстоятельства дела, предъявляя вещественные доказательства. Старшина спрашивал: «Кто так обидел тебя? Какой такой дурак? Выходи, на кого он жалуется!» Если обвиняемый не выходил, то обвинитель указывал

---

[26] Воронов А. Г. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии // Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1900. Т. 2. С. 48.

[27] Карлов В. В. Эвенки в XVII—начале XX в.: (Хозяйство и социальная структура). М., 1982. С. 63.

на него. Тот выходил и всегда сознавался в своей вине, ссылаясь на смягчающие обстоятельства. Затем следовал опрос свидетелей. Когда степень вины в достаточной мере выяснялась, старшина обращался к народу: «Вот это худое дело, за это следует наказать. Так ведь, народ? — Так, так,— отвечали ему. Старшина выносил свой приговор, который исполнялся немедленно» (Дунин-Горкавич А. А. Т. 3. С. 59, 60).

У ненцев Архангельской губернии судебная власть предоставлялась исключительно старостам, но они, по свидетельству А. Я. Ефименко, судили часто вместе с миром, мнение которого было решающим[28]. У обдорских и ваховских хантов большинство судебных дел откладывалось до общих собраний, созывавшихся в мае и декабре. То же самое имело место у кочевых эвенков и эвенов Охотского уезда[29], эвенков бассейна Подкаменной Тунгуски.

На суглане рассматривались судебные дела и у енисейских эвенков. Истец, сидя посреди круга, обстоятельно излагал князцу свою жалобу. Изредка останавливаясь, он обращался к ответчику и говорил: не так ли? Последний лаконично отвечал, так или нет, и истец продолжал свою жалобу. Затем ответчик вставал и, обращаясь уже не к князцу, а ко всем присутствующим, излагал обстоятельства дела со своей точки зрения. Опровергая доводы истца, он в свою очередь спрашивал его: «Не так ли?» Тот коротко отвечал «да» или «нет». После этого начиналось обсуждение, в ходе которого выявлялись мельчайшие подробности дела и определялись условия примирения сторон. Как только выяснялось мнение большинства, князец выносил решение[30]. У ямальских ненцев крупные судебные конфликты, возникавшие в течение года, разрешались в Обдорске во

---

[28] Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии // Записки РГО по отделению этнографии. Т. 8. Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1878. Т. 1. С. 223.

[29] ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 2. Л. 17—29. Эта традиция оказалась очень устойчивой, уже в советское время приходилось неоднократно запрещать общим собраниям граждан разбирать судебные дела.

[30] Рычков К. М. Енисейские тунгусы//Землеведение. 1922. 1922. Кн. 3—4. С. 146.

время приезда их на ярмарку[31]. У долган ежегодно, в октябре-ноябре, проходило годовое собрание, на которое съезжались народ и все должностные лица: князцы, старшины, десятники. Три норильских князца (Долганского, Жиганского и Заречного родов) собирались вместе, устраивали большой чум, покупали на общественные деньги оленей для угощения собравшихся. На этих собраниях, кроме выборов туземного начальства, происходила раскладка податей и велся суд. Подати князцы распределяли отдельно, а судили вместе. Председательствовал тот князец, сородич которого оказывался обиженным. Если к князцу обращались с жалобами в другое время, он рассматривал дело в присутствии нескольких людей, если же дело считалось серьезным, то просил подождать до годового собрания[32].

В других случаях, когда эта традиция ослабевала или рассматривались менее значительные дела, в суде участвовала лишь какая-то часть сородичей. У амурских эвенков, например, староста для разбора судебных жалоб собирал ясачных своего рода, кочевавших поблизости.

Такой суд, а это был подлинно народный суд, являлся авторитетным в глазах населения, его приговоры считались почти всегда окончательными и очень редко обжаловались в высших инстанциях.

В некоторых случаях судебные конфликты решались князцами и старшинами единолично. Происходило это в основном тогда, когда рассматривались мелкие, незначительные дела. Процедура судебного разбирательства была несложной. В наиболее простом варианте она заключалась в следующем: князец или старшина выслушивал жалобщика, спрашивал, справедлива ли жалоба, иногда заставлял подтвердить ее клятвой, выслушивал ответчика и решал дело[33]. Вообще от судей требовалось, чтобы они действовали скоро и решительно. «Когда родичи поссорятся или подерутся между собой и не помирятся,— сообщал А. Г. Воронов о хантах,—

---

[31] Житков Б. М. Полуостров Ямал // Записки РГО. СП.6. 1913. Т. 44. С. 219; ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 793. Оп. 1. Д. 292. Л. 12, 13. Речь идет об ороченах Игнашинского и Албазинского округов Амурского казачьего войска.

[32] Попов А. А. Материалы по родовому строю долган//Советская этнография. 1934. № 6. С. 136.

[33] Тобольские губернские ведомости. 1860. № 9. С. 73.

они обсуждаются старшиною, который тут же без юридических формальностей выносит решение» (Воронов А. Г. С. 46).

Однако со временем князцы и старшины узурпировали судебную власть. У енисейских эвенков они выносили решения, когда выяснялось или мнение большинства, или мнение авторитетных и богатых лиц. У долган князцы садились за стол, надевали кортики, нагрудные знаки и каждый раскрывал перед собой «книгу закона». Тяжущиеся становились перед князцами и, кланяясь, излагали суть дела. После этого допрашивались свидетели, а затем выносилось решение. Кое-где, как это было иногда в Обдорской инородной управе, князцы и старшины сосредоточивали власть в своих руках, становились над сородичами и вершили суд единолично уже по многим делам. Но в целом это были лишь отдельные эпизоды, отражавшие скорее тенденцию развития суда, чем укоренившуюся практику.

Как видно, преобладающим и наиболее популярным судом у народов Севера был суд общих собраний (сходок). Затем шел суд, в котором участвовала лишь часть сородичей. В этих судах судил сам народ, старосты и князцы играли роль председательствующих. Суд родовых управлений и инородных управ в узаконенной, коллегиальной форме встречался реже, и уж совсем не авторитетным был единоличный суд князцов и старшин.

Влияние традиционных представлений и норм народов Севера сказывалось не только на форме суда, но и на всем судопроизводстве, поскольку государство ничего в нем не регламентировало, допуская суд по обычаям и обрядам этих народов. Прежде всего обращает на себя внимание действительное, а не мнимое равенство всех людей перед судом. За одинаковые проступки предусматривались одинаковые наказания независимо от социального положения лиц, совершивших эти проступки. Никто, в том числе и богатые, не мог избежать судебной ответственности. Конечно, этот обычай действовал не абсолютно, он соблюдался народным судом и нарушался в пользу богатых судом князцов и старшин, но в целом равенство людей перед судом было правилом, из которого исходил суд у народов Севера. Некоторое исключение составляли сами князцы и старшины. У населения Обдорской управы наказание за оскорбление их усиливалось в случае, если эти должностные лица

находились при исполнении служебных обязанностей, у тунгусов ведомства князя Гантимурова — безотносительно к этому. Уложение о наказаниях этих тунгусов различает родовых людей простого звания и зайсанов, шуленг, засулов, а также лам[34]. Однако оно же предусматривало, что если чиновные старшины безвинно побьют и изувечат родовых людей, то они обязаны возместить причиненный этим ущерб и отдать сверх того коня. У тофаларов дарги и шуленга за свои проступки несли такие же наказания, как и все остальные соплеменники.

Суд у народов Севера имел двойственный характер. Он выражал не волю какого-то господствующего класса, а волю всего народа, но в пределах, ограниченных их внутренней жизнью и не вступавших в противоречие с интересами государства. Будучи же частью судебно-правовой системы России, он должен был неизбежно приобретать черты суда классового общества, выражать в той или иной мере интересы богатых, в том числе и интересы своей родоплеменной верхушки. Именно в процессе такой трансформации и находился этот суд.

Другая отличительная черта его состояла в примирительной направленности. Суд у них — это отнюдь не способ наказания человека, совершившего какое-либо правонарушение, а способ улаживания конфликтов как между отдельными людьми, так и между общинами. Отсюда вытекал не карательный, а примирительный характер суда. Многие конфликты у них заканчивались без суда и до суда — примирением сторон, многие решались судом посредников, значительная часть их прекращалась в суде. Судьи часто, особенно по мелким делам, предлагали тяжущимся сторонам покончить дело миром. Это обстоятельство нашло отражение в Уставе 1822 г., который видел главную обязанность суда словесной расправы в прекращении частных несогласий, в примирении спорящих сторон на основе обычаев.

Тяжущиеся имели право всегда кончить дело миром, в том числе и после разбирательства во всех трех степенях словесного суда. С целью избежания судебной волокиты судам предписывалось не начинать никакого дела без жалобы истца, не рассматривать дел в высшей

---

[34] Сборник обычного права сибирских инородцев/Изд. Д. Я. Самоквасова. Варшава, 1876. С. 43.

инстанции без рассмотрения в низшей, не возобновлять никакого дела, если оно было решено с обоюдного согласия через посредников. Решение каждой степени словесного суда имело полную силу, если обе стороны были им довольны[35].

Важнейшая функция суда заключалась в заглаживании обиды. Потерпевший обязательно должен был почувствовать себя удовлетворенным, чтобы дело считалось исчерпанным и устранялась почва для продолжения вражды. Согласие потерпевшей стороны на компенсацию имело серьезное правовое значение. Суд стремился также к тому, чтобы его решение вызвало соответствующую реакцию и у ответчика. У долган ответчик в конце суда давал в первый раз обещание не повторять проступка, пожимал руки обиженного и всех должностных лиц, приговаривая: «Пусть будет так». Если он протягивал руку молча, то все присутствующие укоряли его: «Плохой человек, не хочет мириться, жаждет крови»,— и приговаривали его к наказанию. Иначе говоря, суды стремились к тому, чтобы их решениями были довольны обе стороны. В протоколах судебных заседаний Обдорской инородной управы содержатся специальные приписки о том, что решением суда потерпевший и обвиняемый остались довольны[36].

Ясно, что основой такого суда являлась справедливость, ее каноны и нормы формировались самим народом. Всякое правонарушение считалось нарушением справедливости, задача суда состояла в том, чтобы восстановить ее. Сообщение о правонарушении у народов Севера не рассматривалось как донос и отнюдь не порицалось. Суд не был отделен от народа, в глазах общественного мнения человек, сообщивший о проступке или преступлении, являлся человеком, выполнившим свой долг. Все поступали таким образом, никто за это не осуждался, никто за это никому не мстил. Направленность и морально-психологическая подоплека суда у народов Севера были, как видно, иными, чем у государственного суда, суда классового общества, причем большую значимость имел психологический аспект этого суда.

---

[35] Положение об инородцах. СПб., 1892. Т. 2. Ст. 85—90.

[36] Обдорской управы книга для записи приговоров по тяжбам, спорам и проступкам инородцев (1881—1901 гг.). Томск, 1970. С. 63, 88, 143 и др.

Суд у народов Севера отличался демократичностью. Ему были присущи такие черты, как гласность судопроизводства, возможность любого человека, за немногим исключением, присутствовать и участвовать в нем, решающая роль общественного мнения в вынесении приговоров и решений, обсуждение наиболее важных судебных дел на общих собраниях. Суд велся словесно, без всяких юридических формальностей, лишь в инородных управах, где имелись писари, составлялись, да и то не всегда, протоколы судебных заседаний. Ни состав таких судов, ни количество его участников, ни время проведения не устанавливались. Вместе с тем суд имел патриархальный характер: женщины устранялись от участия в нем, потому что, по убеждению мужчин, «путали суд». Семью при рассмотрении общественных дел представлял ее глава.

К суду привлекались взрослые мужчины. От судебной ответственности освобождались дети до 16 лет (за их проступки отвечали родители) и жены. В случае совершения правонарушений последними судили не их, а мужей за то, что они не научили жен соблюдать обычаи. В судебных протоколах Обдорской управы за 20 лет нет ни одного случая привлечения женщин к судебной ответственности. Женщины фигурировали либо в качестве пострадавшей стороны, либо как свидетели и лишь в некоторых случаях — как подсудимые (по делам о прелюбодеянии). Только вдовы — главы семей были подсудны наравне с мужчинами[37]. Помимо пола, во внимание принимался и возраст. За оскорбление старших по возрасту полагалось более строгое наказание, чем обычно. Суду не подлежали умалишенные, идиоты и глухонемые. Суд проявлял снисхождение к правонарушениям, совершенным в состоянии опьянения, и не рассматривал это как отягчающее обстоятельство[38].

Ход судебного разбирательства включал в себя расследование дела, особенно в серьезных конфликтах.

---

[37] Суслов И. М. Социальная культура у тунгусов бассейна Подкаменной Тунгуски и верховьев р. Таймуры: (Из материалов Чаунской экспедиции 1926 г.)//Северная Азия. 1928. № 1. С. 60.

[38] В других случаях пьяные карались так же, как и трезвые. См.: Дмитриев-Мамонов А. И., Голодников К. М. Юридические обычаи остяков Березовского округа. Юридические обычаи остяков Сургутского округа. Юридические обычаи самоедов Березовского округа//Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884. С. 47.

Оно основывалось на свидетельских показаниях и уликах. Свидетели принимались по всем делам, они не присягали, им верили на слово. Лишь иногда их приводили к присяге. Свидетельские показания не вызывали никаких сомнений. Свидетелем мог быть каждый, родственные отношения во внимание не принимались. Дети могли свидетельствовать по делу родителей, братья — по делу сестер, супруг — по делу другого супруга и т. п. Для решения дела достаточно было показания хотя бы одного свидетеля, но обязательно очевидца. Все это говорит о том, что для народов Севера было характерно чувство строгой справедливости, взаимного доверия, ответственности, которые проявлялись не только в обыденной жизни, но и в судебной практике. Однако положение не оставалось неизменным, иногда давались ложные показания. У тофаларов суд в таких случаях приговаривал свидетелей к наказанию розгами, и их секли больше, чем виновных. При разборе запутанных дел, отсутствии свидетелей учитывались улики (вещественные доказательства, следы и т. п.), в том числе и косвенные, поведение на суде обвиняемого (сбивчивость показаний, выражение лица и т. п.), которым иногда придавалось решающее значение.

Подозреваемому предоставлялась полная возможность защищать себя от возводимых обвинений, выставлять свидетелей и т. п. В случае невозможности доказать его вину он должен был присягнуть на невиновность, принести очистительную присягу, после чего считался оправданным. Присяга являлась важным элементом суда. Существовало несколько клятв-присяг, которые, отличаясь по форме, имели одну и ту же сущность. Наиболее распространенной была медвежья клятва, т. е. клятва над лапой, когтем, зубом, шкурой, головой (мордой) медведя, а иногда и над его черепом[39]. На Обском Севере (у хантов и ненцев) подозреваемый целовал медвежью голову или кусал медвежий зуб или шкуру и произносил следующие слова: «Если ложно присягаю, то пусть растерзает меня этот зверь». У ненцев Архангельского Севера для клятвы употреблялись голова и шкура не только бурого, но и белого медведя. Доказывавший свою правоту говорил: «Пусть

[39] Шатилов М. Б. Ваховские остяки (этнографические очерки)//Труды Томского краевого музея. Томск, 1931. Т. 4. С. 86.

меня изгрызет так зверь, как грызу я его, если я виноват». У тазовских селькупов с этой целью использовался медвежий зуб, который нужно было грызть, или медвежье ухо, которое нужно было рубить ножом и целовать. У ненцев-юраков клятва произносилась над носом (ноздрёй) медведя. Его клали посредине чума, подозреваемый клялся и целовал ее, а кто-нибудь из старших брал топор, замахивался, будто бы хотел ноздрю разрубить, и громко говорил: «Чтобы медведь задрал виновника и чтобы его не было на нашей земле». Если же и в этом случае подозреваемый не сознавался, приносилась шкурка горностая (или росомахи) с головою, у которой он должен был поцеловать ноздрю. При этом говорилось, что этот зверек скорее медведя может убить преступника [40].

По сведениям У. Т. Сирелиуса, ваховские ханты объясняли медвежью клятву тем, что поскольку медведь сильный, честный, справедливый, то он следит за справедливостью на земле. Ханты клялись на зубе или шкуре медведя, как и все другие, но их клятва имела и второй смысл: она распространялась и на того, кто подозревал безосновательно. «Если я взял это, то пусть он меня разорвет, как я разрываю эту шкуру, но если он меня напрасно подозревает, то пусть медведь тебя тоже разорвет» [41].

Существовали и другие формы клятвы. У некоторых оленеводов (Обдорская волость) подозреваемый должен был теребить зубами волчью шкуру и даже проглотить кусочек шерсти, говоря, что если он несправедливо присягает, то пусть волки растерзают всех его оленей [42], что в общем-то было равносильно смерти. На Обском же Севере применялась клятва огнем. Подозреваемый, стоя на коленях, брал в рот небольшую лучину с огнем, съедал от нее уголек и говорил: «Если ложно присягаю, то чтоб сожгли меня огнем». Интересные формы присяги отмечены у ненцев. В одном случае присягавший произносил клятву, целуя лед, взятый из

---

[40] Мордвинов А. Инородцы, обитающие в Туруханском крае//Вестник РГО. 1860. № 2. С. 53. У хантов (по Кастрену) при присяге разрезали нос медведя ножом. Воронов упоминает о клятве хантов своими богами (с. 49).

[41] Sirelius U. T. Reise zu den Ostjaken. Helsinki, 1983, S. 232.

[42] Тобольские губернские ведомости. 1860. № 9. С. 73.

водоема, который считался священным; во втором—истец брал подозреваемого за кончик языка, а другой рукой с ножом резал крестообразно снег (или землю) и приговаривал: «Если соврёшь, то пусть твой язык распадется на части, как распадается разрезанный снег»[43].

У ненцев Архангельской губернии наряду с медвежьей клятвой имела место клятва с идолами. При клятве идола разрубали, говоря: «Пусть я сам буду так разрезан, если сказал неправду, и пусть мне не встать завтра поутру с места, а как спал, так бы мне вечно и лежать». Такие клятвы считались священными, в них верили и никогда не давали напрасно[44]. Виновные в преступлении предпочитали сознаться и понести наказание, чем сказать неправду. В тех исключительных случаях, когда виновные были неискренни, они умирали от угрызения совести, от того, что признавали силу этой клятвы. Если кто-нибудь погибал от несчастного случая, то считалось, что погибший дал когда-то ложную клятву. Если у ненцев человека, давшего клятву-присягу, когда-нибудь затем мял (царапал) медведь, то тяжба возобновлялась, причем этот человек признавался сразу же виновным, отдавал истцу, что следует, и вознаграждал за обман, хотя на самом деле был полностью прав.

Вместе с тем заметны и некоторые инновации, либо ослаблявшие действенность этой клятвы-присяги, либо модифицировавшие ее. Лепехин отмечал, что в клятве при резании болванов указывался срок — обычно два-три месяца, на который откладывалось возмездие за ложную клятву («Чтобы мне более того срока не прожить, если я виноват»). Крещенные ненцы, давая прися-

---

[43] Кушелевский Ю. И. Северный полюс и Земля Ялмал. СПб., 1866. С. 106, 107. У манси при произнесении присяги ножом крестообразно резались вода или снег. Подразумевалось, что присягнувший ложно погибнет от воды или снега (см.: Материалы по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987. С. 41).

[44] Вероятно, по этой причине царское правительство требовало от воевод приводить к шерти народы Сибири по их, а не по русскому обряду. С помощью такой клятвы народы Севера присягали на верность каждому новому императору при восшествии на престол. Из сообщения Ф. Белявского можно сделать заключение, что такую присягу требовали и при рассмотрении дел в земской полиции (см.: Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833. С. 87).

гу, клали икону на голову и говорили: «Побей меня бог, когда я виноват». Старшина Тен Седлеев в январе 1882 г. приводил к присяге в Обдорской инородной управе двух свидетельниц, которые перед иконой святого Николая-чудотворца, будучи некрещеными, присягали по своим обычаям, давая клятву в подтверждение показаний: если каждая из них лжет, то пусть не доживет до будущего года.

В литературе (художественной) описан, судя по всему очевидцем, процесс судебного разбирательства по делу о краже шкуры и туши медведя. Характерно следующее: несмотря на наличие в поселке сотского, суд вел не он, а самый старый остяк. Виновный был подвергнут тройной присяге: сначала на огне, потом на воде (суд происходил вечером, на берегу реки) и в заключение — на морде медведя. В конце концов он не выдержал нравственных мучений и признался как в краже, так и в том, что сначала присягал ложно. Это вызвало негодование остяков, старики стали совещаться, как наказать вора. Некоторые жалели его, другие настаивали на наказании. Сошлись на том, что виновник, возвративший уже шкуру хозяину, должен принести богам большую жертву. Один высказал эту мысль, судья согласился, третий уточнил: «Пусть виновник три раза закинет невод и весь улов отнесет шаману для жертвы богам». Все согласились, и дело было закрыто. Само преступление осталось безнаказанным. Все свелось к тому, чтобы искупить грех — дачу ложных присяг[45].

Конечно, с точки зрения современной юстиции, требовать от подозреваемого доказательств своей невиновности — значит попрать одно из основных ее положений, но, посмотрите, как легко и просто, не нарушая существовавшего правопорядка, решался этот вопрос в суде народов Севера. Достаточно было произнести несколько слов, чтобы избавиться от всяких подозрений. Никому и в голову не приходила мысль о возможности ложной присяги, ни тому, кто ее давал, ни тем, кто ее принимал. Все основывалось на честности и справедливости.

Клятва-присяга применялась и в официальном суде, но делалось это все реже и реже. Сила ее со временем слабела и в традиционном суде. Обдорская инородная

---

[45] Симонова Л. Эзе: (Очерки из быта остяков). СПб., 1987. С. 19—23.

управа в январе 1886 г., приняв по делу о краже 14 руб. денег от подростка Петра Индея очистительную присягу, постановила оставить его в подозрении и иметь этот случай в виду при подобных подозрениях в будущем.

У народов Севера не было деления преступлений на уголовные и гражданские, все они подразделялись на крупные и мелкие. Соответственно этому мелкие судебные дела (ссоры, драки, оскорбления и т. п.), рассматривавшиеся единолично князцами и старшинами, заканчивались, как правило, примирением. Крупные преступления (кражи, разбой, насилие и т. п.) выносились на суд собраний. Судебное разбирательство сводилось к выявлению виновной стороны и определению наказания. Причем большая роль в выявлении виновника и в доказательстве его вины принадлежала истцам, которые часто сами устанавливали виновника, представляли суду улики, называли свидетелей.

Суд при вынесении решения исходил из юридических обычаев своего народа. Известны случаи, когда суд отказывался судить иноплеменника, совершившего преступление на подведомственной ему территории, только потому, что у другого племени были другие обычаи. В судебных постановлениях Обдорской инородной управы почти всегда содержалась ссылка на обычаи: «А потому, по обычаям нашим...», и лишь затем излагалось решение. Однако дело не сводилось только к ним. Помимо обычаев, использовались судебные прецеденты, а также нормы государственного права.

Охотский земский исправник, описывая юридические обычаи и суд у эвенов и эвенков (1823 г.), указывал, что их родоначальники руководствуются в судопроизводстве несколькими принципами. На первый план выносится их «собственное рассуждение», под которым можно подразумевать либо следование юридическим обычаям, либо игнорирование их и произвольное принятие решений. Последнее менее вероятно. Не исключая в принципе отдельных таких случаев, нужно отдать предпочтение суду по обычаям. Роль родоначальника (князца, старшины) состояла в том, чтобы, исходя из них, определить меру наказания, одобренную общественным мнением, а также возможно и в том, какой обычай правомерно применить в данном случае. На втором месте значится «порядок оставленный от прежде бывших родоначальников», т. е. судебные прецеденты;

на третьем — «наставления и внушения земского начальства», в которых нельзя не видеть норм государственного права [46].

Специфические черты прослеживаются и при вынесении решений, общий смысл которых заключался не столько в том, чтобы покарать правонарушителя, показать неотвратимость наказания, сколько в том, чтобы предупредить повторение подобных проступков, убедить людей в их недопустимости. Иначе говоря, судебные санкции имели более воспитательное, чем карательное назначение.

Суд при определении наказаний обязательно учитывал общественную репутацию обвиняемого, а также то, в который раз он привлекался к судебной ответственности. Нарушившего впервые нормы обычного права наказывали мягче, чем человека, уличенного в неоднократных правонарушениях. «А за поступок их — кражу — и как уже не раз замеченных в разных поступках,— говорится в решении Обдорской инородной управы от 3 января 1894 г. по делу о краже у остяка Лойки Вантлина 3 оленей-быков с упряжью и нартой самоедами Василием Ного и Семеном Вануйта,— наказать 15 ударами розог ...» Неисправимых правонарушителей либо передавали на русский суд («Не хотел слушаться нас, пусть теперь тебя русский суд судит»), либо изгоняли из своего сообщества.

Состояние опьянения считалось смягчающим вину обстоятельством, в том числе и при тяжких преступлениях. Преступник не то чтобы приравнивался к умалишенному — он не освобождался от наказания, но наказывался с учетом того, что был пьян и по этой причине на время лишен ума. Ссоры и драки, совершенные обеими сторонами в пьяном виде, обычно оставлялись без последствий. Подразумевалось, что в таких случаях ссоры или драки происходили бессознательно, не по злому умыслу. И хотя в некоторых случаях состояние опьянения при вынесении наказания во внимание не принималось — в чем нельзя не видеть влияния государственного суда и права,— в правосознании народов Севера и в практике большинства их судов преступления и проступки, совершенные на этой почве, вызывали снисхождение.

---

[46] ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 2, Л. 17—29.

И наоборот, преступление как результат проявления злой воли каралось более строго. Кражи из дома (чума, избушки и т. п.) считались более тяжелыми преступлениями, наказывались более сурово по сравнению с другими кражами. Считалось, что на такую кражу может пойти только очень испорченный человек. По этой же причине у некоторых народов строго карались кражи мелких, малоценных пушных зверей из ловушек. У ульчей за кражу белки или хорька из ловушки судили строже, чем за кражу соболя. В такой краже не было никакой, так сказать, необходимости, и она рассматривалась как хулиганство[47].

Вместе с тем не всякое покушение на чужую собственность считалось кражей и преследовалось по суду. Человек, нуждавшийся в пище, имел право при определенных обстоятельствах позаимствовать ее без ведома хозяина и без последующей компенсации, что было одним из проявлений традиционной взаимопомощи. Отказ от взаимопомощи решительно осуждался общественным мнением, про такого человека говорили, что он «худой человек», а нуждавшийся в помощи мог взять у него одного-двух оленей для пропитания, не боясь судебного преследования. У ненцев, например, в случае отказа богатого оленевода в помощи бедняк имел право угнать из его стада одного-двух оленей, общий мирской суд оставлял такие поступки без последствий. Не считали зазорным красть оленей у богатых ненцы Тобольского Севера, поскольку богатые оленеводы (Надымская тундра) не только не следовали старому обычаю давать бедным оленей бесплатно, но и не давали их за плату[48]. В этих ситуациях неправым считался богатый, отказавший в помощи, а не бедный, действовавший по обычаю, что характерно для общества с неутвердившейся частной собственностью. Нарушителями обычаев, в том числе и юридических, выступали богатые, не заинтересованные, как бедные, в соблюдении норм общественной взаимопомощи.

В правосознании народов Севера и судебной практике отражались и другие коллизии, не свойственные рус-

---

[47] Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск. 1930. С. 80—81.

[48] Дмитриев-Садовников Гр. Река Надым и ее обитатели//Ежегодник Тобольского музея. Тобольск, 1917—1918. Вып. 28, 29. С. 34—36.

скому суду и праву. Так, любое правонарушение могло рассматриваться как нанесение материального ущерба, в то же время правонарушения чисто материального порядка (например, кража) рассматривались как деяния, приносившие нравственный, моральный ущерб. «Зачем мою вещь брал? Меня мертвым считал?» — говорил один ульч другому, выражая не только чувство протеста против присвоения его собственности, но и опасение, что взявший эту вещь мог посчитать ее хозяина мертвым к тем самым накликать на него беду.

Виновные, как правило, не запирались, не увиливали от возмездия, не оспаривали свидетельских показаний. Их обезоруживало сознание своей вины перед обществом. Подвергаясь наказанию, они испытывали чувство сильнейшего стыда[49]. Причем бесчестье, падавшее на нарушителя правопорядка, при кражах, например, распространялось у хантов не только на всю его семью, но и на ближайших предков, в том числе умерших. Они говорили: «... разве твой отец такой был, что же ты хочешь, чтобы и он был худой человек» (Шатилов М. Б. С. 87).

Выше уже говорилось, что суд народов Севера не считал преступлениями некоторые преступления с точки зрения государственного права: обычай убивать «скверных людей» с согласия семьи и даже соседей у чукчей и эскимосов; не считалась и преступной помощь братьев, сыновей или других родственников в самоубийстве старых людей. Сахалинские нивхи вплоть до 20-х гг. нашего столетия убийство в порядке кровной мести, возмездия за поруганную честь супруга рассматривали как правомерное, ненаказуемое деяние. Во время голода тунгусы бросали в тундре приемышей, заболевших, обессиленных родителей, сестер. А один тунгус, женившись вторично, в угоду новой жене оставил в тундре свою дочь от первого брака.

Наряду с этим рассматривались и такие дела, которые не подлежали судебному преследованию по закону, возможно, что часть их была связана с нарушением каких-то запретов, табу. У орочей наказывали за опрокинутый в гостях ковш с водой, за поломку огражде-

---

[49] Носилов К. Юридические обычаи мансов//Сборник материалов по этнографии. М., 1988. Вып. 3. С. 68.

ния очага, за унесенные нечаянно кисет или трубку[50]; у ненцев — за испражнения в чужом чуме, в том числе и во сне. У ненцев Тобольского Севера (Березовский уезд) подлежали суду лица, не принявшие мер к спасению погибающего человека. Так же было и у забайкальских эвенков и бурят.

Помимо охарактеризованных, у народов Севера отмечены и другие преступления, которые являлись таковыми лишь с точки зрения обычного, а не государственного права. Как правило, они были связаны с теми или иными предрассудками. Так, у тунгусов существовал обычай, по которому чужеродец, зашедший по незнанию и без спроса в чум, где находился больной человек, отвечал за его смерть, если он умирал после этого, «головщиной». Согласно поверью смерть происходила оттого, что пришелец наступил на здоровье больного. В другом случае по аналогичной причине возмещался ущерб, если при перекочевках один тунгус со своим стадом шел по следу другого тунгуса, у которого кто-то заболевал или случался падеж оленей. Возмещение ущерба в обоих случаях происходило в бесспорном порядке[51]. Вполне вероятно, что в литературе зафиксированы лишь остаточные явления такого рода, уходящие своими истоками в более отдаленные времена и как-то связанные с магическими представлениями.

Главный виновник и сообщники наказывались одинаково, групповые преступления не считались отягчающим фактором, их участники подлежали ответственности в равной степени, укрыватели преступника и украденного приравнивались к преступнику.

У народов Севера порядок судопроизводства и правовые нормы определялись исключительно обычаем. Преступление являлось не нарушением закона, а нарушением обычая, причинением обиды индивидууму или коллективу, выражением зла и несправедливости. Наказания, налагавшиеся судом, исходили из традицион-

---

[50] Ларькин В. Г. Орочи. М., 1964. С. 78. По представлениям манси, таган, на котором варилась пища, имел магическую связь с самим человеком, состояние тагана отражалось на его судьбе (см.: Материалы по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987. С. 171).

[51] Образ жизни тунгусов и коряков, живших в Иркутской губернии в 1766 г./Сообщено Н. В. Калачовым//Известия Сибирского отдела РГО. 1871. Т. 2. № 1, 2. С. 44.

ных представлений о добре и зле, о преступлениях как наваждении дьявола и имели целью восстановление нарушенной справедливости. Первейшая обязанность суда, как отмечалось выше, состояла в том, чтобы уладить конфликт. Особое значение при этом придавалось тому, чтобы загладить вину, снять нанесенную обиду. Конечно, суд применял и чисто карательные санкции, но они по своей значимости уступали основному назначению судебных приговоров и решений.

Наказания отличались сравнительной мягкостью. Среди них не было смертной казни, лишения свободы и не только потому, что подобные дела подлежали государственному суду, но и потому, что такие наказания в глазах общественного мнения выглядели бы невозможными, противоестественными. У амурских нивхов ненамеренное убийство среди сородичей оставалось без последствий, а между лицами разных родов влекло меньший выкуп[52]. Обдорская инородная управа в январе 1882 г. по делу о неумышленном убийстве ненца Хазимды, переданному властям на ее рассмотрение, присудила виновника Ивана Нобе к ста ударам розгами. Предварительно было решено провести его обезображенным по селу. В приговоре управы указывалось, что «в обычаях инородцев существует только одно наказание — телесное, розгами, определяемое, смотря по степени вины, в 20—40 ударов. Других наказаний нет. Настоящий же поступок Нобе, как выходящий из ряда обыкновенных, маловажных, должен подлежать наказанию в высшей мере». Народы Севера различали умышленное и неумышленное убийство, и хотя А. М. Золотарев отрицает это в отношении ульчей, приводимый им материал противоречит этому утверждению. «Давай помиримся,— предлагал один ульч другому,— раз нечаянно убил, что сделаешь?» Об этом же свидетельствует и процитированное выше судебное решение Обдорской инородной управы.

Высшей мерой наказания у народов Севера являлось изгнание закоренелого по их представлениям преступника из своей среды, что было крайне редким, если не сказать редчайшим, явлением. Причем если раньше такая мера была равносильна смертному приговору, то

---

[52] Штенберг Л. Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1939. С. 4.

затем она во многих случаях потеряла свою силу. Изгой уходил в русское селение, нанимался там в работники и мог продолжать свое существование. У енисейских ненцев-юраков их принимали другие рода, в которых их женили и наделяли хозяйством [53].

Меры наказания, применявшиеся судом народов Севера, явно подразделяются на традиционные и заимствованные. К первым, помимо изгнания, относятся общественное порицание, возмещение ущерба, битье по щекам, обезображивание, ко вторым — отсидка в холодной, заковывание в колодку, отдача в работу должников или неплательщиков ясака. И если порицание, возмещение ущерба, отдача в работу применялись повсеместно и всеми судебными инстанциями, то остальные наказания — избирательно. Заковывание в колодку применялось у народов Амура, эвенов и эвенков Охотского побережья и забайкальских эвенков. К отсидке в холодной или каталажной камере приговаривали инородные управы. Неясен вопрос о телесных наказаниях — порке розгами или плетьми (у эвенков-мурченов и скотоводов вообще). Скорее всего, это заимствованная мера.

Определение меры наказания еще не приобрело устойчивого характера, оно зависело от многих обстоятельств и могло быть случайным. Только у тех групп народов Севера, где имущественные отношения были более развитыми, они оказывались более определенными. Юридические обычаи забайкальских эвенков, перешедших к скотоводству и земледелию, фиксировались отчетливо и твердо: за определенные правонарушения полагались определенные наказания, чего не было у многих других народов, особенно у ненцев, хантов, селькупов.

Общественное порицание как мера наказания применялось по мелким делам (оскорбление, побои) и имело публичный характер. Замешанного в таком проступке стыдили на собрании (сходке), обязывали поклониться в ноги потерпевшему и просить прощения. Таким же образом наказывался человек, впервые уличенный в краже. У эвенков Подкаменной Тунгуски такого человека стыдили на суглане и обязывали вер-

[53] Попов А. А. Енисейские ненцы (юраки)//Изв. Всесоюзного геогр. общества. 1944. Т. 76. Вып. 2—3. С. 80.

нуть украденное или оплатить его стоимость. У казымских хантов при порицании десятник ругал виновного раз пять-шесть или бил по щекам. После этого последний кланялся в ноги старшине и заявлял, что больше так поступать не будет. Виновного в краже привязывали к дереву на один день, все проходили мимо, высмеивали его и плевали ему в лицо. У ненцев иногда розги заменялись пощечинами (Дунин-Горкавич А. А. Т. 3. С. 60).

Общественное порицание было более свойственно суду общих собраний (сходок). Суд инородных управ (т. е. суд князцов и старшин) применял их реже. Обдорская инородная управа применила его всего в трех случаях: в двух — к женщинам, замеченным в прелюбодеянии, и в одном — за продажу испорченного дельфиньего жира. Воздействие нравственных наказаний было очень сильным. Виновные стремились всеми способами загладить свою вину, не доводя дело до суда, они боялись стыда и позора. Нивхи, уличенные в постыдных поступках, уходили в тайгу и кончали там жизнь самоубийством.

Широко применялось наказание розгами. В таких делах, как хулиганство, оскорбление действием это была самостоятельная мера наказания, а в делах о кражах — дополнительная. К этой же мере наказания присуждались лица, повторившие мелкие проступки. Поркe розгами подвергались лица, совершившие тяжкие преступления, дети — за непослушание родителям, рядовые общинники — за оскорбление князцов или старшин. Иначе говоря, диапазон этой меры наказания был, пожалуй, наиболее широким.

В зависимости от степени вины назначалось разное количество ударов розгами: от 3—5 до 50, а иногда и до 100. В случае бедности ответчика и невозможности компенсировать причиненный ущерб он также приговаривался к наказанию розгами. Эта мера применялась чаще инородными управами, чем родовыми управлениями, и в большей степени по уголовным, нежели по гражданским, делам. Обдорская инородная управа прибегла к ней в 71 из 94 уголовных дел и в 8 из 35 гражданских (с. 14). Приговор приводился в исполнение специальными людьми. У эвенков Подкаменной Тунгуски такое лицо выбиралось на суглане, причем избранный не имел права отказаться. У васюганских хантов эту роль

выполнял десятник. Виновных секли в одежде, поэтому они нашивали на штаны заплатку из кожи (кожанку) с тем, чтобы уменьшить боль. Порка розгами совершалась публично. Если к ней присуждал староста, то обязательно приглашались ближайшие к месту наказания сородичи, чтобы присутствие при наказании служило для них вразумлением[54]. У тофаларов виновных, как мужчин, так и женщин, выводили из юрты на улицу и секли в присутствии всех сородичей.

В некоторых случаях пороли бессчетно, до определенного состояния виновного. У хантов замужних женщин по просьбе мужей за распутное поведение секли до такой степени, что они не могли идти сами с места наказания домой, их вели под руки. У орочей для того, чтобы отучить от привычки к воровству виновного связывали, подсовывали под нос тлеющие ветви багульника или какого-нибудь другого растения и секли до тех пор, пока у него из носа «не выскакивала мышь» (сина), которая, по их убеждению, являлась злым духом, совращавшим человека на преступление (Ларькин В. Г. С. 79). У эвенков Жиганского улуса, уличенных в нескольких кражах, помимо возмещения ущерба, секли до четырех обмороков[55]. Особенно строго наказывали за неуплату ясака, у хантов неплательщиков пороли так, что они едва потом могли подняться на ноги.

У васюганских хантов был такой обычай: десятники во время ярмарок, на которых происходил суд, должны были заготовить розги независимо от того, будут ли они нужны. Розги полагалось иметь в наличии на тот случай, если староста их потребует. Каждая розга состояла из пяти прутьев, связанных в трех местах. Ею били трижды, а затем ломали через колено. Били с двух сторон, и после десяти ударов с каждой стороны виновного поднимали и спрашивали: не хватит ли? Если он ничего не говорил, его снова секли до тех пор, пока не следовала просьба о прощении. Мужчин при порке раздевали догола, на женщине оставалась рубашка. Наказанный кланялся всем присутствующим; когда кланялся старосте, то обеими руками касался носков

---

[54] Музей истории материальной культуры Томского ун-та... С. 57; Дунин-Горкавич А. А. Указ. соч. Т. 3. С. 60. По другим сведениям, виновных у васюганских хантов секли голыми.

[55] Протоиерей Хитров. Описание Жиганского улуса// Записки Сибирского отдела РГО. Кн. I. СПб., 1856. С. 77, 78.

своей обуви, всем другим было достаточно простого поклона. У ваховских хантов били одной розгой, виновный мог иметь на себе только одну рубаху[56].

Наказание розгами считалось большим позором. У ваховских хантов редко наносили полное число ударов розгой. Виновного клали на землю, били несколько раз, и это означало быть высеченным. Иначе говоря, наказание в этом случае имело скорее моральное, чем физическое значение. Но репутация наказанных, по-видимому, особенно не страдала от этого. О наказании больше никто не вспоминал, и наказанный, например у васюганских хантов, садился среди остальных людей и участвовал в разговоре, как будто с ним ничего не произошло (Sirelins U. T. S. 238, 239). То же самое наблюдалось и у тофаларов. Наказанный розгами не сердился ни на судей, ни на обвинителей. Сородичи относились к нему так же, как и раньше, и не напоминали о наказании (Евсенин И. А. С. 8).

Другой распространенной мерой наказания, а после запрещения телесных наказаний, пожалуй, основной мерой, являлось возмещение причиненного ущерба. Оно применялось по делам, связанным с кражей, захватом или каким-либо еще присвоением чужого имущества, а в более широком смысле — по всем делам о причинении материального ущерба. Причем по мере развития имущественных отношений эта мера получала преобладающее значение в судебной практике. Виновный во всех таких случаях был обязан возвратить присвоенное или компенсировать ущерб деньгами либо чем-либо другим в однократном или большем размере, имея в виду не только материальную, но и моральную сторону дела. Правительство и сибирская администрация последовательно проводили линию на однократное возмещение ущерба с тем, чтобы уберечь правонарушителей от разорения и обеспечить возможность внесения ими ясака. Охотский частный земский исправник (1823 г.) указывал, что возмещение ущерба вдвое или втрое невозможно, так как замешанные в краже люди большей частью бедного состояния, они либо не могли возместить ущерб в таком размере, либо подверглись бы полному разорению. В практике судов применялось как однократное, так и двухкратное, трехкратное и даже четы-

[56] Sirelius U. T. Op. cit. S. 79, 738.

рехкратное возмещение ущерба. Последнее более характерно для оленеводов. У эвенков Жиганского улуса за украденное взыскивалось вчетверо: за оленя — четыре оленя, за песца, похищенного из пасти,— четыре песца и т. п. Эта мера наказания, возможно, заимствована. На ней сказывалось влияние обычного права скотоводческих народов, у которых четвертичное увеличение ущерба поставлено в связь с количеством ног животного (Хитров. С. 77, 78). Вчетверо больше было принято компенсировать ущерб и у оленеводов Тобольского Севера. Вероятно, такие меры принимались с целью охранения частной собственности у народов с более развитыми имущественными отношениями и затем были восприняты некоторыми народами Севера. Дореволюционные исследователи объясняют замену многократного возмещения ущерба однократным «обеднением инородцев», но причина, как говорилось выше, не в этом, а в политике правительства.

Возмещение ущерба применялось и по делам, не связанным с материальными исками — за изнасилование, прелюбодеяние, оскорбление, т. е. за нанесение нравственного ущерба, и являлось, вероятно, проявлением более общего обычая, обязывавшего загладить любой вред, любую обиду. По таким делам в отдельных случаях возмещение ущерба начинало переходить в штраф. Половина взыскиваемой суммы с ответчика шла истцу, а другая половина — в мирской капитал (Обдорской управы книга ... С. 144, 145).

Наиболее четко система композиций действовала у народов Амура, вошедших в состав России в 50—60-х годах прошлого века и не подвергшихся влиянию ее суда и права в той мере, как другие подобные народы. Исследователи застали у них в полном расцвете суд посредников и возмещение ущерба как основную меру наказания. У ульчей существовала твердо фиксированная шкала компенсации ущерба, состоявшая из 11 позиций; за определенное правонарушение — определенное наказание в виде набора вещей, каждой из которых придавалось символическое значение (Золотарев А. М. С. 80, 81). У нанайцев шкала наказаний по мелким делам состояла из пяти позиций, называвшихся по пальцам руки. За убийство чужеродца полагалось отдавать сестру, а если ее не было — утроенную сумму всех пяти

степеней ущерба, в которую должна была обязательно входить кольчуга (Штернберг Л. Я. 1939. С. 75).

Решения по возмещению убытков исполнялись поразному. В одних случаях, если сумма иска была не особенно большой и посильной для ответчика, расчет происходил либо сразу после суда, либо в течение нескольких дней. У кочевого населения, у которого судебные дела рассматривались на годовых собраниях (сходках), для этого требовалось более продолжительное время. В таких случаях суд указывал, когда и где (в какой местности) ответчик должен, встретившись при перекочевках с истцом, возместить ему ущерб. В других случаях возмещение ущерба происходило в рассрочку, постепенно, в течение нескольких месяцев или года, чтобы не подорвать хозяйства ответчика. По этой же причине не подлежали конфискации по решению суда основные орудия добывания средств к жизни. Если ответчик уклонялся от возмещения ущерба, то он взыскивался насильно, помимо его желания либо должностными лицами (десятскими), либо теми, кого выделял староста во время суда. Если это выявлялось спустя некоторое время после суда, то нового рассмотрения дела не происходило, а все делалось так, как в первом случае, причем убытки, связанные с этим, относились на счет ответчика.

Другие меры наказания применялись гораздо реже. Отсидка в холодной, заковывание в колоду, означавшие арест на несколько дней, были результатом либо буйного поведения, либо тяжкого преступления. Виновные находились в таком состоянии до суда. Со временем в некоторых случаях арест стал мерой наказания. Виновные присуждались к отсидке в волостных местах заключения сроком до двух недель (Суслов И. М. С. 61).

Отдача в работу применялась по отношению к несостоятельным должникам, неплательщикам ясака или тем, кто не мог вернуть украденное. У васюганских хантов неплательщиков ясака либо назначали на низшие общественные должности (в десятники, сторожа, гребцы на лодках), либо отдавали в неводную работу нарымским купцам; деньги за работу в обоих случаях шли в уплату ясака. У охотских эвенков таких лиц отдавали в работу тому, кто имел достаточное состояние и мог платить за них ясак.

В некоторых местах практиковалось битье по щекам. У обдорских и казымских хантов за мелкие кражи, утаивание находки, за ссоры и драки десятник давал виновному от двух до шести пощечин. У сургутских хантов существовали обрядовые наказания: за воровство, прелюбодеяние виновного одевали в безобразную одежду и водили по юртам на показ. У селькупов в таких случаях виновному навешивали на спину берестяной короб с глиной. В некоторых местах такое «поругание» предшествовало наказанию за особо тяжкие преступления. У васюганских хантов приговоренному надевали на голову высокую цилиндрическую шляпу из бересты, его водили по поселку, а он должен был бить в печную заслонку или котел (Sirelius U. T. S. 239). Кое-где применялось чисто сибирское наказание: преступника раздевали догола, привязывали к дереву и оставляли на съедение комарам. У ительменов уличенным в неоднократных кражах обвертывали руки берестой и затем поджигали ее. Вероятно, против таких наказаний, считавшихся дикими и жестокими, и выступало официальное правосудие.

У енисейских эвенков князцы при отправлении правосудия руководствовались своеобразным кодексом наказаний, освященным обычаем. Строго каралось оскорбление старших по возрасту. За оскорбление словом полагалось 30 розг и штраф, величина которого зависела от зажиточности виновного. Столь же строго каралось самоуправство и насилие: за это связывали ремнями и пороли розгами, «сколько кто пожелает». За угрозу полагался «херкем» — весьма специфическое наказание: приговоренного к нему привязывали к шестам чума так, чтобы он не мог сесть, и оставляли на всю ночь Дым ел ему глаза, вызывал обильное слезотечение, дурманил голову (Рычков К. М. С. 147).

Истцы и ответчики, как правило, принимали решения суда безоговорочно. Случаи апелляций были редкими и, видимо, являлись следствием отступления судей-старшин от обычаев. Обязательная сила судебных решений, по замечанию Б. М. Шатилова, заключалась в психологии людей, в сознании непреложности воли собрания, в невозможности неподчинения, противопоставления коллективу, органической частью которого ощущал себя каждый человек. Отсюда и взгляд на человека, совершавшего правонарушение, особенно впер-

вые, как на человека, попавшего в беду нуждающегося в помощи, или как на человека, ставшего орудием злых духов, и только в исключительных случаях — как на преступника.

Следует учесть еще и исключительно сильное влияние, которое оказывало общественное мнение на поступки и поведение в целом людей. В небольших, замкнутых сообществах оно играло доминирующую роль и самым страшным наказанием для правонарушителей являлось презрение своих сородичей. Многие из них стремились уладить конфликты в частном порядке, чтобы избежать позора, а те, которые осуждались судом, особенно к общественному порицанию или телесному наказанию, испытывали чувство жгучего стыда.

Приговоры и решения суда, особенно по уголовным делам, исполнялись тотчас же. Лишь по некоторым делам, требовавшим времени, назначался определенный срок. Иногда для исполнения решения по имущественным искам посылались десятники, если ответчик уклонялся от платежа. В одном случае Обдорская инородная управа постановила взять под арест сыновей ответчика до выполнения им решения суда. Встречался и такой обычай, когда истец, чтобы принудить ответчика к уплате, брал у него оленей или какую-нибудь вещь дороже стоимости иска. Затем происходил размен либо в частном порядке, либо по суду, признававшему такие действия истца законными. В некоторых случаях, освещаемых обычаем, потерпевшие сами, без суда, компенсировали причиненный им ущерб. У ненцев муж неверной жены, встретив своего соперника, без лишних разговоров отпрягал у него из нарты и брал себе одного оленя. Соперник же, чувствуя себя виновным, не оказывал ни малейшего сопротивления (Ефименко А. Я. С. 231). Судебные конфликты не влекли за собой вражды и злопамятства.

Как видно, вместе с эволюцией суда эволюционировали и судебные наказания. Если для суда народов Севера XVII в. и, пожалуй, XVIII в. характерно преобладание морального осуждения, то для XIX в.— компенсация материального ущерба, связанная с развитием имущественных отношений. Телесные наказания имеют сквозной характер, они применялись и в XVIII в. (за крупные правонарушения), и в XIX в. Но если в первом случае главное в них состояло не в физической боли,

а в моральных терзаниях, то во втором — они применялись и воспринимались уже как мера возмездия за совершенное преступление, как строго карательная санкция суда. Аналогичная метаморфоза происходит и с компенсацией ущерба, которая начинала пониматься как судебный штраф, судебное взыскание. Иначе говоря, меры наказания, сложившиеся в традиционном обществе, в этом смысле имели тенденцию к сближению с мерами наказания суда классового, государственного общества. Явлениями того же порядка были усиление ответственности за оскорбление рядовыми общинниками туземной администрации, служителей культа, а также усиление патриархальной власти главы семьи над своими домочадцами.

В процессе этой эволюции постепенно исчезало многообразие форм местных взысканий, в практику туземных судов, влившихся в общую судебную систему России, входили более или менее единые, интегрированные наказания, смягчались или отмирали полностью те из них, которые выступали как проявление дикости и жестокости (сажание на угли, привязывание голым к дереву на съедение комарам и т. п.). Какого-либо аппарата для исполнения судебных решений не существовало.

Обычное право малых народов Севера различало, кем было совершено преступление (своим или чужим) и против кого оно было направлено (против своих или чужих). Конечно, того положения — кто вне племени — тот вне закона — у них уже не существовало, но проявления его наблюдались вплоть до конца XIX в. Набеги с целью грабежа иноплеменников после присоединения к России были постепенно изжиты, но воровство «на стороне» не считалось предосудительным. Одно из первых сообщений на этот счет принадлежит участнику II Камчатской экспедиции С. П. Крашенинникову. Он сообщал, что у всех диких народов за исключением ительменов, воровство вне своего рода считалось похвальным, если совершалось успешно. С неудачниками поступали сурово, но не за кражу, а за неумение[57]. У саамов кражи не рассматривались как преступления, если совершались у русских, шведов или фильманов. Енисейские эвенки не считали предосудительным воровство, если оно касалось собственности «чужеверцев».

[57] Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949. С. 457.

На этот счет у них не было никаких запретов (Рычков К. М. С. 148).

Однако свое первоначальное значение такие поступки почти утратили или получали новое обоснование. Ненцы Архангельской губернии, например, крали (отчасти с помощью своих сородичей-пастухов) оленей у русских и коми-зырян, считая оленей своей собственностью, перешедшей к русским и коми путем обмана и насилия. Но в целом этот обычай, находившийся в противоречии со всем государственным правосудием, отмирал. Ханты (Березовский округ) смотрели на преступления против русских так же, как и на преступления против сородичей, а ненцы этого же округа считали преступления против русских и вообще людей, чуждых по вере и образу жизни, даже более тяжкими, чем против своих сородичей. Инородные управы, рассматривая судебные конфликты между лицами разной родовой или племенной принадлежности, игнорировали традицию и выносили решения без ее учета. Пожалуй, это одно из положительных результатов влияния государственного суда и права России на традиционное правосознание народов Севера.

2.3. Ареалы юстиции

Выше была дана общая характеристика суда у малых народов Севера в его наиболее типичных проявлениях и отличительных чертах. В ее рамках имеется немало региональных и стадиальных отличий, для выявления которых необходимо рассмотреть состояние суда по отдельным районам.

Север европейской части России. У проживавших здесь саамов и ненцев вследствие длительных контактов с русскими в суде и обычном праве осталось меньше традиционных черт, чем у других народов Севера. Более всего это характерно для саамов, канинских и тиманских ненцев. У саамов существовал сельский суд. Судебные дела рассматривались на сходах сельских обществ и погостов. К волостному суду саамы обращались редко (далеко, судьи — русские). В 1867 г. в Понойском и Кольско-Лопарском волостных судах разбиралось всего два дела: одно по иску священника, которому саам не уплатил долг (1 р.), второе —

об оскорблении молодым саамом волостного старшины. Помимо суда сходов сохранялся суд посредников. Тяжких преступлений почти не совершалось. За первую половину XIX в. произошло всего два убийства: одно — из-за мести, второе — с целью грабежа. Большинство дел возникало из-за отстрела домашних оленей под видом диких, по дракам и ссорам. Имели место и кражи, в том числе зверей и рыбы из ловушек, а также обман.

Дело возбуждалось потерпевшим на сходе, после чего начиналось судебное разбирательство. Сход, выслушав обе стороны, предлагал ответчику признаться и затем помириться с истцом. В случае отказа заслушивались показания свидетелей. Количество их не ограничивалось, не учитывалось и то, что они могли быть родственниками истца. В свидетели не принимались лишь дети. Если показания свидетелей подтверждали заявления истца, суд снова предлагал подозреваемому сознаться. При повторном отказе его стремились уличить вопросами, определить виновность по выражению лица, жестам, речи.

Цель суда у саамов, как суда схода, так и суда посредников, особенно по делам о ссорах и драках, состояла в примирении противников. Иногда, если обида, была большой, пострадавшему предоставлялось право на своего рода компенсацию, например, ударить обидчика кулаком по спине. Виновный присуждался к штрафу водкой. Совместное распитие ее означало примирение сторон (мировую). Решение суда, поскольку оно выносилось сходом (миром), было авторитетным. Полагалось, чтобы обе стороны оставались им довольны.

За убитого чужого оленя виновный приговаривался к уплате стоимости оленя[58], возвращению его шкуры хозяину и штрафу водкой, которую распивали истец, судьи и ответчик. При причинении убытка суд определял его стоимость, приговаривал виновного к возмещению его деньгами. По делам о кражах учитывались мотивы и характер преступления. Воровство из избы или ночью судилось строже, чем воровство вне ее или днем. Здесь, вероятно, принималось во внимание, что при во-

[58] Плата зависела от того, что представлял собой этот олень (бык, важенка, выезженный или невыезженный олень и т. п.). Наряду с этим существовал и другой обычай — ответчик за убитого оленя должен был отдать своего лучшего оленя.

ровстве ночью или из избы проявлялась большая преступная решимость, что это воровство помимо материального ущерба влекло большой моральный ущерб и могло привести к тяжелым последствиям. За кражу ночью или из избы ответчик возвращал украденное, уплачивал двойную стоимость его деньгами или вещами и штраф водкой в зависимости от своего имущественного состояния. За кражи днем полагалось возвратить украденное, уплатить однократную его стоимость и внести штраф водкой [59].

Для суда посредников нужно было согласие обеих сторон, а также судьи, который, как правило, приглашался из наиболее уважаемых стариков. Судья выслушивал обе стороны, устанавливал виновного и пытался примирить с ним пострадавшего. Его задача состояла в том, чтобы вынудить виновного делать уступку за уступкой, пока обиженный не почувствует себя удовлетворенным. Никакого вознаграждения судья не получал. В завершение виновный покупал водку и дело заканчивалось выпивкой [60]. Суд у саамов имел много общего с судом русских крестьян. Решение спорных дел на сходах, возмещение ущерба деньгами, угощение водкой — все это типичные черты суда русской деревни. Сохранение же суда посредников, стремление к урегулированию конфликтов путем примирения, некоторые аспекты судебного разбирательства — свидетельства не изжитого еще полностью традиционного судебного порядка.

У ненцев Архангельской губернии действовал суд старост, избиравшихся в каждой тундре. Наряду с ним существовал суд посредников, функции которого с введением суда старост сузились и сводились к разбору словесных обид (оскорбления словами), заканчивавшемуся большей частью примирением сторон[61]. Похоже, что сохранялись также остатки самосуда — пережиточной формы, когда конфликты решались с помощью силы. Ненец, увидев у другого ненца потерявшуюся оленью шкуру, какую-либо вещь или оленя,

---

[59] Харузин Н. Русские лопари. М., 1890. С. 332—337; Ефименко А. Е. Указ. соч. С. 58.

[60] Харузин Н. Указ. соч. С. 337. Водка в этом случае не штраф, а атрибут примирения, ставилась добровольно, по обычаю.

[61] Путешествие академика Ивана Лепехина... Ч. 4. СПб., 1805. С. 232; Ефименко А. Я. Указ. соч. С. 210, 223, 226.

отбирал их насильно как свою собственность. В случае кражи оленей потерпевший не стремился обращаться в суд, а устанавливал виновника и брал у него еще больше оленей. Дело доходило до суда, когда кто-нибудь из них, взяв помощников, отгонял у другого оленей явно и насильно.

Исследователи отмечали неразвитость преступности у ненцев, почти полное отсутствие тяжких преступлений (преднамеренное убийство и пр.), объясняя это дружелюбным, общительным и кротким характером. «Преступления среди самоедов редки,— писала А. Я. Ефименко,— и проявления диких страстей, очень естественных у народа, стоявшего на такой ступени умственного развития, смягчается у них добродушием, склонностью прощать обиды и готовностью всегда помириться со своим врагом» (Ефименко А. Я. С. 232).

Наиболее частыми были преступления против собственности, особенно кражи оленей; кражи вещей встречались намного реже. Ненцы перед началом летних касланий лишнюю одежду, нюки и другое имущество оставляли на нартах в тундре. Возвращаясь осенью, они все находили в сохранности. Несложный характер судебных конфликтов не выходил из круга привычных забот, связанных с добыванием средств к существованию, прежде всего пищи, и регулированием взаимоотношений между людьми. Присвоение оленей (тайное переклеймление их, отгон чужих оленей при смешивании стад на пастбищах, самовольный захват оленей за долги), вылов щенят в чужих лисьих или песцовых норах, захват этих нор, кража из ловушек зверей и рыбы, опромышливание кем-либо из ненцев общего промыслового угодья, захват таких угодий — таковы типичные правонарушения, происходившие в сфере хозяйственной жизни и нарушавшие права владения или собственности.

Причины преступности крылись прежде всего в бедности. Особенно тяжело жилось оседлым безоленным ненцам. Не случайно ненцы с. Колвы славились во всем краю как отчаянные воры. Другой причиной являлось пьянство, на почве которого происходили ссоры, драки и даже убийства. Отрицательно сказывалось и общение с русским населением, в результате которого у ненцев менялась ценностная ориентация, ослабевали нравственные принципы. Можно утверждать, что со-

стояние преступности зависело от степени разложения традиционных институтов, определявшейся главным образом продолжительностью и интенсивностью контактов с русскими и коми. Ввиду этого преступлений у канинских и тиманских ненцев совершалось больше, чем у большеземельских ненцев. То же самое можно сказать и об оседлых, безоленных ненцах по сравнению с ненцами-оленеводами.

Ненцы по-разному относились к правонарушениям в своей среде и вне ее. В отношениях между собой они соблюдали гораздо больше честности, строже смотрели на различного рода проступки. Вместе с тем ненцы не считали преступлением кражу оленей у русских или у коми. Иногда кражи перерастали в грабежи, но чаще всего ненцы, пасшие оленей у русских или коми, помогали своим соплеменникам отогнать несколько оленей. А. Я. Ефименко видит в этом проявление мести со стороны ненцев за притеснения. В принципе такое понимание этих акций как зачаточной, специфической формы протеста против угнетения и эксплуатации допустимо, но с учетом того, что это могло быть отголоском бывших в прошлом угонов оленей у иноплеменников, но перенесенных на русских и коми, в которых ненцы видели не просто чужеродцев, но и, возможно, своих притеснителей.

Некоторые судебные дела, касавшиеся экономических отношений между бедными и богатыми, выявляют не только степень имущественной дифференциации, но и противоречивость их интересов. Причем нарушителями коллективистских традиций и норм выступали крупные оленеводы, которые самовольно занимали пастбищные и рыболовные угодья. Вероятно, индивидуалистические устремления были более или менее систематическими, поскольку в обычном праве имелись нормы, защищавшие в таких случаях интересы бедных.

Для суда ненцев характерно также то, что по всем делам меры наказания сводились к возмещению ущерба, имущественные отношения у них достигли такой ступени, когда такое наказание было уже чувствительнее нравственного или телесного наказаний. По делам о кражах и умышленной порче чужого имущества (нюк, шестов и других принадлежностей чума) ущерб возмещался в двойном размере, в остальных делах — в однократном, причем взыскание в двойном размере означа-

ло не наказание виновного, а вознаграждение потерпевшего с тем, чтобы полностью загладить вред и восстановить добрые отношения между людьми, вступившими в конфликт. Возмещение ущерба происходило и по делам, не связанным с материальным уроном. За побои, бесчестье замужней женщины или девицы, за насилие виновный приговаривался к уплате нескольких оленей.

Таковы наиболее характерные черты суда, судопроизводства и юридических обычаев у саамов и ненцев Архангельской губернии, которые, сохраняя некоторые традиционные особенности, по своим основным параметрам приближались к аналогичным институтам русских крестьян.

Обской Север. Исследователи и путешественники отмечали чистоту нравственных отношений у малых народов этого края, отличавшихся честностью, правдивостью, добротой, благодушием, человеколюбием. Этим объясняется неразвитость у них преступности, почти полное отсутствие крупных преступлений, особенно убийств. Ссоры у них были весьма редки и прекращались без всякой вражды и злопамятства. Примечательно, что уровень преступности связывался с уровнем цивилизованности, который обусловливал рост потребностей, а вместе с тем и рост причин для совершения преступлений. «Ложь, обман и присвоение чужой собственности, мало известные среди наиболее диких остяков,— писал А. Г. Воронов,—распространяются среди этого племени по мере усвоения им цивилизации» (Воронов А. Г. С. 37). Примерно такое же явление наблюдал Б. М. Житков у ненцев полуострова Ямал. «С точки зрения достатка, здоровья, пристрастия к водке,— писал он,— гораздо худшую картину дает самоедское население юга полуострова, жизнь которого теснее связана с обскими рыбными промыслами» (Житков Б. М. С. 220).

Не вдаваясь в полемику, отметим, что это обстоятельство отразилось на изменении правовых взглядов и юридических обычаев народов Севера. У хантов Березовского уезда за угрозы и намерение совершить преступление никакого наказания не полагалось, делалось только внушение, а у хантов Сургутского уезда суд схода за это наказывал виновного и принимал меры к предупреждению преступления. У хантов Березов-

ского уезда главный виновник и сообщник наказывались одинаково, ложная присяга и лжесвидетельство считались большим грехом, но судебных репрессий не влекли, у сургутских же хантов различались и наказывались по-разному лица, совершившие преступление, и сообщники и даже подстрекатели, ложные присяги и лжесвидетельства преследовались в судебном порядке[62].

У хантов и других народов этого края не было деления преступлений на уголовные и гражданские, не было и соответствующих названий, они назывались по виду преступления: убийство, кража, драка и т. п. Но у них имелось представление о неумышленных и умышленных преступлениях. В первом случае на преступника смотрели либо снисходительно, либо сочувственно и либо не наказывали (ханты Березовского уезда), либо наказывали его в меньшей мере (ханты Сургутского уезда). Не считались и у ненцев преступниками лица, совершившие преступление по неосторожности или даже в случае крайней необходимости. У березовских хантов умышленное преступление имело специальный термин: «люл нурынномытноварым» — худое дело умом сделал. Они относились к злоумышленнику с презрением, но не считали его навсегда потерявшим совесть и надеялись на исправление. Сургутские же ханты смотрели на такого преступника как на зверя, называли его варнаком (мы-чумях) — одним из оскорбительнейших ругательств, считали его неисправимым, навсегда потерявшим совесть (Дмитриев-Мамонов А. И., Голодников К. М. С. 31, 38).

К наиболее распространенным преступлениям у народов Обского Севера относились ссоры, драки, нанесение побоев, оскорбления, к тяжким преступлениям — кражи, грабеж, убийство. Поскольку грабежи и убийства совершались очень редко, из преступлений первое место занимали кражи — кражи оленей, рыбы и зверей из ловушек, разного рода одежды и другого имущества. В некоторых местах тяжким преступлением считался и обман. Источники не зафиксировали преступлений на почве кровной мести, нарушения экзогамии, споров

---

[62] Дмитриев-Мамонов А. И., Голодников К. М., Указ. соч. С. 31, 38.

из-за пастбищных угодий у оленеводов[63]. Отсутствовали преступления, связанные с суевериями и предрассудками.

Тяжбы встречались редко, в основном по займам. На старост и князцов жалоб почти не поступало как вследствие уважения к ним, так и из-за боязни судебных проволочек. Большая часть судебных конфликтов заканчивалась примирением сторон. В связи с более широким распространением найма инородцев на работу к рыбопромышленникам — русским или коми — возникали дела по контрактам работников с хозяевами. Новыми были и дела об оскорблениях инородцами князцов или старост, обычно в пьяном виде. За аналогичные проступки между простыми инородцами судебных дел не возбуждалось. Опьянение исключало, по-видимому, возможность вменения преступного деяния лицу, совершившему его в таком состоянии. Но при оскорблениях начальствующих лиц это обстоятельство не учитывалось и виновников либо пороли розгами, либо подвергали за бесчестье денежному штрафу в пользу этих лиц. Типичной для охотничье-рыболовецкого населения является картина преступности у хантов Кодской управы за 1903 г.— почти исключительно побои, оскорбления словами, буйство в пьяном виде, нарушение договоров по наймам на работу[64]. У оленеводов преобладали кражи оленей.

У малых народов Обского Севера, ранее других народов Северной Сибири вошедших в состав Российского государства, в суде и юридических обычаях оставалось меньше традиционных черт. Устав «Об управлении инородцев» здесь был реализован более полно, чем в других ее районах. Во второй половине XIX в. у них повсеместно были созданы инородные управы, которые функционировали и как вторая ступень словесной расправы.

---

[63] Воронов А. Г. Указ. соч. С. 40; Музей истории материальной культуры Томского ун-та... С. 7; Тобольские губернские ведомости. 1857. № 10.

[64] Дудин-Горкавич А. А. Указ. соч. Т. 3. Приложение V. С. 50. Но встречались и кражи. У ненца Хаби Тырцы из капкана пропал песец. У Тусиды Нуми исчезло пять оленьих туш, оставленных им в железном ящике возле устья Тамбея (1929). В случае обнаружения вора он по обычаю должен был отдать потерпевшему пять живых, обязательно хороших оленей.

Однако суд не составлял чего-то единого. Хотя и в меньшей мере у них сохранялся суд посредников. У васюганских и ваховских хантов мелкие конфликты решались путем самосуда. Пострадавший, если у него были взяты из ловушки рыба или зверь, обнаружив виновного, ругал и бил его[65]. У некоторых групп манси и частично хантов, причисленных к оседлому разряду, действовал как сельский, так и волостной суд. Но преобладающим судом был суд органов туземного управления (туземный суд): старост, родовых управлений и инородных управ. Общая характеристика такого суда, данная выше, во многом опирается на материалы этого района. Поэтому, не повторяя ее, остается только детализировать некоторые местные особенности.

Как уже говорилось, по мелким делам могли судить и судили единолично старосты, но важные дела обязательно выносились на суд сходов (общих собраний). Приговоры и решения определялись путем подачи голоса в первоначальном смысле этого слова, т. е. путем открытого высказывания мнения. Чем старше и опытнее было лицо, тем большим весом обладал его голос. В результате такого голосования сход приходил к общему мнению. Обычно принималось наиболее разумное для данного случая решение. Голосования в современном смысле у народов Севера не было.

Роль старост и князцов в таком суде проявлялась по-разному. В одних случаях, как, например, у ваховских хантов, староста всецело находился во власти обычного права и являлся в этом смысле выразителем воли своего народа (Шатилов М. Б. С. 84, 85), в других случаях он мог игнорировать общественное мнение, вершить неправый суд и даже брать взятки (Обдорская инородная управа)[66]. Многое в решениях туземного суда зависело от мнения, взгляда, подхода лица, производившего разбирательство. Основанный на изустных обычаях, суд не мог действовать точно, одинаково. По одним и тем же проступкам выносились различные наказания: в одних случаях чистосердечное признание избавляло от наказания, в других не принималось во внимание и т. п. Отсутствовало единство судебной реп-

---

[65] Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX—начале XX в. Томск, 1977. С. 196.

[66] Бартенев В. На Крайнем Северо-Западе Сибири. СПб., 1896. С. 98.

рессии. В зависимости от принадлежности к разрядам одинаковые правонарушения карались по-разному. Состоятельный преступник в случае кражи присуждался к компенсации ущерба, бедного секли розгами. Однако несовершенство туземного суда — это несовершенство с точки зрения суда и права классового общества. Все перечисленные выше недостатки с точки зрения этих народов могли не иметь значения. Суд обладал большой гибкостью, отличался многообразием специфических черт, отражавших особенности юридического быта мелких и мельчайших сообществ людей.

Из мер наказания преобладали телесные наказания и материальное возмещение ущерба вещами, шкурками пушных зверей (у ваховских хантов — беличьими шкурками) или же деньгами и не только за материальный урон, но и за обиду. За оскорбление словами, если не было достигнуто примирения, виновный уплачивал 1—3 р.; за нанесение побоев, увечья и ран—3—15 р., кроме этого, он обязывался лечить пострадавшего за свой счет (у ненцев такого обычая не было). В. Бартенев отмечал, что у инородцев Обского края наказание заменяется обычно штрафом в пользу обиженного. В одних случаях возмещение ущерба при кражах происходило в двухкратном, в других — в трехкратном размере. В прошлом ущерб возмещался четырехкратно[67]. Неплательщиков ясака, если причиной являлись лень, пьянство, мотовство, предварительно пороли розгами, а затем отдавали в работу (в невода и т. п.). Исполнение приговора не требовало никаких принудительных действий. В случае же сопротивления десятские получали приказание выполнить решение — изъять сколько-то оленей, взять сколько-то вещей из амбара.

Для характеристики суда у ненцев приведем несколько случаев, зафиксированных в начале 30-х гг. прошлого века. Молодая вдова, оставшаяся с малолетними детьми, просила старшину принудить братьев ее покойного мужа оказать ей помощь. Братья не соглашались. Старшина убедил женатого, но бездетного брата взять к себе племянника, который со временем мог стать ему помощником вместо сына. Неженатый же брат согласился взять вдову замуж, соблазнившись вступлением в брак без калыма. В другом случае стар-

[67] Томские епархиальные ведомости. 1890. № 1. С. 12.

шина оправдал бедняка, укравшего из стада богатого ненца оленя на пропитание. До этого бедняк обращался к богатому с просьбой, но получил отказ. «А ты недобрый человек»,— сказал старшина богатому. В третьем случае ненец, застигнутый во время кражи оленя из стада и ударивший одного из хозяев топором, покончил жизнь самоубийством из-за угрызений совести[68]. Ф. Белявский состояние преступности связывает с нравственностью и национальным характером народов Севера. «Самоеды,— пишет он,— еще добрее остяков. Незлопамятны, но вспыльчивы. Убийства у них никогда не бывает, а воровство считается за величайший стыд и бесчестье» (Белявский Ф. С. 161).

Ханты и селькупы Нарымского края решали судебные конфликты на сходах. В качестве мер наказания применялись розги (до 20 ударов), в том числе к женщинам, и арест до семи дней. Из-за отсутствия каталажных камер арестованных помещали в пустую юрту или абмар, где они находились под присмотром караульщика, причем арестант был обязан заплатить ему не менее 25 к. в день за убытки, связанные с отвлечением от работы[69].

У них не существовало понятия об оскорблении словами и клевете. Некоторые преступления считались одновременно и грехом. Селькупы, например, придерживались того мнения, что человек, совершивший самую незначительную кражу, будет обязательно наказан потусторонними силами. Другие были связаны с поверьями: «Кто палку чужую сломал — тот заболеет, кто берет чужое — те умирают»[70]. Г. И. Пелих без ссылки на источник приводит интересный обычай из юридической практики селькупов. За крупную кражу вора наказывали розгами. Он был обязан в тот же год полностью возместить причиненный ущерб. Если он этого не мог сделать, то через год к его долгу прибавлялась сумма, превышающая стоимость украденного в четыре раза. Потом каждый год прибавлялась сумма в размере одного долга (Пелих Г. И. С. 124).

---

[68] Описание города Березова и его округа//Северная пчела. 1832. № 208, 209, 212; Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833. С. 112.

[69] Плотников А. Ф. Нарымский край. СПб., 1901. С. 91, 92.

[70] Пелих Г. И. Селькупы XVII в. Новосибирск, 1981. С. 95.

Для юстиции малых народов Восточной Сибири, представлявшей собой пеструю картину, характерны два момента. Во-первых, на суд и право многих, если не большинства, народов этого региона заметное влияние оказали аналогичные институты бурят и отчасти якутов; во-вторых, юстиция этих народов отразила более высокую ступень развития имущественных отношений, обусловленную переходом от добывающего к производящему хозяйству, от охоты и рыболовства — к скотоводству и земледелию, от кочевого образа жизни — к оседлому.

У забайкальских эвенков нормы права, охраняющие частную собственность, проработаны более детально и предусматривают более строгие меры наказания по сравнению, скажем, с соседними группами эвенков таежной полосы (северо-байкальскими, баунтовскими или киренскими эвенками). Их правовые обычаи отразили деление не только на простых и знатных людей (туземная администрация), но и на бедных и богатых. Несостоятельный должник, например, отдавался не просто в работу, за счет которой погашался долг, а отдавался в работу заимодавцу на срок до погашения долга, в чем нельзя не видеть установления одной из начальных форм зависимости. Нормы права в некоторых случаях фиксируют отход от отношений коллективизма и взаимопомощи в пользу собственнических отношений. По правилам 15 нерчинских тунгусских родов бедный человек, убивший и съевший в связи с голодом скотину у другого, подлежал судебной ответственности. Причем если он при этом оповещал общество, то наказывался телесно и возмещал ущерб, если же это совершалось тайно, то с ним поступали как с вором.

В суде органов туземного управления меньше традиционных черт, сам он в большей мере был судом князцов и старост (зайсанов, шуленг, дарг и т. п.). Суд по мелким делам у нерчинских эвенков вершили вместе с родовичами шуленги—главы административных родов. Решение выносилось либо по общему согласию, либо по большинству голосов, что свидетельствует уже об отсутствии единого мнения, свойственного традиционному суду. Часто суд происходил лишь в присутствии нескольких человек или вообще творился единолично шуленгой, который был обязан только в случае затруднений пригласить ближайших старшин или стариков. Крупные де-

ла рассматривал главный тайша на суглане обязательно при наличии истца и ответчика.

В свидетели принимались не все, а только люди хорошего поведения, старшины увещевали их давать беспристрастные, справедливые показания. Если же свидетелей не было, а обвиняемый не сознавался, то по обычаю давалась клятва перед ружьем, или мечом, а в наиболее ответственных случаях — перед Шаманским камнем, который находился вблизи устья р. Ангары[71].

Судьи этой группы эвенков не пользовались доверием у соплеменников. Шуленги не имели права вести свое дело или же дело своих близких родственников, как и в случае, если подсудимый объявлял их подозрительными. Явно увеличилось количество недовольных решениями суда. По этой причине в обычаи 15 нерчинских тунгусских родов была внесена особая статья об апелляции на решения суда в высшие инстанции (ст. 60). Донос о краже уже не считался долгом, донесший о ней получал вознаграждение (5 р.).

В родовых управлениях дела начинались обычно вследствие жалобы родовому старосте, который вместе со своими помощниками или же с двумя-тремя родовичами в присутствии истца, ответчика и свидетелей разбирал конфликт. Если обе стороны были согласны с решением или же взыскание не превышало 30 р., 20 розг, 3 дней ареста или принудительных работ, то оно приводилось в исполнение; в противном случае исполнение откладывалось на месяц, т. е. на срок, установленный для обжалования.

В известной мере подверглись трансформации и меры наказания. Розги и принудительные работы применялись редко, к розгам прибегали в исключительных случаях, когда все другие средства были исчерпаны (только у бурят; у эвенков они почти совсем вышли из употребления). У бурят вместо ареста, применявшегося у эвенков, надевали колодку на одну ногу, у эвенков практиковались, хотя и редко, принудительные работы, у бурят их не было. Основной мерой наказания служили компенсация ущерба и арест. Последний являлся уже

[71] А. Р. О законах некоторых восточных сибирских инородцев //Сибирский вестник. 1823. № 3. С. 3, 4, 6; Сборник обычного права сибирских инородцев... С. 29, 30, 39.

сугубо судебной мерой наказания[72]. Соучастники в краже и знавшие, но не донесшие о ней, рассматривались наравне с ворами и подвергались одинаковому наказанию. Стали чаще встречаться обман и мошенничество, ввиду чего появились соответствующие нормы права, карающие эти преступления. По суду преследовались клеветники, ложные доносчики, появление которых также объясняется ослаблением традиционных устоев жизни (А. Р. О законах некоторых сибирских инородцев... С. 6).

Отмеченные инновации связаны с изменением хозяйственной ориентации эвенков — переходом от рыболовства и охоты к скотоводству и земледелию, заимствованием обычно-правовых норм бурят и русских. Так, в Урульгинскую степную думу (Читинский округ Забайкальской области) входило 6 инородных управ с 36 родовыми управлениями (кочевые эвенки) и 4 рода эвенков (орочён), отнесенных к разряду бродячих. Из них только эвенки Онгоцонской и Кужертаевской управ занимались преимущественно скотоводством и вели кочевой образ жизни; у эвенков Маньковской, Шундуинской и Урульгинской управ главным занятием стало земледелие (хлебопашество), они почти полностью перешли к оседлому образу жизни; эвенки Оловской управы были уже все оседлы. Управление и суд у них, несмотря на это, и в конце XIX в. осуществлялись, как отмечалось в сибирской прессе, по законам Сперанского, не соответствовавшим новым условиям. В связи с этим выдвигались проекты реформирования управления как у эвенков, так у бурят и других народов. В отношении упомянутых нерчинских эвенков предлагалось у оседлых групп их ввести сельское управление, сельский и волостной суды, а у кочевых — отделить суд от управления, избирая пожизненных судей в каждом роду[73].

Вполне вероятно, что на юстиции народов Севера отражались также их этническое происхождение, различия в этно-культурном развитии. Эвенки Урульгинской степной думы, например, не составляли чего-то единого в этом отношении. Часть их (эвенки Оловской, Маньковской и отчасти Шундуинской управ) были аборигенами, другую часть (эвенки Урульгинской и отчасти

---

[72] Сафьянников К. А. Указ. соч. С. 24, 25.
[73] Восточное обозрение. 1891. № 12.

Шундуйской управ) составляли выходцы из Маньчжурии во главе с Гантимуровым. Другие, более поздние выходцы составляли Кужертаевскую и Онгоцонскую управы. В последнюю вошли также эвенки-аборигены верховьев рек Онона и Ингоды. Видимо, поэтому у них существовали неодинаковые юридические обычаи. Начальник «тунгусских родов» князь Гантимуров находил странными некоторые обычаи местных эвенков-аборигенов, связанные с калымом и левиратным браком (Сафьянников К. А. С. 16, 17; Сборник обычного права сибирских инородцев... С. 65, 66).

Дальний Восток. Сложная ситуация наблюдалась у малых народов этого региона. У той части их, которая вошла в состав России в XVII в. (Камчатка, Охотское побережье), действовал туземный суд, введенный Уставом об управлении инородцев 1822 г., т. е. суд старосты и суд родового управления у населения, отнесенного к разряду бродячих, а в некоторых местах и инородных управ (у кочевого населения). Источники свидетельствуют о почти полном отсутствии уголовных преступлений (убийств, грабежей, краж) ввиду изолированности людей друг от друга при кочевом образе жизни, мягкости характера, строгого соблюдения обычаев и личных обязательств эвенками (ороченами) Амурской области, эвенками Удского и Охотского округов, о преобладании у них суда схода, решавшего наиболее важные дела по обычному праву[74].

Представление о характере конфликтов у этой группы на примере охотских эвенов дают два следующих судебных дела. В одном из них (1834 г.) староста II Годниканского рода Алексей Пономарев потребовал возвращения своего имущества, захваченного старостой I Годниканского рода Гаврилой Шумиловым, бывшим ранее приемышем бездетного брата Алексея Пономарева и его жены. Примечательно, что истец не требовал имущества умершего брата и его жены ввиду отсутствия прямых наследников, признавая тем самым право приемного сына на наследование; речь шла о возвращении принадлежавшего лично ему имущества, которое оставалось у его брата со времени разделения Годниканского рода на 2 рода по 6-й ревизии, а именно рысьей шубы, 60

[74] ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1153. Л. 8—10; Д. 1196. Л. 15—21; Ф. 793. Оп. 1. Д. 292. Л. 12, 13.

юртенных ровдуг, до 2,5 тыс. неразделенных оленей, 10 золотых червонцев, 26 серебряных монет, серебряного стакана и ложки, 4 шкурок красных лисиц, 1 сиводушки и прочего мелкого имущества.

Судебный иск был адресован непосредственно охотскому окружному земскому исправнику, который не стал его рассматривать сам, а передал четырем старостам других родов, прибывшим с ясаком в Охотск. Выяснилось, что жена брата Алексея Пономарева еще при своей жизни отделила приемыша Гаврилу Шумилова, кочуя отдельно своим хозяйством. После ее смерти оставшееся имущество и до 200 оленей забрал также Гаврила Шумилов. Суд старост решил при согласии обеих сторон, чтобы часть имущества (6 серебряных монет, 7 ровдуг чумовых) и 25 оленей (10 важеник, 10 телят, 5 быков двухгодовалых) Гаврила вернул Алексею Пономареву, а последний должен дать ему расписку, что ни он сам, ни его родственники больше ничего не будут требовать от Шумилова[75]. Это судебное дело представляет собой типичную тяжбу о наследстве, продолжавшуюся много лет, с типичнейшим решением, которое сводилось к компромиссу — получению пострадавшей стороной чего-то вместо ничего и обоюдным удовлетворением сторон.

Примерно такой же тяжебный характер имело и другое дело. Староста I Долганского рода Григорий Зыбин жаловался Охотскому окружному исправнику (1835 г.) на то, что лет 12 назад тунгус рода старосты Поликарпа Громова Василий Кененгин приезжал в гости в I Долганский род к родственникам своей жены и попросил отпустить к нему его родственницу, вдову Агафью Попову с малолетним сыном, обещая через год возвратить их. Однако вместо этого он выдал Агафью Попову замуж в другой род, получив 5 оленей в качестве калыма, а сына ее оставил в своей семье. Агафья умерла, и истец не может получить ни сына — своего родственника, ни 5 оленей за калым, ни 7 оленей, данных на эту поездку, так как ответчик уклонялся от встречи. Истец просил отыскать ответчика и взыскать с него все незаконно присвоенное[76].

---

[75] ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 1060. Оп. 2. Д. 4. Л. 1—4.

[76] ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 1060. Оп. 1. Д. 6. Л. 14, 15. Исход дела неизвестен.

Возможно, что в охотничье-кочевом хозяйстве, где оленей, как предмета кражи, было немного, а общение людей ограничивалось небольшим кругом лиц, преимущественно родственников, редкие судебные конфликты сводились во многом к тяжбам по поводу наследственного имущества и калыма.

У народов Амура преобладал суд посредников. Для разбора судебных дел приглашался посредник из нейтрального рода, красноречивый, уважаемый человек, хорошо знавший порядок ведения суда и обычаи. Сам по себе такой судья, как и у других народов, ничего не решал, он лишь вел судебное разбирательство, имея задачей примирение сторон. В суде участвовали представители от каждой заинтересованной стороны — старейшие члены вступивших в конфликт родов, пользовавшиеся всеобщим уважением сородичей, являвшиеся хранителями традиций и защитниками интересов рода[77]. Такой суд описан Л. Я. Штернбергом, А. М. Золотаревым, И. А. Лопатиным и В. Г. Ларькиным, поэтому нет нужды сейчас повторять эти описания, отметим только некоторые его черты: согласие обеих сторон на такой суд, выбор тяжущимися сторонами судей, беспристрастность которых гарантировалась их репутацией и принадлежностью к нейтральному роду; наличие четких, хорошо разработанных правил ведения суда; наличие шкалы преступлений и наказаний (за определенные преступления — определенные наказания). Основной мерой наказания являлось материальное возмещение ущерба. Из других

---

[77] Они же играли главную роль в родовых судах, при решении конфликтов между сородичами. В дореволюционной литературе по этой причине такой суд иногда назывался судом стариков (см.: Солярский В. В. Указ. соч. С. 7, 8). Участие в суде считалось общественной обязанностью, от которой было не принято отказываться. Судьи никакого вознаграждения за свои услуги не получали, но их усиленно угощали. О высокой общественной репутации этих лиц (джангин, манга) свидетельствует избрание их уже в советское время председателями туземных Советов и правлений колхозов (см. Вальдю А. Из мрака — к свету// Породнились на Амуре. Хабаровск, 1982. С. 116). У орочей широкую известность как судья получил старик-ороч, проживавший у устья р. Копи. Ни одно крупное судебное дело не разбиралось без его участия. Состав такого суда никто специально и никоим образом не определял. В случае необходимости на него собирались все имевшиеся в данный момент в стойбище старейшины (ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1401. Л. 11, 12, 24).

наказаний упоминаются розги и изгнание из стойбища, применявшиеся при повторных кражах, и пощечины при мелких проступках.

Одна из отличительных черт суда у народов Амура — магическая обрядность и символика. Судьи-посредники являлись на суд с деревянными жезлами, имевшими магическое значение; по делам об убийстве перед джангином стояла деревянная чашка с водой, в которой плавал уголек, символизирующий душу убитого, требовавшую мести; каждой вещи, входившей в выкуп, придавалось символическое значение (Золотарев А. М. С. 80—81). С помощью магических обрядов устанавливался вор: у нанайцев с этой целью бросали в костер ворону, произнося заклинания, у орочей — подносили к огню волчье сухожилие. Они верили, что подобно тому, как корчилась ворона на огне или скрючивались сухожилия, так же будет корчиться или скрючиваться вор [78]. По делам об убийствах у орочей после установления виновной стороны манги (и истца и ответчика) боролись, причем манга виновной стороны должен был обязательно поддаться [79]; у нивхов по таким же делам после достижения соглашения происходила символическая дуэль между представителями рода убитого и убийцы. Затем убивалось по собаке с каждой стороны, конфликт исчерпывался и заключался мир.

В литературе описывается преимущественно суд у народов Амура по межродовым конфликтам, связанным к тому же с заменой кровной мести выкупом, и почти ничего не сообщается о судебных делах между сородичами, т. е. внутри родственных групп. Одна из причин этого, может быть, состоит в совместном проживании в одних селениях семей разной родовой принадлежности. С этим связана необходимость урегулирования подобных конфликтов через посредников из нейтральных родов.

Обращает на себя внимание и набор предметов, входивших в выкуп. Это не олени, не покрышки для чу-

---

[78] Подобный обычай обнаружения преступника существовал и у ительменов, которые бросали в костер становые жилы каменного барана (см.: Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949. С. 372).

[79] По другим сведениям, у орочей происходила дуэль на палках или на луках между убийцей и ближайшим родственником убитого (Штернберг. С. 422, 423; Золотарев М. С. 80—81).

мов, как у оленеводов, и не шкурки пушных зверей, как у охотников. У народов Амура в этом качестве фигурировали халаты, куски материи, котлы, шкурки соболя, шкуры медведя, а по крупным преступлениям (убийство, изнасилование чужой жены) — обязательно кольчуга. Иногда компенсация ущерба производилась деньгами [80].

Наиболее значительные дела рассматривались перед весенней путиной, когда к определенным местам стекалось все окрестное население. Приглашалось не менее четырех судей из нейтральных родов. Они высказывали свое мнение по очереди. После них мог выступать любой присутствующий. Вероятно, что увеличенное количество судей связывалось в этом случае с необходимостью принятия безошибочных решений, приемлемых для всех сторон и одобренных общественным мнением.

После введения института старост у народов Амура местная администрация пыталась, хотя и без особой настойчивости, передать им судебные функции. В приказе Софийского окружного исправника (приблизительно 80-е годы XIX в.) о назначении И. М. Бисянки старшиной даттинских орочей ему предписывалось разбирать мелкие ссоры вместе со стариками, наказывать за непослушание розгами до 20 ударов (Ларькин А. Г. С. 68). У нивхов уже при старостах и наличии сельского суда в селениях, к которым они были приписаны, все спорные дела решались традиционно через посредников.

О состоянии преступности среди народов этого района данных мало. Начальник Удского округа сообщал в 1889 г. военному губернатору Приморской области о том, что крупных преступлений среди нивхов за время его управления не было ни одного. Единственное преступление — это кража женщин, вызываемая большим калымом [81]. В связи с недостатком женщин у народов Амура много судебных дел возникало как раз на этой почве. По другим сведениям, среди них наблюдались кражи и мошенничество, встречались и убийства, но почти исключительно на почве опьянения. Обиды действием или словами кончались либо примирением с материальным вознаграждением обиженного, либо поединком на палках, причем противники дрались до тех пор, пока

[80] Лопатин И. А. Гольды. Владивосток, 1922. С. 165.
[81] ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 1, Оп. 1. Д. 1153. Л. 2—10.

одна сторона не признавала себя побежденной (Ларькин В. Г. С. 68).

Оседлое население включалось в состав русских волостей. Управление и суд у него организовывались на основании общего Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. У оседлого населения Камчатской области вводилось упрощенное сельское управление, состоявшее из сельского схода, сельского старшины и сельского суда[82]. Однако новый порядок прививался с трудом.

Суд у народов Крайнего Северо-Востока отличался наибольшей архаичностью форм, особенно у чукчей. Суд у них подразделялся на два вида: суд внутри семейной группы и суд между лицами разных семейных групп. Каждая семейная группа решала все свои конфликты самостоятельно, без всякого вмешательства извне. Они рассматривались на собрании (совете) мужчин; старики сидели и обсуждали то или иное судебное дело, младшие стояли сзади и молча слушали[83].

Некоторые авторы пишут, что чукчи отличались вспыльчивым, суровым, мстительным характером, жестокостью в семейной жизни. Муж у них пользовался неограниченной властью над женой и детьми, имел право убивать их без всяких последствий для себя[84]. В литературе приведен случай, когда чукотские старосты отказались арестовать чукчу, убившего двух своих жен, племянника и сына, заявив, что по их обычаям он не совершил никакого преступления[85]. К числу таких внутренних дел относилось и убийство так называемых «скверных людей», которые своей сварливостью и жестокостью могли вовлечь семейную группу в конфликт с другой группой. Так, двое чукчей — Хреакай и Еррува — постоянно ссорились с соседями, вели себя нагло, чем возбудили общее недовольство. Родственники, посоветовавшись, решили их убить[86].

---

[82] ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1401. Л. 32, 33.

[83] Богораз В. Г. Чукчи. Ч. 1. Л., 1934. С. 179.

[84] На глубокую давность этого обычая указывает то, что муж мог совершить такое убийство копьем или ножом, употребить ружье не имел права.

[85] Беретти Н. Н. На Крайнем Северо-Востоке//Записки Владивостокского отдела РГО (общества изучения Амурского края). Владивосток, 1929. Т. 4 (21). С. 19.

[86] Аргентов. Описание Николаевского Чаунского прихода //Записки Сибирского отдела РГО. Кн. 3. СПб., 1857. С. 105.

При конфликтах между лицами разных семейных групп собирались мужчины с той или другой стороны. Старшие выбирали одного-двух представителей (ораторов) от каждой группы, которые, выступая по очереди, стремились свести дело к примирению. Если это не удавалось, то старейшины говорили: «Пусть поиграют». Оба спорщика вооружались копьями и начиналось состязание. Имелось в виду, что виновный обязательно будет побежден, наказан, а справедливость восстановлена. Состязание как способ выявления и наказания виновника применялось у чукчей широко, по многим преступлениям, в том числе и мелким, как по делам между семейными группами, так и внутри их (Богораз В. Г. С. 179, 184—188).

Наиболее распространенными преступлениями у кочевников-оленеводов были кражи оленей. У береговых чукчей кражи встречались реже, так как у них отсутствовало что-либо ценное. Виновный после состязания возмещал ущерб в большем по сравнению с похищенным размере. Возмещение ущерба имело место при насилии над женщиной, телесных повреждениях, мелких преступлениях, в том числе за оскорбительную брань. Жители одного селения береговых чукчей грабили других чукчей, возвращавшихся с побережья с товарами. Один чукча в тундре отобрал однажды у двух чукчей часть водки, которую те везли для продажи. Они не особенно сопротивлялись, так как были чужими в этом районе, но предупредили грабителя, чтобы он остерегался заезжать на их землю, где его ждало возмездие (Богораз В. Г. С. 189).

Однако не все конфликты разрешались на общественном уровне. Некоторые из них заканчивались самосудом, личной расправой, когда правым становился наиболее сильный[87]. Практиковалось и самостоятельное возвращение или возмещение украденного либо тайно, либо явочным порядком. Убийство вне семейной группы вело

Вероятнее всего, здесь допущено преувеличение из-за неознакомленности с внутренней жизнью чукчей, но нельзя не замечать отличия психического склада чукчей, чем-то напоминающих индейцев Северной Америки, от мягкого, кроткого характера ительменов, юкагиров и некоторых народов Сибири.

[87] ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 313. Л. 29—35.

к кровной мести, которая обычно останавливалась после первого акта возмездия и заменялась вирой [88].

После того, как чукчам были навязаны старосты, судебные прерогативы могли, хотя бы частично, перейти к ним. Во всяком случае, имеется сообщение о суде эрема, происходившем в присутствии его приближенных и старост. Виновный со связанными сзади руками становился на колени и подвергался пытке. Его били по голове палкой, к концу которой была прикреплена небольшая косточка от оленьего рога. Обычно эту мучительную процедуру переносили безропотно, но иногда ее не выдерживали и просили пощады. Тогда эрем определял пеню — несколько оленей, которые отдавались истцу [89].

Коряки, по описанию Дитмара, отличались простотой нравов, добротой, честностью и справедливостью в отношениях между собой. Воровство, ложь, обман преследовали строго, допуская их лишь по отношению к русским и камчадалам [90]. В селениях оседлых коряков действовал суд старост, у кочевников-оленеводов — традиционный суд. Юстиция у коряков, так же как у чукчей, во многом покоилась на идее возмездия, стоявшей на страже отношений равенства, ненарушения прав и интересов отдельных сообществ людей, невмешательства в чужие дела, если они не представляли непосредственной угрозы.

Характерно, что чувством мести они руководствовались не только в отношениях между собой и соседями, но и с русскими, в том числе и с представителями местной администрации и духовенства. Когда гижинский окружной исправник Волков приказал высечь коряка Каменского селения, то жители этого селения решили сделать то же самое с исправником, если он приедет к ним за ясаком. Встретиться с исправником им не удалось, но двух казаков, посланных для сбора ясака, они высекли, сообщив исправнику о том, что они с ним квиты и что

---

[88] Богораз В. Г. Указ. соч. С. 185. У чукчей было что-то вроде поверья о том, что виру нужно брать в течение трех лет, иначе дух убитого не успокоится.

[89] Известия общества естествознания, антропологии, этнографии при Московском университете. Т. 31//Труды антропологического отдела. М., 1878. Т. 4. Приложение С. 54.

[90] Дитмар К. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчей//Вестник РГО. 1856. Кн. 1. С. 27—31.

он может теперь приезжать к ним без опаски. Другой исправник, Мацуревич, в том же селении толкнул в грудь коряка Ивелхута. Ивелхут бросился на исправника, но был схвачен и выведен из яранги. Юрта тотчас же была окружена коряками; объектом возмездия стали конвойные казаки, спасшие таким образом от расправы исправника. О том, что подобные случаи были не единичными, свидетельствует гижинский окружной исправник Раткевич, сообщавший о том, что даже в ближайшие селения он выезжал с конвоем, проявлял сдержанность в словах и поступках, иногда даже в ущерб собственному достоинству[91]. В 1882 г. священник Никифоров, сказавший во время проповеди олюторским корякам, что они хуже чукчей, тем самым обидел их и вынужден был бежать, спасаясь от мести[92].

Не была изжита полностью кровная месть. Время от времени на этой почве возникала жестокая вражда. В 1880 г. во время промысла моржей один коряк-олюторец убил другого при дележе добычи. При помощи родственников и друзей ему удавалось некоторое время избегать мести. В 1882 г. родственники убитого, подкравшись ночью к юрте убийцы и заложив вход, подожгли её. В огне погибла не только вся семья, но и женщина, не имевшая отношения к этому конфликту. В связи с этим в кровную месть оказалась втянута еще одна группа родственников (Иванов В. Н. С. 174).

У ительменов во время пребывания на Камчатке С. П. Крашенинникова (1737—1741 гг.) наряду с народным судом («Суд и расправа у них общая») существовал самосуд. Уличенных в кражах первый раз пострадавшие били, не встречая никакого сопротивления. При последующих случаях им обжигали руки, обвив их берестою. За убийство полагалась кровная месть (Крашенинников С. П. С. 372).

У айнов тот же автор отметил поединок как способ решения некоторых конфликтов. В случае прелюбодеяния муж вызывал на него соперника. Поединок заключался в поочередном нанесении трех ударов палкой по голой спине. Продолжался он три раунда, после чего

---

[91] Иванов В. Н. Интересный документ об обычаях чукчей XIX в//Якутский архив: (Сб. статей и документов). Якутск, 1960. Вып. 1. С. 173.

[92] Там же. С. 174. Он стыдил их за своеволие, буйство и другие пороки.

соперники расходились. Уклонение от поединка считалось позорным поступком. Обманутому мужу полагалось заплатить за бесчестье шкурами, пищей, одеждой в том размере, в котором он потребует [93].

У алеутов Командорских островов судебные функции выполняли тойоны, которые по мелким делам судили сами, а по крупным — вместе со всеми почетными и старейшими людьми. К государственному суду они могли привлекаться только в случае совершения тяжких преступлений вне своей территории [94]. Во время правления Российско-Американской компании на каждом острове имелся суд из пяти выборных под председательством старосты. Алеуты утратили свои юридические обычаи и руководствовались русскими законами [95]. Со временем у них были введены в упрощенной форме сельское управление и сельский суд.

Как видно, для малых народов Дальнего Востока характерна узкая зона действия суда туземной администрации при явном преобладании традиционного суда, уходящего в ряде случаев своими истоками в глубины истории. От суда народов Сибири его отличает отсутствие клятвы-присяги, применение поединков и божьего суда, наличие магических обрядов, элементов дикости и жестокости. В. В. Солярский был прав, отмечая многообразие форм юстиции у малых народов Дальнего Востока, несоответствие ее действительных форм тем, которые предусматривались государственным законодательством.

В разнообразии юридического положения малых народов администрация русского Дальнего Востока видела причину неопределенности гражданских прав этих народов и неустойчивости их экономического быта. Отсюда следовало предложение: устранить правовую обособленность чукчей и эскимосов, устроить все народы

---

[93] Крашенинников С. П. Указ. соч. С. 470, 738, 739. Поединок был жестоким. Участники отлеживались после него недели по четыре, а иногда и умирали.

[94] И. Вениаминов, проживший десять лет среди алеутов Алеутских островов, характеризует их как доверчивых, беззаботных и неприхотливых людей, которым были чужды хитрость, коварство, тщеславие и другие подобные качества. (См.: Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. Ч. 2. СПб., 1840. С. 33).

[95] Сборник главных официальных документов по управлению Восточной Сибири. СПб., 1821. Т. 3. Вып. 2. С. 63.

этого края на «общих в империи началах гражданской жизни», уравнять их всех с сельскими обывателями, что и было отражено в проекте упоминавшегося уже Положения об инородцах Приамурского края[96].

Помимо отмеченных форм суда у малых народов Севера встречался третейский суд. Один из них описан В. Н. Иохельсоном. Конфликт возник между юкагирами и ламутами. Последние, вторгаясь на территорию юкагиров, начинали охоту раньше времени, истребляли и распугивали зверей. В 1890 г. один юкагирский князец с несколькими семействами прикочевал к Коркодону, где встретился с другими юкагирами. У тех и других не было промысла, начался голод. Юкагиры во всем винили ламутов, разыскали их и потребовали пищи. Ламуты отказывали. Тогда юкагиры обратились к приехавшему сюда же для торговли якутскому князцу как к третейскому судье: «Ты суди нас»,—сказали они. Были посланы гонцы в ламутские стойбища. Старики явились, начался суд.

Юкагирский князец стал в позу просителя, сложил руки на груди и произнес целую филиппику, в которой обрисовал тяжелое положение своих соплеменников и потребовал от ламутов оленьего мяса и шкур. Его речь заслуживает того, чтобы ее воспроизвести[97]. Ламуты возражали, говоря, что и они — царские люди, что они тоже дают ясак и что земля эта царская. Они промышляют там, где есть промысел. Кому хозяин места дает, кому нет, они в этом неповинны. «Если мы будем

---

[96] ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1401. Л. 75—80.

[97] «Вы люди с конями, вы люди с оленями, — сказал он, обращаясь к якутам и ламутам, — а мы люди пешие. У нас есть собаки, но наши бабы должны тащить нарту с домом и детьми. Конь сам найдет траву, олень — мох, а собаку надо кормить. Когда у человека нет еды, то у собаки нет еды. Наши люди расходятся в разные стороны, — тут он раздвинул пальцы рук так, чтобы наглядно показать, как расходятся, — ищем еды, ищем одежды. Никого нет, белок нет, оленей нет, только и есть ламутский след, «пустой» ламутский след; от голода щеки впали, высохли, что мы будем одевать на будущий год? Оленей нет — нет мохнатой одежды — от холода замерзнем. Вы, верховые люди, пришли на нашу землю, разогнали белок, оленей, нас, людей своими ногами ходящих, не ждете. Хоть вместе бы, в одно время промышляли. Теперь дайте нам мяса, дайте шкур. Ты ходишь в крепость (т. е. в Среднеколымск. — *В. З.*), — закончил он, обращаясь к якутскому князцу, — ты видишь наших начальников, ты судишь своих людей, ты рассуди нас».

есть своих ездовых оленей, то тоже будем пешими»,— говорили они.

Решение третейского судьи было типичнейшим компромиссом, имевшим целью удовлетворить обе стороны. Он присудил, чтобы ламуты дали юкагирам оленей для еды («... как не дать людям, которые голодают») и отказал в иске на оленьи шкуры для пошива одежды. В результате — обе стороны остались довольны. Юкагиры были удовлетворены тем, что каждая их семья получила по оленю, а ламуты тем, что потеряли меньше, чем могли бы потерять[98].

К концу XIX — началу XX в. юстиция у народов Севера представляла собой весьма пёструю и противоречивую картину. В той или иной мере в нее входили элементы суда и права самых различных эпох, начиная от первобытнообщинной. Остатки самосуда, мести, в том числе и кровной, ордалии, очистительные клятвы и т. п. убеждают в том, что малые народы Севера не составляли какого-либо исключения, что они шли по пути, свойственному всем другим народам: от доправовой культуры к государственному суду и праву.

Присоединение Сибири к России внесло серьезные, неоднозначные коррективы в этот процесс, занявший более трех столетий, но так и не завершившийся полностью. Последняя фаза его выражала скорее тенденцию, чем реальное явление. Объясняется это прежде всего сложностью и болезненностью такой эволюции, связанной с нарушением логики исторического развития, естественно-исторической последовательности его этапов, трудностью заимствования и усвоения чуждых юридических процедур, норм и правил. Но главная причина видится в другом: общественно-экономическое развитие народов Севера не создало еще той базы, которая потребовала бы восприятия государственного суда и права.

Исторически судоустройство и судопроизводство у народов Севера оставались примитивными. Отличительная особенность их заключалась в совмещении традиционных черт и инноваций. Отправление судебных

---

[98] Иохельсон В. И. По рекам Ясачной и Коркодону//Известия РГО. СПб., 1898. Т. 34. С. 284. Третейские суды зафиксированы и в советское время. Еще в 20-х годах тяжущиеся стороны обращались к заведующим факториями, врачам и т. п. как к третейским судьям (ЦГАОР. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 545. Л. 43).

функций не было узурпировано полностью туземной администрацией. Порядок расследования и судоговорения имел архаические формы, свидетельствовал о неразвитости процесса. Правовой основой суда являлся обычай. Важная роль в юстиции принадлежала старейшинам — наиболее опытным, мудрым, старшим по возрасту мужчинам — хранителям традиций и обычаев.

Вместе с тем нельзя не замечать и значительных изменений: сужение сферы действия традиционного суда и постепенное усиление суда туземной администрации, наметившийся в ряде мест переход к сельскому суду, усвоение некоторых русских процедур, правил и государственных законов. Все это наряду с усилением карательных функций, защиты семейной и личной собственности и выражало основное направление эволюции суда у народов Севера.

3. ЮРИДИЧЕСКИЕ ОБЫЧАИ

3.1. Общие замечания

В правоведческой литературе различаются обычаи неюридические и юридические. В первом случае имеются в виду правила поведения людей, правила человеческого общежития; во втором — обычаи, по которым разрешаются споры[1]. Обычай появляется у всех народов на первой ступени исторического развития. Первоначально он выступает как привычка, затем становится правилом поведения, выполняемым добровольно. Когда же несоблюдение его влечет за собой санкцию, неюридический обычай превращается в юридический. Это еще не норма обычного права, в таковую он трансформируется позднее в связи с формированием раннеклассовых отношений. Юридический обычай становится необходимым в силу нарушения гармонии интересов, невозможности поддержания традиционного порядка посредством лишь одного общественного мнения, в силу появления потребности в принуждении. Санкция в этом случае применяется не государством, оно еще отсутствует, а самим обществом. Здесь нет еще полного воплощения принципа: за определенное нарушение — определенное наказание, нет полной диспозиции и санкции, последняя точно не определена и может лишь подразумеваться.

Процесс превращения старого, неюридического обычая в правовую норму — процесс длительный, в нем есть ряд промежуточных фаз[2]. Одну из таких фаз, по всей вероятности, знаменует появление юридического

---

[1] Давид Р. Основные правовые системы современности: (Сравнительное право). М., 1967. С. 469.

[2] Голунский С. Обычай и право//Советское государство и право. 1939. № 3. С. 52.

обычая сначала как доправовой, а затем и как предправовой нормы.

Сейчас трудно установить, когда у малых народов Севера появились юридические обычаи, но несомненно, что это произошло задолго до XVII в. У якутов, бурят и других скотоводческих народов Сибири к этому времени имелся институт обычного права. Юридическая жизнь народов Севера находилась на более низкой стадии.

После присоединения к России на территории Сибири сложилась дуалистическая правовая система, включавшая в качестве официального права государственное право России. Оно распространялось на все население Сибири, но с определенными изъятиями для его автохтонной части, которой предоставлялась возможность судиться по своим обычаям. Сначала эта возможность предоставлялась без всяких ограничений, затем при условии, чтобы обычаи не вступали в противоречие с законом и не содержали в себе ничего дикого, жестокого или безнравственного. Государственное право России в полном объеме распространялось только на русское население Сибири, оно же регулировало отношения между ним и туземным населением[3], которое оставалось субъектом действия своего традиционного права, охватывавшего главным образом сферу семейно-брачных отношений и мелкие уголовные дела. Крупные уголовные преступления преследовались по государственным законам.

Малые народы Севера оказались в сложной правовой ситуации. Их юридические обычаи — обычаи доклассового общества, получив санкцию государственной власти, как бы трансформировались в нормы обычного права. Такая трансформация, как правило, происходит постепенно в процессе естественноисторической эволюции. В данном же случае она явилась следствием включения полупервобытных, в сущности, народов в классовое общество, и нельзя сказать, что это было формальным актом, не отразившимся на их юридическом быте. Народы Севера стали объектом действия двух различных, находившихся в конфликте систем права — государственного и своего, местного права. В подобных случаях,

[3] В результате реформы 1822 г. оно было распространено и на туземное население, отнесенное к разряду оседлых.

как отмечает Давид Рене, падает престиж и постепенно, но неуклонно сокращается область применения последнего. Его отдельные нормы подвергаются деформации и модернизации. Сами они обновляются за счет рецепции правовых норм, необходимых для регулирования новых отношений, возникавших в результате внешних контактов. В конечном счете это право, хотя оно и распространяется на большинство туземного населения, оказывается сведенным до уровня частного, исключительного права.

Конечно, правотворчество народов Севера продолжалось и в XVII—XIX вв., но теперь оно испытывало влияние государственного права России, правосознания русского народа. Причем это влияние было неоднозначным по отношению как к различным областям местного права, так и к различным группам населения.

Сохранение традиционного суда и юридических обычаев народов Севера объясняется невозможностью применения к ним государственных законов, стремлением правительства уберечь их как плательщиков ясака от разорения, связанного с разбором дел в общем судебном порядке. Да и практически трудно или же совсем невозможно было ввести у этих народов государственный суд, учитывая их образ жизни и отдаленность от административных центров. Сохранение традиционной юстиции не уберегало народы Севера от произвола и насилия чиновников, в том числе и судебных, ущемления прав и интересов со стороны скупщиков пушнины, рыбопромышленников, зажиточной части русского, якутского и коми населения. Иначе говоря, обычное право народов Севера, регулируя внутренние отношения, было бессильно защитить их от посягательств извне. Покровительство правительства мало что значило на месте, в дебрях тайги и безбрежных просторах тундры.

Применение двух правовых систем требовало разграничения сфер их действия. Первоначально такого разграничения не существовало. Затем с 20-х гг. XVIII в. были предприняты попытки расчленить сферы действия закона и обычая[4]. Однако разграничение не имело четкости, проводилось непоследовательно и постоянно нарушалось чиновниками, вмешивавшимися в юридические конфликты народов Севера. Устав об управлении ино-

[4] Имеются в виду Инструкция Рагузинского и другие акты.

родцев 1822 г. пошел дальше в этом отношении. Введение новой судебной системы сопровождалось более точным разграничением подсудности населения, прерогатив судебных инстанций, сфер действия закона и обычая, государственного и местного права. Однако подчинение двух первых туземных судебных инстанций общему суду внесло свои коррективы. Судебная практика инородных управ показывает, что со временем и на этом уровне все большее число конфликтов решалось на основе не туземного, а русского права, как в результате боязни князцов и старшин нарушить царские законы, так и в результате вмешательства русских писарей управ, не знакомых с юридическими обычаями малых народов. Таким образом, могли возникать и возникали прецеденты, влиявшие на изменение этих обычаев.

Доправовую юридическую культуру народов Севера отличает архаичность форм, меньшая степень развитости по сравнению с обычно-правовым институтом других народов Сибири, отразившим отношения уже классово-дифференцированного общества. Стадиально она относится к более ранней ступени, предшествующей этому институту. В ней фиксируется отсутствие частной собственности на землю, промысловые и пастбищные угодья, некоторые средства производства, отмечается социальное равенство людей.

В то же время юридическая культура народов Севера — это культура дифференцированного по-своему общества. Она различала, хотя и не в резкой форме, общественное положение людей (князец, старшина, рядовой общинник), наделяла разными правами разные возрастные и половые группы (старших и младших, мужчин и женщин), старожилов и новоселов, учитывала системы родства, определявшие порядок наследования.

В отличие от обычно-правовых институтов других народов, занимавшихся скотоводством и земледелием, доправовая культура народов Севера — это культура народов, ведших промыслово-оленеводческое, т. е. преимущественно присваивающее, а не производящее хозяйство, что существенно смещало акцент в значимости собственности на землю и регламентировало отношения именно в этой сфере, а не в сфере сельского хозяйства. Вместе с тем в доправовой культуре народов Севера не так-то уж много норм, связанных с охотой, рыболовством, оленеводством, что говорит о том, что она регули-

ровала преимущественно сферу распределения и потребления, а не производства и обмена, что опять-таки обусловлено присваивающим характером хозяйства. Она была более дробна, более фрагментарна, чем обычное право других народов Сибири, и как система вбирала в себя множество подсистем со своими микроареалами действия, обладала наряду с общими чертами и свойствами различными местными особенностями. Однако влияние государственного права способствовало постепенному изживанию этих особенностей и складыванию общих ее черт.

Наличие у народов Севера многих самостоятельных юридических систем отнюдь не означало, что они не составляли единого комплекса. Общность исторического процесса этих народов обусловила и общность социально-экономических и всех других устоев традиционного уклада жизни, в том числе и доправовой культуры. Несмотря на отличия, порой существенные, эту культуру у всех народов Севера можно рассматривать как единую систему, которой присущи единство и общность основополагающих признаков.

Обычное право различных народов — это в значительной степени право отдельных групп и общин, индивидуум получал признание только через принадлежность к определенным коллективам[5]. Обычное право, как пишет Давид Рене, это право, где господствует коллективный интерес группы. Солидарность общества ставится в нем выше индивидуальных интересов его членов, за которыми не признается, собственно говоря, никаких прав (Давид Р. С. 488). Функция обычного права состояла отнюдь не в охране и признании прав субъекта, а в обеспечении сплочения группы, в поддержании согласия и взаимопонимания в отношениях между ее членами. Отсюда примирительная направленность обычного права; в основе его лежит идея примирения и арбитража, а не идея права как таковая, в нем большое место занимают нормы простой справедливости (Давид Р. С. 469). Еще в большей мере эти черты были присущи доправовой культуре народов Севера.

Обычное право народов Севера, несмотря на консерватизм обычая, нельзя рассматривать как неменявший-

---

[5] Синицына И. Е. Обычай и обычное право в современной Африке. М., 1978. С. 13.

ся, закостеневший институт. На протяжении XVII—XIX вв. оно по различным причинам, связанным главным образом с включением в состав России, претерпело известные изменения, глубина которых, как правило, зависела от продолжительности и интенсивности контактов с русским населением.

Характеризуя подобное явление на примере якутов, исследователи отмечали, что под воздействием России у якутов появилась необходимость заимствовать для новых отношений готовые юридические нормы и термины, которые местная жизнь не могла выработать. В результате этого исконные начала якутского обычного права постепенно переплетались с формами, свойственными сельскому обществу русских крестьян[6]. Нечто подобное происходило, хотя и менее выраженно, с доправовой культурой малых народов Севера. Она эволюционировала в сторону обычного права русских крестьян, особенно там, где эти народы начинали заниматься скотоводством и земледелием. Отдельные их группы перенимали нормы обычного права бурят и якутов. Некоторые коррективы в эту культуру, особенно в семейно-брачные нормы, выносило принятие христианства.

Другое изменение заключалось в постепенной консолидации разрозненных, нечетких юридических обычаев народов Севера в более или менее определенные нормы, свойственные обычному праву народов, ушедших далее в своем развитии. Особенно заметно это проявилось в судебной практике инородных управ.

Вместе с тем в отдельных случаях наблюдалось воздействие юридических обычаев народов Севера на русское население, воспринимавшее не только приемы и способы охоты, но и правила ее ведения.

В условиях патриархально-родовых общественных отношений, одну из основ которых составляли коллективизм и взаимопомощь, правонарушения имели иную окраску и иную степень распространенности по сравнению как с первобытным, так и с классовым обществом.

Народы Севера находились на той стадии этих отношений, которая, совмещая в себе элементы первобытнообщинных и частнособственнических отношений, яв-

---

[6] Павлинов Д. М., Виташевский И. А., Левенталь Л. Г. Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Предисловие. С. 2//Труды комиссии по изучению Якутской АССР. Л., 1929. Т. 2.

лялась, по существу, переходной от традиционного к классовому обществу. Если в первом случае правонарушений как таковых не могло быть, а взаимоотношения людей регулировались почти исключительно нормами морали, если во втором случае правонарушения как неизбежная плата за прогресс отношений собственности заняли свое место в ряду пороков цивилизованного общества, то у народов Севера они занимали промежуточное положение.

Преступления в их среде не носили социально опасного характера и количественно уступали тяжбам, спорам и проступкам, связанным преимущественно с делами о калыме, наследовании имущества и мелкими конфликтами. Тяжкие преступления почти отсутствовали, убийства с корыстной целью не совершались, кровная месть как социальное явление была, по существу, изжита. Однако разложение традиционных институтов, ослаблявшее нравственные нормы, породило преступления против собственности и личности. Причем преобладающее значение как по количеству, так и по значимости имели преступления против собственности. Ясно, что это отражалось определенным образом на правосознании народов Севера и их юридических обычаях. «Цикл юридических понятий ... — писал об орочах один из дореволюционных исследователей,— до крайности прост и невелик, включая в себя почти исключительно одни лишь представления о правах собственности» (Леонтович С. С. 55).

Преступность была резче выражена либо там, где существовало более резкое имущественное неравенство, либо там, где народы Севера подвергались более сильному и длительному воздействию со стороны русских, коми, якутов и бурят. Сколько-нибудь полными данными о состоянии преступности среди народов Севера, подобно современным данным, мы не располагаем и можем рассуждать об этом лишь с известной долей вероятности. По архивным данным, у кочевников-оленеводов преобладали уголовные дела, большую часть которых составляли кражи оленей, у охотничье-рыболовецкого населения — гражданские дела. Обдорская инородная управа с 1881 по 1901 г. рассмотрела 129 дел, из них 94 (72%) уголовных и только 35 (28%) гражданских дел. Среди уголовных дел 64 (68%) приходилось на кражи, 14 (15%) — на оскорбления, 7 (7,5%) —

на хулиганство, 3 (3,2%) — на растраты казенного и частного имущества, 2 (2,1%) — на изнасилование, 2 (2,1%) — на непредумышленное убийство, 1 (1%) — на неисполнение служебных обязанностей, 1 (1%) — на святотатство. Среди гражданских дел 11 (31,4%) приходилось на тяжбы о правах наследования, 10 (28,5%) — на захват чужого имущества, 5 (14,3%) — на тяжбы о калыме, 5 (14,3%) — на конфликты между работниками и хозяевами, 2 (5,7%) — на прелюбодеяния, 1 (2,9%) — на обман при заключении торговой сделки и 1 (2,9%) — на непослушание сына матери[7].

Такое соотношение судебных дел, показывающее характер преступности у оленеводов, наблюдалось и в более позднее время. Из 90 дел, рассмотренных Ямальским и Уральским туземными райисполкомами в 1928—1930 гг., которые объединяли ненцев и хантов бывшей Обдорской управы, 30 составляли гражданские и 60 — уголовные дела, причем около половины последних приходилось на дела о кражах и присвоении имущества, главным образом, оленей.

У охотничье-рыболовецкого населения уголовные дела возникали значительно реже, составляя 15—20% всех судебных конфликтов. Среди них преобладали дела частного обвинения (оскорбления, побои, клевета). Среди гражданских дел преобладали иски о возмещении ущерба. По данным 1929 — начала 1930 г., райисполкомы и Советы Тобольского Севера рассмотрели 291 судебное дело, из них 135 уголовных и 156 гражданских. Среди уголовных дел 86 приходилось на дела частного обвинения и 31 — на кражи; среди гражданских 36 — на иски о возмещении ущерба[8].

В прямой связи с этим находятся и юридические обычаи, большая часть которых регулировала различного рода конфликты по имущественным делам. Из 68 статей судебника 15 нерчинских тунгусских родов только 6 касаются уголовных дел: одна связана с клеветой, остальные — с кражами, в том числе 2 собственно за кражу (ст.ст. 66, 67); 62 статьи касаются гражданских дел, в основном по имущественным искам. Из 87 ста-

---

[7] Обдорской управы книга для записи приговоров по тяжбам, спорам и проступкам инородцев (1881—1901 гг.). Томск, 1970. С. 13.

[8] Зибарев В. А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932 гг.). Томск, 1968. С. 246, 247.

тей судебника тунгусов ведомства князя Гантимурова только около 20 относятся к уголовным делам, в том числе 11 — о краже, 4 — о драке, 2 — об оскорблении, остальные — к гражданским делам. Среди последних преобладают статьи по имущественным спорам, семейно-брачным отношениям и правилам-предписаниям. Так, статья 87 гласит, что «если кто поставит лук на зверя до выпадения снега и подстрелит чью-либо скотину, то оную с него доправить и отдать хозяину, а самого наказать лозами»[9].

Одна из особенностей суда и обычного права народов Севера — небольшое количество дел по нарушению прав и интересов личности, по преступлениям, направленным против личности человека. По обдорской инородной управе за указанные годы они составили примерно 22—23% от всех уголовных дел: 15% — оскорбления, 7,5% — хулиганство (Обдорской управы книга ... С. 13). Несколько иное соотношение прослеживается в юридических обычаях ненцев, манси и хантов, изложенных в «Обычаях инородцев Тобольской губернии». Из 12 статей (остальные 13 касаются порядка судопроизводства) 6 приходится на уголовные дела (обида, кража, обман, святотатство, распри на играх и пиршествах, убийство) и 6 — на гражданские (свадебные дела, дела по наследованию, неосторожным поступкам, распрям по промыслам, скотоводству и долговые дела; см.: Сборник обычного права сибирских инородцев ... С. 13—23). Такое соотношение, по-видимому, объясняется тем, что в записи этих обычаев содержатся нормы обычного права сибирских татар — народа с более зрелыми общественными отношениями.

Незначительность преступлений против личности связана с неразвитостью как самой личности, так и личностных отношений в целом. В большинстве своем такие правонарушения заканчивались примирением сторон. У народов Севера, выражаясь языком современным, субъектом права являлся не сам человек, не отдельная личность, а семья внутри общины и община — в межобщинных столкновениях. Последняя в таком качестве выступала и на межплеменном уровне, на уровне племен как этнических объединений без племенной адми-

[9] Сборник обычного права сибирских инородцев/Изд. Д. Я. Самоквасова. Варшава, 1876. С. 25—41, 63—64.

нистрации. Во всяком случае, племена как носители статуса юридического лица, выразители юридических отношений у народов Севера не прослеживаются. Субъектом юридических отношений не являлся и род, поскольку он не существовал как нечто цельное, единое. В этом плане фигурировали лишь группы людей одной родовой принадлежности, противопоставлявшие себя группам людей другой родовой принадлежности.

Правонарушения и санкции у народов Севера варьировались в широком пространственном и временном диапазоне. Особым разнообразием отличались юридические обычаи. Местное право по тем или иным проступкам и преступлениям, состав которых у различных народов в общем-то совпадал, не всегда предусматривало одинаковые наказания. Иногда они расходились незначительно, в других же случаях расхождение имело существенный характер. Вместе с тем как в правонарушениях, так и в реакции на них содержится больше общего, чем единичного, что объясняется сходством социально-экономических отношений и образа жизни народов Севера. Именно это обстоятельство позволяет выделить наиболее общие правонарушения и санкции, рассмотреть их как нечто целое.

Как уже отмечалось, большая часть конфликтов у народов Севера заканчивалась без суда, в результате примирения сторон. Другая часть решалась судом посредников, т. е. в частном порядке, без вмешательства общества и официального туземного суда. И лишь остальные конфликты, среди которых преобладали гражданские дела, разбирались этим судом.

Характерно, что значительная часть преступлений против личности, как и правонарушений вообще (оскорбления словом и действием, ссоры и драки), влекла за собой лишь общественное порицание, выговор в буквальном смысле слова. Провинившегося стыдили на сходке как человека, совершившего нехороший поступок, укоряли за дурные намерения, указывали на недопустимость аналогичных нарушений в дальнейшем. В других случаях его заставляли публично, перед всем обществом поклониться в ноги обиженному и попросить у него прощения либо вообще ограничивались одним обсуждением на сходке и обещанием не допускать

подобных нарушений впредь[10]. Во всех этих случаях дело ограничивалось лишь моральным наказанием, попытками морального воздействия с тем, чтобы не усугублять возникший конфликт, мягким, гуманным отношением побудить виновного осознать неправомерность своего поступка. Такой подход вытекал из основной функции суда и права народов Севера — обеспечивать внутреннюю стабильность небольших сообществ людей, не знавших антагонистических противоречий и интересов, эксплуатации и неравенства.

Однако в рамках этой нормы обнаруживаются некоторые варианты, их смысл заключался в том, чтобы каким-либо образом компенсировать пострадавшего, снять его обиду, начиная с предоставления ему права ударить кулаком несколько раз по спине обидчика (саамы) и кончая материальным вознаграждением — получением нескольких рублей или беличьих шкурок с обидчика (ханты Березовского и Сургутского уездов). В других случаях за подобные правонарушения, особенно за побои, полагался выкуп — от одного до трех оленей или их эквивалент вещами (ненцы Архангельской губернии), что обнаруживает тенденцию к ослаблению моральных и усилению материальных санкций в правосудии народов Севера[11].

Разумеется, моральное воздействие не ограничивалось мелкими правонарушениями, оно имело широкую сферу, распространяясь на все проступки и преступления. Каждое из них обязательно встречало негативную реакцию сородичей и соплеменников. Но с юридической точки зрения общественное порицание (выговор) при мелких правонарушениях являлось не просто выражением общественного мнения, но и мерой наказания как таковой.

При нанесении телесных повреждений (ран, ушибов, увечий) действовала норма, обязывающая виновного лечить пострадавшего за свой счет, возместить причиненный ему материальный ущерб, а в случае потери трудоспособности содержать пострадавшего и его семью

---

[10] Общественное порицание по таким делам выносилось только в случае, если они совершались впервые. При повторении меры ужесточались. За драку, в зависимости от ее характера, могли назначаться сразу розги.

[11] Со временем в случаях мелких нарушений (драки) помимо порицания стали добавляться либо розги, либо выкуп.

до выздоровления. Других наказаний в таких случаях не добавлялось, все сводилось к компенсации ущерба. Уже при Советской власти Пырчинский Совет (Нарымский край) рассматривал конфликт из-за места на рыбалке, во время которого один селькуп ударил другого веслом. Пострадавший две недели лежал в больнице, а затем целый месяц не мог работать. Он предъявил иск в 200 р., который суд признал законным [12].

Более жестко к вопросу об увечьях подходило обычное право забайкальских эвенков, заимствовавшее и в этом случае нормы обычного права бурят. Оно, во-первых, детализировало телесные повреждения и соответственно наказания, а во-вторых, предусматривало наказание виновных розгами. Самое большое наказание полагалось за лишение человека зрения: виновный кроме порки розгами был обязан доставлять ослепшему пропитание до самой смерти и вносить за него подати (Сборник обычного права сибирских инородцев ... С. 43, 44).

Наиболее тяжким деянием считалось убийство человека, оно входило в круг тех особо опасных преступлений, которые мог рассматривать только официальный суд. Обычное право народов Севера различало убийство сородича и убийство чужеродца или иноплеменника. Первое считалось более тяжким, поскольку касалось такого важнейшего дела, как самосохранение рода. Кроме того, пролитие крови сородича рассматривалось как пролитие крови своего родоначальника. Юкагиры верили, что от убийства сородичей может померкнуть солнце [13]. Убийцу либо изгоняли из рода (эвенки, нивхи), либо предавали смерти (ительмены, коряки). Лишь у чукчей убийство внутри семейной группы оставлялось без последствий. Вероятно, более поздней нормой являлся обычай, по которому, как это наблюдалось у ульчей [14], семья убийцы отдавала отцу убитого собственного сына. В некоторых случаях (убийство в результате

---

[12] Зибарев В. А. Указ. соч. С. 256; ГАНО. Ф. 354. Оп. 4. Д. 198. Л. 85, 86.

[13] Штернберг Л. Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933. С. 42; Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII—начало XX в.). М., 1970. С. 259.

[14] Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939. С. 75.

ссоры) убийцу подвергали телесному наказанию и обязывали содержать детей убитого.

Убийство чужеродца первоначально повсюду влекло за собой кровную месть, которая затем постепенно заменялась выкупом. Право выбора принадлежало пострадавшей стороне. Помимо вещей у нанайцев, ульчей и других народов в выкуп входила девушка, предназначавшаяся в жены брату убитого. За непреднамеренное убийство платили меньший выкуп, внутри рода оно могло не иметь последствий.

Преступлений против общественной нравственности совершалось мало, они, собственно говоря, сводились к изнасилованию женщин и половой связи мужчин с чужими женами. При известной свободе половых отношений, сохранявших пережитки группового брака, обычное право, запрещая подобные деяния, относилось к ним в целом снисходительно. Акты насилия над женщинами отнюдь не считались тяжкими преступлениями. Виновники обычно отделывались небольшой компенсацией оленями или деньгами в пользу мужа. Обдорская инородная управа, рассматривая в январе 1889 г. дело об изнасиловании замужней женщины ненки Ланзь Леко тремя ненцами, приговорила последних к уплате трех оленей-быков (Обдорской управы книга ... С. 48, 49). У народов же Приамурья компенсация выплачивалась в гораздо большем размере. У ульчей в нее входили кольчуга, котел, три шкурки соболя, медвежья шкура. Но под влиянием государственного права взгляд на это преступление менялся, оно рассматривалось как преступление, подлежащее более строгому наказанию. У хантов Березовского уезда виновного помимо компенсации приговаривали к порке розгами (до 15 ударов). Если же насилию подвергалась девица, то виновный был обязан жениться на ней с уплатой калыма, а в случае отказа отдавал от 3 до 15 оленей или 10—15 р.

За сожительство вина возлагалась более на мужчину, который считался совращающей стороной, чем на женщину. Последние осуждались «за допущение себя к незаконной связи». Обдорская инородная управа в двух таких случаях в отношении женщин ограничилась принародным выговором с предупреждением не позволять такого на будущее, а мужчины подвергались наказанию розгами (Обдорской управы книга ... С. 96, 122).

Однако эта норма претерпевала неизбежные изменения. У васюганских хантов, забайкальских эвенков в таких случаях телесному наказанию подвергались не только мужчины, но и женщины, Иначе подходили к этому у народов Амура, у которых более виноватой считалась женщина. У нивхов и нанайцев женщинам за супружескую неверность полагалась смерть[15], тогда как мужчины должны были только внести выкуп. У орочей в него обязательно входила медвежья шкура с символическим значением — прикрыть позор мужа, у ульчей — полотенце с тем, чтобы стереть с лица мужа стыд[16].

В литературе нет указаний на то, что мужья расставались по этой причине со своими женами, возможно, что они не придавали этому особого значения или не были уверены в своих монопольных правах на жену, что, конечно же, не исключало домашней расправы. Лишь у коряков, по имеющимся сведениям, муж прогонял неверную жену вместе с детьми.

К этой же категории преступлений обычное право народов Севера относило нарушение экзогамии, бывшее редчайшим случаем. Каралось оно исключительно сурово, за это либо изгоняли из рода (эвенки), либо предавали смерти (предки нганасан)[17]. Но со временем наказание было смягчено. В XIX в. за нарушение экзогамии полагалось лишь наказание розгами.

Особняком стоят айны, уголовное право которых отличалось крайней жестокостью, никоим образом не согласовывавшейся ни с их кротким характером, ни с первобытными условиями жизни. У них практиковались такие наказания, как погребение заживо убийц, не имеющих средств для уплаты виры, перерезывание сухожилий на ногах, отрезывание ушей и носа за воровство, подвешивание за волосы и битье за супружескую

---

[15] Перминкин. Путевой журнал плавания по реке Амуру от Усть-Стрелочного караула до впадения ее в Татарский пролив //Записки Сибирского отдела РГО. Кн. 2. СПб., 1856. С. 61. Этот обычай никоим образом не согласуется с общественным строем и семейными отношениями названных народов и, вероятнее всего, является заимствованием.

[16] Ларькин В. Г. Орочи. М., 1964. С. 78; Золотарев А. М. Указ. соч. С. 80, 81.

[17] Анисимов А. Ф. Родовое общество эвенков (тунгусов). Л, 1936. С. 99; Общественный строй у народов Северной Сибири... С. 210.

измену. Поражает также применение ордалий (погружение подозреваемых в котел с кипящей водой, испытание раскаленным железом и т. п.).

Л. Я. Штернберг связывает этот феномен с происхождением айнов, рассматривая его как пережиток другого социального строя, когда правосудие находилось в руках неограниченного деспотического властителя [18]. Конечно же, в этом случае мы определенно имеем дело с пережитком, однако открытым остается вопрос: «С каким пережитком?» Либо это остаточное явление той поры, когда айны зависели от более развитых соседей, насаждавших у них свои порядки, либо это пережиток более высокой фазы собственной истории, после которой вследствие чрезвычайных причин ее колесо повернулось вспять.

3.2. Семейно-брачный кодекс

Семейное право — одна из наиболее разработанных отраслей обычного права народов Севера, регламентировавшая самые существенные черты их гражданского бытия. Семья составляла основную ячейку социально-экономической жизни этих народов. В XIX в. в способах добывания средств существования преобладали индивидуальные начала, хотя в охоте, особенно на морских зверей, оленеводстве и рыболовстве имела место кооперация труда, создавались временные коллективные производственные объединения. Вместе с тем семья не была еще обособлена от общины в той мере, в которой это наблюдалось, к примеру, в русской деревне, т. е. в социальной среде с частнособственническими интересами и отношениями. Коллективистская психология определяла еще многие стороны поведения людей, в том числе взаимоотношения между семьями и общинами. «Связь семьи с обществом и общественным порядком,—

---

[18] Штернберг Л. Я. Айнская проблема//Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1929. Т. 8. С. 361. Он же сообщает, что у айнов имелись свои старшины, один из которых в 90-х гг. XIX в. был не только настоящим королем почти всего западного побережья о. Сахалина, но и существом божественного порядка. Он распоряжался общественной охотой, делил добычу и являлся безапелляционным судьей во всех общественных и частных делах (Там же. С. 360).

сообщалось о манси,— настолько близка, что трудно указать, где кончается влияние общества на семейные отношения»[19].

Семья у народов Севера выступает как патриархальная семья, как семья, пришедшая на смену ее матриархальным формам, с патрилинейным браком и главенствующей ролью мужа. Но это совсем не значит, что глава семьи обладал деспотическими правами и мог единолично распоряжаться имуществом и самой жизнью членов семьи. Микроклимат семьи определялся общественными отношениями, в которых большую роль играли отношения равенства и сотрудничества, родственные связи. Отмеченная Л. Я. Штернбергом специфика семейных отношений у сахалинских нивхов характерна и для других народов Севера. «Взаимопомощь, равно как и вообще чувства родства и привязанности между членами семьи,— писал он,— во многих отношениях шире и постояннее у этих варваров, чем в семьях цивилизованных народов» (Штернберг Л. Я. С. 11).

Вступление в брак у народов Севера отличается некоторыми особенностями. За исключением крещёных, у всех остальных брак имел светский характер. Он оформлялся без всякого участия шаманов и не сопровождался никакими церемониями, освещавшими божественной силой этот сугубо земной договор. Конечно, заключение брака предполагало соблюдение некоторых обычаев, хорошо описанных в этнографической литературе, но они были просты и в своей основе сводились к совместному застолью. Так, брак у сахалинских нивхов совершался без особых формальностей, кроме угощений при отъезде невесты из дома родителей и по приезде в дом жениха ничего другого не было принято (Штернберг Л. Я. С. 9). Иначе говоря, свадебный ритуал у народов Севера не был глубоко и детально разработан и ему не придавалось того значения, которое он получает на более зрелой ступени истории.

Брачные узы у народов Севера не были нерасторжимыми. Существовал ряд причин, по которым брак мог быть расторгнут как той, так и другой стороной. «У самоедов-язычников,— сообщала А. Е. Ефименко,— брак

---

[19] Носилов К. Юридические обычаи мансов// Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М., 1888. Вып. 3. С. 70.

есть союз временный, обязательный лишь до тех пор, пока супруги хотят жить вместе. В противном случае они его без всяких трудностей расторгают, получая полную свободу заключать новые брачные союзы»[20]. Такой демократической форме брака в то время, о котором идет речь, а это вторая половина XIX в., могли бы позавидовать многие, если не все цивилизованные страны мира. Не случайно народы Севера предпочитали свой традиционный брак и уклонялись от крещения, желая избегнуть церковного брака. Конечно, это свидетельствует о непрочности брачных уз, обусловленной меньшей степенью развитости имущественных отношений и сохранившимися элементами первобытного демократизма.

Брак у народов Севера, за исключением палеазиатов, имел экзогамный характер. У разных народов из брачных отношений исключались различные, не совпадавшие полностью группы родственников, но исключались обязательно. Нарушение экзогамии обычное право рассматривало как одно из наиболее тяжких преступлений. Однако ни в литературе, ни в источниках не приводятся примеры таких преступлений. Вполне возможно, что их либо не было вообще, либо они происходили чрезвычайно редко. У долган запрещались браки между приемными братьями и сестрами, так как родной и приемный отец считались родственниками[21]. У нарымских селькупов запрещение браков по свойству иногда применялось в более широких пределах, чем требовала православная церковь. Так, двоюродные братья не могли жениться на двух родных сестрах, т. е. не допускался брак в шестой степени двухродного свойства (Воронов А. Г. С. 7). У саамов кровное родство считалось препятствием для брака до третьего колена включительно. Большим родством рассматривалось кумовство, также исключавшее брачные отношения. Приемыши не считались за родню и могли вступать в брак и с теми, кто их принял, и с их детьми (Ефименко А. Я. С. 20, 21).

При вступлении в брак решающую роль играли не эротические, а материальные мотивы. Договоры о браке

---

[20] Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии//Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1878. Т. 1. С. 179.

[21] Попов А. А. Семейная жизнь у долган//Сов. этнография. 1946. № 4. С. 65.

заключали не брачующиеся лица, а их родители или старшие родственники, что еще раз свидетельствует о неразвитости личности и личностных отношений. Брачующиеся стороны не были в состоянии обеспечить уплату калыма, собрать приданое невесте и тем самым основать новую семью, положить начало самостоятельной семейной жизни. Для народов Севера характерны ранние браки, браки лиц с большим возрастным диапазоном, а также браки по обычаям левирата и сорората.

Обычно-правовые материалы зафиксировали несколько форм брака, в том числе и похищение будущей жены как пережиточное, единичное явление. Преобладающей, наиболее распространенной формой был калымный брак[22]. Происхождение калыма объясняется по-разному. Одни авторы видят в нем трансформировавшийся обычай, связанный с похищением женщин чужого рода с последующим выкупом и примирением. Другие усматривают в нем возмещение ущерба семье невесты, терявшей рабочую силу, третьи считают калым вознаграждением родителей невесты за то, что они вырастили и воспитали ее. Возможно, что все эти точки зрения не противоречат друг другу и могут быть совмещены.

Обычное право детально регламентировало условия уплаты калыма. Договор, предусматривавший размер, вид калыма и время его внесения, имел юридическую силу и являлся важнейшим актом заключения брака. Заключался он на словах, без каких-либо брачных контрактов. Во многих случаях обряд сватовства сводился к торгу из-за калыма. У ненцев (Архангельская губерния) размер его фиксировался на рубеже (бирке) с тамгами, делившемся на две части. При этом жених давал будущему тестю нескольких оленей в задаток, который пропадал, если он отказывался от своего предложения. Если же отказывался отец невесты и выдавал дочь за другого, то был обязан заплатить жениху за бесчестье вдвое больше задатка. По окончании сватовства отец невесты приезжал в чум жениха за калымом. Жених отдавал ему не весь калым (не всех оленей), а половину или две трети, оставляя остальное до получения невесты и ее приданого (Ефименко А. Я.

[22] Материалов, характеризующих юридические обычаи при браке-отработкой, крайне мало. Известно лишь, что жених, чем-либо не угодивший родителям невесты, мог быть изгнан без всякой компенсации за свой труд.

С. 175). У саамов договор о плате за невесту скреплялся рукобитьем при свидетелях. Сторона, отказавшаяся от брачного договора, платила за обиду и убытки вдвое больше, чем расходовалось на приготовление к свадьбе. Договор был обязателен для обеих сторон.

У хантов уплата калыма происходила в несколько сроков (год, два и более). Заключение договора о калыме давало право жениху начать брачную жизнь с невестой. И только после уплаты калыма полностью жених имел право перевезти жену к себе домой. Если же увозил ее раньше, то платил больше, чем было обусловлено. Родители же, понуждая жениха к уплате всего калыма, задерживали у себя молодую жену в случае ее приезда к ним[23]. У обских ненцев калым платился или сполна сразу, или по частям, смотря по состоянию родителей. У сахалинских нивхов отец невесты в случае невыполнения зятем всех условий калыма и отказа от добровольного возвращения жены в семью родителей имел право отобрать свою дочь (независимо от ее согласия) и вернуть ее обратно до полной уплаты калыма (Штернберг Л. Я. С. 8).

У хантов (Березовский округ) размер калыма обозначался на рубеже (бирке), который отдавался родителям невесты. Если жених не мог сразу заплатить калым, ему предоставлялась отсрочка, а невеста становилась сразу его женой. По другим (более ранним) сведениям, если калым выплачивался не полностью, то жених часто оставался в доме невесты для отработки (иногда на несколько лет). Отказ от брачного договора считался оскорблением. Если отказывались родители невесты, то возвращали калым и оплачивали все расходы по сватовству. Жених же в случае отказа лишался калыма. У ненцев этого округа отказ от свадьбы не рассматривался как оскорбление, но если калым был уплачен, то он не возвращался и считался как бы штрафом за отказ[24]. У ваховских хантов в случае, если брак не состоялся по вине родителей невесты или самой

---

[23] Воронов А. Г. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии//Записки РГО по отделению этнографии. СПб., 1900. Т. 18. С. 10.

[24] Некоторые сведения о законах и обычаях инородцев Березовского округа//Тобольские губернские ведомости. 1860. № 9. С. 74; Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 17, 18, 40.

невесты, калым возвращался жениху, если же это случалось по вине жениха, то калым оставался у родителей невесты[25].

Обычное право предусматривало и другие возможные коллизии в связи с уплатой и получением калыма. Если калым был отдан, а невеста вскоре умирала, не оставив детей, тогда тесть был обязан возвратить зятю калым, а зять возвращал приданое[26]. При наличии детей действовали иные нормы, о которых будет сказано ниже. У ваховских хантов в случае смерти невесты или жениха до заключения брака калым подлежал возвращению, если же они жили как муж и жена, то калым не возвращался (Шатилов М. Б. С. 89).

При браках убегом калым взыскивался в большем размере по сравнению с обусловленным ранее (ханты, селькупы). Преследования не бывало. Если жених оказывался не в состоянии заплатить калым, то невесту увозили обратно и возвращали ее после уплаты калыма. В случае венчания действовали нормы, позаимствованные у русских. Невеста не получала приданого до прощения родителей. Но и в этом случае примирение могло состояться при уплате хотя бы незначительного калыма. У хантов калым после женитьбы убегом при примирении сторон состоял из трех рублей деньгами, куска сукна и полуведра водки (Воронов А. Г. С. 10, 12). У саамов, заключавших браки по обычаям православной церкви, в случаях тайного сговора свадьбы не было и невеста не получала приданого (Ефименко А. Я. С. 22). У сургутских хантов, если жених увозил невесту тайно, без калыма, то родители уговаривали ее вернуться домой, в случае отказа — возвращали насильно. Женитьба убегом (тайный увоз) была следствием либо бедности жениха, либо неудачного сватовства, в обоих случаях это было связано с величиной калыма[27].

---

[25] Шатилов М. Б. Ваховские остяки. Томск, 1931. С. 89.

[26] Тобольские губернские ведомости. 1860. № 9. С. 74.

[27] У нарымских селькупов и иртышских хантов тайный увоз невесты применялся чаще, чем раньше, с тем, чтобы избегнуть уплаты большого калыма, однако считалось предосудительным, если похищение невесты совершалось уже ранее двумя братьями жениха, т. е. в третий раз (Воронов А. Г. С. 11, 12). У иртышских и обских хантов были случаи женитьбы на русских девушках, так как в этом случае калыма не требовалось или он был очень мал.

Калым фигурировал и в случаях брака малолетних детей (запродажа девочек). Так, у нивхов сговор о покупке девочки сопровождался уплатой части калыма. В последующем жених делал ежегодно подарки будущему тестю, а остальную часть калыма уплачивал при переходе невесты в свой дом. В другом варианте малолетняя девочка переселялась в дом жениха, росли и воспитывались они вместе (Штернберг Л. Я., 1933. С. 9). У долган два отца, обычно друзья, давали обещание поженить в будущем своих маленьких детей с выплатой части калыма: хорошего оленя и песцовой шубы. Существовало особое понятие — «тыл бастынгата», означавшее начало договора (Попов А. А. 1949. С. 65). Если же девочка умирала до женитьбы, то калым подлежал возвращению. У сахалинских нивхов девочек покупали взрослые, женатые мужчины, чтобы иметь молодую работницу потом, когда первая жена состарится.

Калым, таким образом, выступает обязательным элементом, без которого брак был невозможен. В литературе отмечено наличие у народов Севера холостых мужчин, не имевших возможности уплатить калым и обзавестись женой. При заключении брака преобладали не любовные мотивы, не осознание необходимости воспроизводства жизни, а стремление получить лицо, без которого невозможно создать семью, хозяйку, выполняющую целый цикл работ, несвойственных или недоступных мужчине. Это подтверждается и критериями идеала жены. Ценились выше всего ее умение вести домашнее хозяйство и покладистость характера. Красота и молодость котировались ниже. Калым повышал социальную значимость, престиж особ женского пола. Если мальчик становился охотником, рыболовом или оленеводом, добывал средства к жизни, то за девочку можно было получить немалое богатство в виде калыма по достижении ею брачного возраста. В одном из источников XVIII в. отмечается, что тунгусы, имеющие нескольких дочерей, обогащаются, получая за них калым[28]. Возможно, ранее калым и означал, как пишет Штернберг, институт взаимного дарения, но в изучаемое время в правосознании народов Севера под влиянием товарных отношений он выглядел как акт купли-продажи невесты-женщины. У хантов (Березовский округ) для

[28] Известия Сибирского отдела РГО. 1871. Т. 2. № 1, 2. С. 44.

обозначения калыма применялся специальный термин «нэ-тын» — плата за женщину (Дмитриев-Мамонова А. И., Голодников К. М. С. 17). «У нас свой старый обычай,— говорил ненец Уральской тундры в 20-х гг., когда началась борьба с калымом,— если не продавать [девушек], то он [парень] не будет иметь жены. Если у меня есть дочери, то я их никому даром не отдам. По-моему, пусть продают, но не так дорого, как это было раньше» (Зибарев В. А. С. 206, 207). Требование калыма объяснялось возмещением издержек на воспитание невесты. В 1886 г. Обдорская инородная управа присудила половину будущего калыма воспитателям невесты — брату покойной матери и его жене — супругам Хани, у которых она находилась с трехлетнего возраста, именно по этой причине, а вторая половина полагалась отцу (Обдорской управы книга ... С. 37, 38).

Конечно, при этом сохранялся обычай дарения, связанный с заключением брака. Ненец П. Неркагы уже при Советской власти потребовал через суд вернуть от тестя П. Сэротэта 370 оленей, отданных в 1922 г. в качестве калыма. Свой иск он объяснял тем, что отец жены, не дав ничего ей при выходе замуж, и впоследствии также нарушал обычай, обязывавший ежегодно дарить дочери по одной ягушке (Зибарев В. А. С. 253, 254). Иногда состоятельный отец невесты (у долган) раздавал оленей, полученных в калым, близким родственникам. Те через год одаривали новобрачных вещами, превышающими стоимость полученных оленей (Попов А. А. С. 69).

Договор о браке являл собой соглашение между семьями, заключавшееся их главами. Поэтому калым вносился женихом отцу невесты, а если его не было, то тем ее родственникам, от которых зависело заключение брака и наделение невесты приданым, т. е. ее взрослым братьям или сородичу, ставшему опекуном, братьям отца или вообще сородичам мужского пола вплоть до самых отдаленных. В этом отражался давний обычай, когда калым как выкуп платился всему роду, мстившему за похищение женщины. Штернберг замечает, что у тунгусов калым шел всему наслегу. В XIX в. калым поступал в исключительное пользование родителей невесты, которые иногда выделяли часть его своим родственникам (ненцы Березовского округа).

Величина калыма зависела от степени зажиточности обеих сторон, возраста невесты и ее хозяйственных талантов. Хорошей невестой у нивхов считалась та, которая отличалась кулинарным искусством, умением шить одежду и обувь, была трудолюбива и кротка (Штернберг Л. Я. С. 8). У ненцев Архангельской губернии почитались богатое приданое, молодость и красота невесты (Ефименко А. Я. С. 177). Определяющим критерием величины калыма являлась степень зажиточности не только семьи жениха, но и семьи невесты. У нарымских селькупов на величину калыма влияли красота и богатство невесты. Богатство невесты повышало размеры калыма, жених надеялся на получение богатого приданого и на помощь тестя в дальнейшем. Обдорский князь Тайшин взял за свою внучку калыма более чем на 2 тыс. р. (Воронов А. Г. С. 5, 14). Кроме того, на величину калыма влияли хозяйственные занятия населения. Если сравнить калымы оленеводов с калымами рыболовецко-охотничьего населения, то преимущество будет на стороне оленеводов.

Источники, характеризующие калым, делят его на несколько категорий. У большеземельских ненцев, например, богатые оленеводы платили за невесту по 100—200 оленей, 100—200 песцов, 1—2 чернобурых или красных лисицы, три сажени тонкого сукна, 1 медный котел. Калым ненцев среднего достатка составлял 25—50 оленей, 25—50 песцов, 1—2 красные лисицы, три сажени недорогого сукна, 1 медный котел; у бедных — 10—20 оленей или 7—15 рублей серебром (Ефименко А. Я. С. 178). Ненец Тусида Поземе в 80-х гг. XIX в. отдал в виде калыма за Анисью Вануйто 140 оленей, 80 песцов, 2 черные лисицы, 1 белодушку и 50 р. (Обдорской управы книга ... С. 47). У ненцев (Березовский округ) калым богатых составлял до 100 оленей, до 100 песцов, по 3 чернобурки и сиводушки, 2—3 медных котла и 25—30 аршин толстого сукна; калым середняков и бедняков включал 15—40 оленей, 15—20 песцов, по 2 белодушки и сиводушки, 1 медный котел, 6 аршин сукна, 15—30 р. Лисьи шкурки (белодушки, сиводушки или чернобурки) должны были быть обязательно в каждом калыме. Богатые ханты того же округа платили за невесту 100—150 оленей, 60 р., 10—15 ягушек из неплюев или пешек, 20 однорядок (халатов) разного сукна, в том числе и шелковые, 2 собольих и 1 лисью шкурку;

средние ханты — 25 оленей, 40 р., 10 однорядок, в том числе 5 суконных, 2 шелковых, 3 ситцевых, 1 шкурку лисицы и медный котел; бедные — 10 оленей, 15 р., 3 однорядки (2 суконных, 1 шелковая), 3 платка и чугунный котел. Не имевшие оленей платили деньги, и в этом случае калым достигал 130 р. (Дмитриев-Мамонов А. Н., Голодников К. М. С. 17).

У долган калым делился на большой, средний и малый и соответствовал определенному имущественному цензу. Состоял он из переднего калыма (главным образом вещи и небольшое число оленей) и черного калыма — исключительно одни олени. Большой калым: передний (на выбор) — 4 быка, 4 нетели, 1 верховой олень—маньщик (дрессированный для охоты); матери невесты (старухе) — 2 оленя (передовой и пристяжной на одну нарту); 3 волчьи или росомашьи шкуры, 4 лисьи шкурки, 2 шкурки голубого песца, 1 соболья, 2 ровдужных (летних) нюка, 4 песцовые шубы и 1 песцовая шуба для матери невесты, медный котел и ружье. Черный калым включал 60—80—100 оленей. Средний калым: передний — 3 ездовые нарты (отцу, матери и старшему брату невесты) с упряжью и 3 оленями на каждую нарту, 4 волчьи или песцовые женские шубы, ровдужный нюк, 2 лисьи, 1 росомашья, 2 волчьи шкуры и 60—100 р. Черный калым — 60 оленей. Малый калым: передний — 10 или 12 отборных оленей, по 2 волчьи, росомашьи и лисьи шкуры (у более зажиточных — по 1 шкуре лисицы и голубого песца и 5—6 шкурок простого песца). Черный калым — до 40 оленей. Уплата калыма растягивалась на длительный срок. Когда большая часть переднего калыма уплачивалась, родители невесту не задерживали. Если жених отказывался от уплаты остального калыма, брак не расторгался, но случаи невыплаты калыма были очень редки. Если сокращался черный калым, то корректировалась величина приданого (вместо 5 нарт — 3). Из калыма сначала вносился передний, затем уговаривались о дне пригона черного калыма (Попов А. А. С. 67, 68).

У рыболовецко-охотничьего населения калым по величине и составу был иным. Васюганские ханты за невесту платили 20—50 р. (за невесту-девочку — 10—20 р. и полведра водки). Кроме того, отец выговаривал с жениха тонкое фабричное сукно на верхнее платье невесте, ситцевую рубаху и шаль теще и 1—2 ведра вод-

ки себе. У манси калым в среднем составлял: 100—200 р., 2—3 медных котла для варки пищи, 2—3 куска (по 3 аршина) красного (зеленого, синего, желтого) сукна для пошива одежды, кафтан, гарусный или шелковый, 2—3 соболя, 4—5 лисиц, штук 100 беличьих шкурок на женскую шубу, рублей 10 мелких денег, всего примерно на 350—500 р. (Носилов К. С. 72). Нарымские селькупы за невесту давали 30 р., крытую шубу, бобровую шапку, шарф, суконный кафтан, шаль для жены, отцу невесты — 3 ведра водки. Ненец Няруй, слывший как скряга, запросил калым из 5 оленей, 5 пар моржовых клыков, 20 оленьих желудков жира и нерпичьих шкур (Материалы по этнографии Западной Сибири ... С. 51).

У сургутских хантов родители невесты требовали в калым байковые зипуны, халаты, суконные или полуситцевые, и вино. Для большинства хантов калым составлял 5—15 оленей и выплачивался с трудом.

Характерно, что главную ценность калыма, особенно у оленеводов, составляли олени и меха, а отнюдь не орудия труда. Наличие в его составе денег свидетельствует о распространении среди народов Севера товарно-денежных отношений, о том, что они были не только сокровищем, но и средством платежа. У некоторых групп деньги фигурировали уже в качестве основной части калыма. Известен пример, видимо не единственный, когда для выплаты калыма и женитьбы занимались деньги на ростовщических условиях. Ханг из Ендырских юрт (конец XIX в.) взял для этой цели в долг 150 р. у священника Сухоруковской церкви, который выплачивал 14 лет мехами, орехами и другими товарами на 30—50% ниже их стоимости (Воронов А. Г. С. 12).

Несколько другим был состав калыма у амурских нивхов, в котором полностью отсутствовали деньги, олени и меха. Шренк приводит два примера. В первом случае калым состоял из 6 больших, насеченных серебром копий, 2 больших китайских котлов для очага, 3 японских котлов, 4 больших лодок и 20 собак. Здесь помимо явных сокровищ (копья и котлы) фигурируют лодки и собаки, используемые в хозяйстве (рыболовство, охота, передвижение). Во втором случае в калым входило 5 штук китайской шелковой материи, 1 большой китайский и 1 японский котел, маньчжурский железный панцирь, 5 отборных собак и крупный медведь

(видимо, выращиваемый для медвежьего праздника). Стоимость первого калыма составляла примерно 310 р., второго — 266 р.[29].

Выплата калыма была нелегким делом, поэтому понятно стремление найти жену подешевле. У нивхов этим объяснялась покупка для малолетнего сына невесты вдвое-втрое старше его. Уплата большого калыма у них же давала право мужу получить часть его обратно в случае смерти жены вскоре после вступления в брак, а иногда и претендовать на часть наследства тестя после его смерти (Штернберг Л. Я. С. 9). По этой причине у народов с калымным браком встречались браки путем отработки. В. Н. Чернецовым описан такой случай у манси, когда зять, вошедший в хозяйство тестя, через четыре года выделился. Калым не платился, он отрабатывался (Материалы по этнографии Западной Сибири ... С. 200).

При повторном замужестве калым брался в меньшем размере или не брался вообще. У ненцев, например, женщина, выходившая замуж вторично, ценилась гораздо ниже (Ефименко А. Я. С. 178). У хантов при женитьбе на вдове калым не полагался (Шатилов М. Б. С. 89); у манси — тоже (Носилов К. С. 7). Именно этим объясняется популярность браков с вдовами[30].

Взамен калыма родители невесты или ее опекуны наделяли невесту приданым. В отличие от калыма приданое, кажется, не являлось обязательным условием брачного договора. Так, у сургутских хантов приданое давалось только в зажиточных семьях (Дмитриев-Мамонов А. И., Голодников К. М. С. 34—35). Но в большинстве свадебных дел фигурирует приданое. Оно, как правило, накапливалось родителями. У долган, если по бедности отец невесты не мог собрать нужное приданое, он объезжал своих близких родственников и просил дать шубу, котел и т. п., обещая уплатить оленями из калыма (Попов А. А. С. 69). Случалось и так, что в приданое поступали вещи, взятые в калым (Дмитриев-Мамонов А. И., Голодников К. М. С. 17).

---

[29] Шренк Л. Об инородцах Амурского края. СПб., 1903. С. 23.

[30] Стремление избежать уплаты большого калыма уже при Советской власти, когда стали ослабевать традиционные устои жизни, привело к учащению браков убегом (см.: Шатилов М. Б. Указ. соч. С. 93).

Приданое зависело от размера калыма. У долган, если калым составлял 60 оленей, то приданое должно было составлять 45 оленей. У ненцев Архангельской губернии приданое укладывалось на нарты, число которых соотносилось с числом калымных оленей, на десять таких оленей полагались одни нарты с приданым (Ефименко А. Я. С. 178). У ненцев (Березовский округ) приданое могло быть больше, но ни в коем случае не меньше калыма (Дмитриев-Мамонов А. И., Голодников К. М. С. 41).

У норильских долган о размере приданого договаривался сват, в других местах, как кажется, о нем не уславливались. Так, у селькупов условие о приданом не заключалось, его размер определяли родители или старшие родственники невесты. С невестой отпускалась ее одежда, по мере возможности и скот. У васюганских хантов невеста брала с собой только одежду и обувь, у других (видимо, у сургутских или иртышских) — еще лошадь и корову. Богатые ханты давали в приданое запасы продовольствия: рыбу, хлеб, мясо, масло и домашнюю утварь (Воронов А. Г. С. 8, 18).

У сахалинских нивхов считалось позором не отдарить жениха равноценно калыму. Нивх, нарушивший этот обычай, становился посмешищем. Отец должен был снабдить дочь приданым, которое освобождало мужа от больших расходов на жену и являлось, в сущности, даром ему (Штернберг Л. Я. С. 140). Перед отъездом к жениху невесту одевали в праздничное платье, снабжали ее, смотря по состоянию родителей, дорогими шубами, платьями и украшениями.

В состав приданого входили, как правило, одежда невесты, домашняя утварь, необходимая для основания новой семьи, пища, олени либо домашний скот. У северных селькупов оно состояло из одежды и обуви невесты, постели (шкур оленя), полога и собачьей нарты. Иногда добавлялось несколько оленей, являвшихся приплодом от матки, выделенной дочери в семье отца еще при рождении.

У манси в приданое входили новый чум с нюками из оленьей кожи, 5—6 нарт, запряженных 10—12 оленями, каждая из них содержала ягушки беличьи, песцовые с бобровой опушкой, длинный, до двух сажень мешок, туго набитый оленьей шерстью, служивший подушкой, рыба, поземы, рухлядь и кухонные принадлежности,

«вотленны» — стружки словые, употреблявшиеся вместо полотенца (Носилов К. С. 73).

Примерно таким же был набор приданого у саамов, но с большей приближенностью к приданому русских крестьян. У позрецких саамов оно состояло из медного или чугунного котла, кары, ложки, топора, постели, писяги, иконы, рыболовных сетей, веревки из мочала для ловли озерной рыбы, юпы и одежды невесты; у нотозерских саамов — из 3—10 оленей (обычно приплод той важенки, которая была подарена невесте при рождении), кережи, каньгов, сена (в количестве, которое укладывается в каньги), рыбы (кережи свежей рыбы и кережи сушеной), кережи брусники, писяги, котла, топора, ножа, корбаса и нескольких голов овец. По другим сведениям, у саамов в приданое, которое давалось после брака, входили юпа (женская верхняя одежда), каньги, тюк сена на них, вареги, сушеная сосна, оленья постель, ровва, половина невода, пять сеток, олень. Оленей в составе приданого называли бессмертными, их число всегда должно было быть цело и неизменно (Ефименко А. Я. С. 26—27).

У ненцев-оленеводов (Березовский округ) приданое («нгэтта») состояло из оленей, нарт, сукна, хлеба, калачей, масла, мяса, оленьей упряжи, нюк и одежды. У ненцев Архангельской губернии приданое составлял «новый чум с домашним прибором и женское самоедское платье, шитое в разных переменах»[31]. По Ефименко, кроме чума с нюками, в него входили одежда, хлеб, масло, оленина, одеяла, постель и прочее. Помимо нарт с приданым снаряжались еще нарты с мужской одеждой и промысловым инвентарем, предназначенными в подарок жениху. В особых нартах ехала невеста, которая сверх приданого имела право в конце каждого года, будучи уже замужней, приезжать к отцу и брать у него по одному оленю (Ефименко А. Я. С. 179).

Богатые долганы в приданое давали 60—70 отборных оленей и 2—3 телят, 7, а у бедных 5 нарт, запряженных лучшими оленями (по 2 у богатых и по 1 у бедных), в число этих нарт включался также и нартяной чум с четырьмя оленями. На нартах находились шкурки пушных зверей, нюки (у богатых на целый чум, у бед-

[31] Путешествие академика Ивана Лепехина в 1772 г. Ч. 1. СПб., 1805. С. 224.

ных на половину) 15—16 женских и грузовых оленьих сёдел, зимняя упряжь с поясом из цветного сукна, вышитого бисером, женский посох для верховой езды с железным крюком с насечками, самовар, чайник и другая посуда, дорожный (покупной) погребец, украшения и прочее. Все это должно было быть новое, недержаное или по крайней мере чистое. В приданое давалось 2 шубы с отдельным суконным верхом, расшитым по подолу цветными лентами или бисером, женская меховая обувь, наколенники. Каждая нарта должна была обязательно иметь какой-либо груз[32]. Приданое являлось собственностью жены и ни в коем случае не подлежало отчуждению.

В семье существовало разделение труда по полу и возрасту. Главенствующая роль в ней принадлежала отцу. Выступая распорядителем имущества и организатором ее хозяйственной деятельности, он обладал наибольшими правами и функциями. Отец, как правило, являлся и основной фигурой этой деятельности, кормильцем семьи. Жена и дети как в личном, так и в имущественном плане находились в подчиненном положении. Они имели право пользования общим имуществом и право совещательного голоса при решении семейных дел. Иначе говоря, склад семьи был патриархальным — одним из его ранних вариантов, для которых характерны демократичность взаимоотношений, ограниченность властных полномочий отца.

Специфика такой семьи видна из этнографических описаний. Так, зять не отдавал добытых им шкурок белок и лисиц своему свекру — главе семьи юкагиру Шалугину, у которого было много долгов. Зять опасался остаться без чая и табака. Так же поступал и сын Шалугина. Глава семьи на это не реагировал. Но когда ему было нужно, он брал сколько-то этих шкурок и ни зять, ни сын слова не говорили против. Если у дочерей появлялись новый платок, шаль или рубаха, отец не спрашивал, откуда взялись эти обновы; он и так знал: либо

---

[32] Попов А. А. Указ. соч. С. 78. Сиротам свадьбу устраивал род отца, приданое состояло из пяти нарт. У многих народов Севера в формировании калыма участвовал более или менее широкий круг родственников. У манси наибольшую помощь оказывали братья матери. Также складывалось и приданое. Полученный калым затем делился между лицами, которые готовили приданое (см.: Материалы по этнографии Западной Сибири. С. 203).

они отдали якуту 20—30 омулей, либо получили в подарок от парней. В том и другом они были свободны. Но стоило отцу что-нибудь приказать, как все немедленно исполнялось[33].

Жена, несмотря на то, что была угнетенным существом, не являлась полностью бесправной. Ее защищал свой род, т. е. ее прежняя семья и родственники. Кроме того, обладая принадлежащим лично ей имуществом, она была экономически относительно самостоятельным лицом.

Имущественные права супругов были различны. Глава семьи был отнюдь не собственником, а лишь распорядителем семейного имущества. У некоторых народов (ханты и др) отец распоряжался им с согласия взрослых сыновей. Женатые, но не отделенные сыновья могли иметь свою собственность (нивхи, ненцы Архангельской губернии) или же передавать в распоряжение главы семьи лишь половину заработка (орочены).

Вместе с тем в некоторых случаях процесс утверждения отцовского права зашел дальше — имущество семьи стало считаться собственностью отца (северные ханты и др.). У саамов отец имел полную власть над всем имуществом, мог закладывать его, лишать сына наследства (кроме ружья) в случае отделения без согласия родителей. Но он был не волен распоряжаться тем имуществом, которое дед оставил внуку или внучке. Отец — глава семьи — отвечал материально за проступки неотделенных детей и возмещал причиненные ими убытки (манси, орочены).

Имущественные права супругов исходили из принципа раздельности имущества, объясняющегося их различной родовой принадлежностью. Но в некоторых случаях этот принцип действовал либо ограниченно, либо вообще не действовал. У ненцев, например, раздельность имущества признавалась лишь тогда, когда приданое жены превышало калым мужа.

Собственность жены состояла из двух частей: из личного девичьего имущества, подарков отца и родственников, полученных во время и после замужества, всего того, что она изготавливала сама, и приданого. Эти части различались по назначению, происхождению,

---

[33] Похельсон В. Н. По рекам Ясачной и Коркодону//Известия РГО. СПб., 1898. Т. 34. С. 271.

правовому положению и выделялись из семейного имущества в отдельный разряд[34]. Жена имела право распоряжаться личным имуществом по своему усмотрению. После смерти оно ложилось вместе с ней в могилу, а какая-то часть его (одежда, украшения) доставалась дочерям.

У тех же ненцев (Березовский округ) жены владели оленями, которыми муж мог распоряжаться в исключительных случаях (падеж оленей семьи), имели источники дохода от своего имущества, а в случае покушения на него мужей жаловались старшинам (Дмитриев-Мамонов А. Н., Голодников К. М. С. 42). У долган в распоряжении жены имелись олени (причем олени, полученные в приданое, считались приносящими счастье, и некоторые семьи не продавали их в течение трех лет), одежда, посуда, шкурки пушных зверей. Она имела право распоряжаться и деньгами, полученными от продажи своего имущества. Попытки мужей воспрепятствовать этому рассматривались как правонарушение[35].

Вместе с тем видна тенденция ущемления имущественных прав жены. После смерти бездетной жены приданое возвращалось ее отцу. При наличии же взрослых детей оно переходило к ним, если дети были малолетними, то к мужу, обязанному воспитать их. Противоборство вокруг приданого особенно заметно у саамов. После смерти жены, если брак продолжался не более трех лет, а в некоторых местах — не более шести лет, приданое возвращалось в семью родителей жены. После же этого срока, даже в случае отсутствия детей, приданое оставалось в семье мужа (Ефименко А. Я. С. 27).

Но дело не только в этом. Ограничивалось и ее право пользования приданым, за исключением одежды и обуви. Все остальное находилось в общей семейной собственности, которой распоряжался муж. Право жены на приданое сохранялось, но вступало в силу в случае

---

[34] См. об этом: Харузин Н. Собственность и первобытное государство. СПб., 1903. С. 181.

[35] Попов А. А. Указ. соч. С. 71. В семье долган могли быть пасти, принадлежавшие жене, сыновьям, дочерям, но это была фикция, так как все песцы считались собственностью отца. Когда в пасти переставали попадаться песцы, отец считал, что это результат того, что от него ушло счастье, и фиктивно распределял пасти между членами семьи (Там же).

развода или смерти. У саамов приданое жены являлось ее собственностью лишь юридически, фактически же оно входило в семейное имущество, доходы от него шли на нужды всей семьи. Распоряжался приданым больше муж, чем жена. Но для продажи или убоя чего-либо из приданого нужо было согласие жены[36]. У хантов приданое жены поступало в общую собственность семьи, за исключением одежды и обуви, которые признавались ее неотъемлемой собственностью. (Воронов А. Г. С. 19). У канинских, тиманских и других ненцев Архангельской губернии муж распоряжался всем имуществом семьи, покупал и продавал все по собственному усмотрению. Лишь в богатых семьях в порядке исключения жена могла продать пыжик, пимы или камусы и взять деньги в свою пользу (Ефименко А. Я. С. 179).

Следует отметить и то, что жене из приданого принадлежали не сами олени, вещи и т. п., а право на них. Они могли заменяться тем же количеством оленей, однородных вещей. При разводе и возвращении жене приданого муж не обязан был отдавать именно тех оленей, именно тот котел и т. п., которые входили в состав приданого. Он был обязан вернуть равное количество оленей, за медный котел — медный, за чугунный — чугунный и т. д. Все остальные члены семьи до выдела их могли только пользоваться, но не владеть имуществом семьи.

Хозяйство семьи велось сообща, а имущество считалось общим. Власть отца во многих случаях продолжалась до тех пор, пока он сам был в состоянии работать. При утрате трудоспособности его права переходили к старшему сыну[37]. У чукчей при главенстве отца хозяйство велось обычно взрослым сыном или даже племянником. Отец без них не принимал никакого важного решения. У эвенков взрослые неженатые сыновья передавали в распоряжение отца весь свой заработок, а женатые — только половину.

Семейная жизнь протекала размеренно и спокойно. Все члены семьи имели свои обязанности. Отношения между ними были ровными и большей частью дру-

---

[36] Харузин Н. Русские лопари. М., 1890. С. 115, 303, 304, 315.

[37] Солярский В. В. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Хабаровск, 1916. С. 44.

желюбными[38]. Однако женщина находилась в приниженном положении. Существовала целая система запретов, оскорблявших ее достоинство и предписывавших ей линию поведения в тех или иных случаях. За мужем признавалось право бить жену. Жестокое обращение с женами было отнюдь не единичным эпизодом семейной жизни народов Севера.

Положение жены несколько упрочивалось после рождения детей. У селькупов жена, родившая двух сыновей, имела право сидеть с гостями, муж выслушивал ее советы, она получала права хозяйки. Когда сыновья достигали 18 лет, жена приобретала полное уважение своего мужа (Воронов А. Г. С. 21). У ненцев после смерти мужа, до совершеннолетия детей, жена управляла всем хозяйством. Так же было у чукчей и других народов. У саамов женщина не пользовалась большим уважением. Она почиталась в семье как мать, и, по понятиям саамов, ее власть над детьми была даже выше власти отца. Однако ее права были ограничены и полной хозяйкой она становилась после смерти мужа и до совершеннолетия детей. Но она не могла продать из дедовского и отцовского имущества ничего, кроме одного оленя. У ненцев после смерти матери ее приданое, вопреки обыкновению, доставалось сыновьям, дочери же наследовали незначительную часть его (Ефименко А. Я. С. 29, 189). В подчинении отца находились также дети, но его власть, особенно по отношению к сыновьям, ограничивалась рядом обстоятельств и не являлась патриархальной властью в полном смысле этого слова. У саамов отец, будучи полновластным и бесконтрольным распорядителем движимого имущества (мог его продать, заложить, поменять), не мог ни продать, ни сдать в аренду свой земельный участок, так как он составлял часть семейного имущества.

У сыновей и дочерей имелась личная собственность, которой отец произвольно не имел права распоряжаться. В нее входили олени и овцы с приплодом, подаренные при рождении и крещении родителями, а иногда и родственниками, подарки от деда, отца и матери и то, что было сделано ими своими руками. Заработки сыно-

[38] Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX—начале XX в.: (Этнографические очерки). Томск, 1977. С. 206.

вей на стороне поступали в их пользу, если они сами, а не по велению отца, шли на заработки. Если сын ставил ловушку на рыбу или ходил на охоту помимо семейной работы, то добыча считалась его собственностью. Изготовленное или добытое сообща семьей считалось семейным имуществом (Харузин Н. 1890. С. 315). Относительная независимость сыновей обусловливалась формами добывания средств существования. И охота, и рыбная ловля не требовали коллективных усилий. Сыновья в случае притеснения со стороны отца могли выделиться в любое время. По отношению же к дочерям отец пользовался деспотической властью (Штернберг Л. Я. С. 11).

В случае непослушания малолетних детей отец наказывал сам, на совершеннолетних подавал жалобу старшинам, которые выносили порицание или подвергали наказанию. Обычно дело кончалось тем, что их приглашали на сходку, обязывали поклониться родителям в ноги и просить прощения. Родители пользовались большим уважением, что не избавляло их от оскорбления словом и даже действием. Виновных по приговору сходки пороли розгами.

По обычному праву дети были обязаны содержать родителей в старости, снабжать их продовольствием, но в полном объеме этот долг выполнялся ими редко. Денежная помощь оказывалась только по принуждению. Если сын уклонялся от этой обязанности, то его заставляли помогать родителям старшины. У хантов такого сына отдавали в работу и из платы за нее часть отдавали родителям. Но встречались и такие случаи, когда и они не могли принудить сына содержать родителей (Тобольские губернские ведомости. 1860. № 8).

Выделы женатых сыновей — явный признак распада больших и образования малых семей[39]. У одних народов (нивхи и др.) они были новейшим явлением, у других (ненцы Архангельской губернии) преобладали малые семьи (Ефименко А. Я. С. 182). Известно два вида

[39] Источники (XIX в.) свидетельствуют о наличии у народов Севера как малой, так и большой семьи. У эвенков, орочён, чукчей, орочей и других народов женатые сыновья, а нередко и зятья, со своими семьями жили совместно с родителями. У ненцев иногда в одном чуме помещались большие семьи: сын с женой, женин брат с женой, его сестра с мужем и дети (см.: Ефименко А. Я. Указ. соч. С. 183).

выдела: неполный и полный, которые, как представляется, отражают различные ступени эволюции этого процесса. В первом случае женатый сын жил своим чумом, но продолжал составлять общую с родителями семью; труд, домоводство, питание были общими. Во втором случае отделившиеся жили своим хозяйством. Причина выдела, как правило, крылась в стремлении женатого сына жить своей семьей, выйти из-под родительской власти, обрести самостоятельность. При выделе сын получал свое личное имущество и то, что давал ему отец для ведения самостоятельного хозяйства: ружье, топор, нож, котел и одежду (сургутские ханты). При этом, видимо, учитывались и интересы других сыновей, если они имелись. Какой-либо определенной нормы на часть имущества не обнаруживается. Выделенное имущество поступало в полное и безвозвратное распоряжение сына, который уже лишался права на наследство в случае смерти отца. Жена сына брала с собой приданое. Все это вместе составляло экономическую базу новой семьи. В случае, если выдел происходил против воли отца, предусматривались карательные санкции. У саамов сын не получал ничего, кроме ружья и приданого жены (Ефименко А. Я. С. 28).

Более обычным явлением было разделение взрослых братьев после смерти отца. В одном случае (нивхи) они продолжали жить в общей юрте, пользовались одним инвентарем, но питались порознь (Штернберг Л. Я. С. 11), в другом — происходил полный раздел имущества. Причем старший брат никакими преимуществами не пользовался. Семейные ссоры обычно разбирались на сходках старшинами, которые стремились примирить супругов. Иногда для этого назначался срок — от нескольких дней до года.

Брачные узы у народов Севера, как уже отмечалось, не были особенно прочными. Заключение браков не по любви, деспотизм мужей, относительная экономическая самостоятельность жен и другие причины приводили к распаду семьи. Разводы не были связаны с особыми трудностями и представляли собой частое и обыденное явление (Воронов А. Г. С. 23; Ефименко А. Я. С. 179)[40].

[40] Расторжение церковных браков у крещеных ненцев наблюдалось очень редко. Однако супруги сохраняли за собой полную свободу расходиться без соблюдения формальностей и использовали эту возможность (Ефименко А. Я. С. 179).

Обычное право признавало следующие основания для развода: нарушение супружеской верности (для мужчины — многократно, для женщины — единожды), более или менее длительное безвестное отсутствие супруга, жестокое обращение мужа с женой, связанное с побоями и истязаниями, систематическое пьянство, влекущее полное разорение хозяйства, импотентность мужа («мы живем как две женщины»), неспособность к деторождению (причем виновной всегда признавалась жена) с чисто материальным обоснованием («чтобы было кому передать хозяйство»), публичное заявление на собрании одной из сторон о нежелании продолжать совместную жизнь (Шатилов М. Б. С. 91). У хантов молодые жены нередко после непродолжительного замужества убегали к родителям, заявляя, что они не желают быть за тем женихом, за которого были просватаны (Воронов А. Г. С. 23).

Браки расторгались по обоюдному согласию, по инициативе либо мужа, либо жены. При этом действовала целая система норм обычного права, связанная с калымом, приданым и распределением детей. Основополагающей нормой было возвращение калыма мужу, а приданого жене, т. е. происходило расторжение брачного договора с аннулированием его условий. Однако эта норма варьировалась в зависимости от обстоятельств. Так, если муж сам отказывался от жены (ненцы, ханты), то он не имел права требовать калым. Если жена оставляла мужа по своему желанию, то калым возвращался мужу. Принимались во внимание и причины развода. Если был виноват муж (бил жену без причины и прочее), то ему отказывали в возвращении калыма, если же была виновата жена (лень, грубость, супружеская неверность), то он сохранял свое право на калым (Воронов А. Г. С. 23). В случае ухода жены от мужа к своим родителям ее отец был обязан возвратить либо калым, либо дочь. Если же она уходила к посторонним, то как калым, так и приданое не возвращались, но если жена уходила для сожительства к другому с согласия родителей, то они должны были вернуть калым. Если же жена выходила замуж за другого, то новый муж должен был возвратить прежнему калым, а жена получала свое приданое. Сторона, виновная в разводе, никакой ответственности не несла.

Как видно, древняя норма: мужу — калым, жене — приданое — со временем значительно модернизировалась. Шренк отмечал, что приданое жены у ненцев независимо от того, кто из супругов кого покидает, оставалось у мужа[41]. На этой почве (невозвращение калыма или приданого) возникали конфликты, которые решались старшинами вместе с обществом.

Значительно изменилась и норма, согласно которой дети в случае развода супругов должны были оставаться в роду (семье) отца. У ряда народов — сургутские ханты, долганы и др.— эта норма еще действовала, дети оставались у мужа, но она уже не была безусловной. Так, у долган, если было трое детей, у мужа оставалось только двое, а один ребенок доставался жене. У хантов (Березовский округ) дети оставлялись у мужа, но уже с согласия жены, или же они брались женой, но она не имела права требовать от бывшего мужа помощи в их пропитании. Иначе говоря, здесь действовала норма, согласно которой дети по обоюдному согласию супругов могли оставаться у любой из сторон, в том числе и у жены, что явно противоречило обычаю.

Все большее распространение получал и раздел детей между супругами. Причем в одном случае сыновья доставались отцу, а дочери — матери (саамы), а в другом — наоборот (ненцы Березовского округа, ваховские ханты). Считалось, что сын со временем станет кормильцем матери, а отец сможет прокормить себя сам, почему с ним и оставалась дочь. Здесь нарушалось одно из родовых начал: мальчик — продолжатель рода отца переходил в род матери (Шатилов М. Б. С. 91)[42]. Наличие или отсутствие детей влияло на исход супружеских распрей. Браки расторгались чаще у бездетных супругов. В. Н. Чернецова поразила легкость, с которой у хантов брались приемыши и отдавались дети. Женщины относились к этому спокойно и обыденно, что объяснялось неразвитостью семьи, наличием пережитков группового брака (Материалы по этнографии Западной Сибири ... С. 161).

Развод супругов не был их частным делом, общество

---

[41] Шренк Л. Путешествие по северо-востоку Европейской России. СПб., 1855. С. 478.

[42] У эскимосов, коряков и других народов с браком-отработкой дети в случае развода оставались у матери.

вмешивалось в их отношения не только в связи со спорами из-за калыма или приданого, но и по существу дела. Обычно супругов увещевали, склоняли к примирению и лишь затем разводили: «расходись в стороны» (Шатилов М. Б. С. 91). У манси супругов разводили, если они ссорились, учитывая не только взаимоотношения супругов, но и гражданскую, общественную сторону этих взаимоотношений — спокойствие общества. Причем если женщина, находившаяся в «своде» (т. е. в нецерковном браке), уходила от мужа, то она имела право увести всех детей, а в случае прекращения законного брака половина детей оставалась у мужа (Носилов К. С. 70, 73).

Материала о юридических обычаях, регулировавших положение вдов, немного. У долган вдове запрещалось выходить замуж, но внебрачные отношения, вплоть до прижития ребенка, не считались предосудительными. У хантов не было обычая левирата, братья умершего на вдове его никогда не женились. После смерти одного из супругов оставшийся в живых вступал в новый брак без соблюдения каких-либо сроков, однако под влиянием христианства в некоторых случаях это происходило спустя год после похорон. Жена, ставшая вдовой, имела право уйти к своим родителям, и в этом случае ни родители, ни братья покойного возвращения калыма не требовали. При новом замужестве вдовы калым платился в значительно меньшем размере и иногда состоял из одежды ее родителям и ей самой. В обоих этих случаях (т. е. при уходе к родителям и при выходе замуж) вдова брала с собой приданое и всех детей. Но имели место случаи, когда вдова по взаимному соглашению оставляла родителям мужа одного из детей. Если умирала жена, то вдовец был не вправе требовать возвращения калыма (Дмитриев-Мамонов А. И., Голодников К. М. С. 21, 22, 23).

Для народов Севера характерно наличие усыновленных детей. Ненецкие семьи (как детные, так и бездетные) нередко усыновляли сирот и приводимых с собой женами при выходе замуж законнорожденных и незаконнорожденных детей. Последними считались дети, рожденные девицами до выхода замуж, а также вдовами. Те и другие пользовались одинаковыми с законнорожденными детьми правами. У ненцев в случае выхода матери замуж отец ее ребенка мужского пола мог,

если желал, отобрать его у матери (Ефименко Л. Я. С. 42, 187). У хантов (Березовский округ) если отец незаконнорожденного ребенка имел семью, то родительской властью обладала только мать. Если дети брались на воспитание, то права родителей переходили к воспитателям.

У многих, если не у всех народов Севера разрешалось многоженство. Однако оно не имело сколько-нибудь широкого распространения, было ограничено богатыми семьями и вызывалось желанием иметь наследника при бесплодии первой жены или же потребностью в рабочих руках при обширном хозяйстве.

3.3. Обычаи наследования и опеки

В развитии собственности и регулировании имущественных отношений у малых народов Севера большую роль играло так называемое наследственное право. Институт наследования предполагает наличие частной собственности и возникает лишь на известной ступени материального производства, характеризующейся парцелляризацией хозяйства, индивидуализацией труда, началом частного присвоения его продуктов, расширением обмена. Исторически это соотносится с периодом перехода от бесклассового общества к классовому. Определяющие тенденции в этой области выражаются в движении от отсутствия наследования к возникновению его, в ограничении круга наследников (от всех сородичей до ближайших кровных родственников), от наследования по материнской линии до замены ее отцовской, от стремления сохранить имущество в рамках общинно-родовой группы до рамок семьи.

У малых народов Севера институт наследования в указанном смысле еще не сложился. Переход собственности по наследию у них регулировался не судебно-правовыми установлениями, а обычаем. Обычное право этих народов различало личную и семейную собственность. К личной собственности взрослого мужчины относилось все то, что изготавливалось или использовалось им самим (нож, топор, лодка, ружье, одежда, обувь и т. п.). Личную собственность замужней женщины составляли приданое, предметы личного обихода и подарки родителей. В том и другом случае личная собственность выступала в форме личного имущества,

которое, за немногим исключением, наследованию не подлежало; его клали вместе с умершим. У кетов после смерти человека часть его вещей (трубка, табакерка, посуда и т. п.) закапывалась вместе с ним, другая часть (одежда, оружие, нарты и т. п.) оставлялась в поврежденном виде у могилы [43]. Однако это правило действовало уже не абсолютно. Умершему оставляли не все его имущество, а лишь необходимое для загробной жизни. Оставлялось ценное оружие (винтовка), а также то, что имелось в излишке; у некоторых арктических народов — лодки, для изготовления которых требовалось много времени и квалифицированного труда. В последнем случае отчуждение собственности умершего сопровождалось жертвоприношениями, имевшими целью умилостивить его дух [44]. У некоторых народов переходили по наследству — от матери к дочерям — наряды и украшения.

Основным объектом наследования являлась семейная собственность. В нее входили олени, собаки, жилище, крупный промысловый и транспортный инвентарь, домашняя утварь; у оседлого населения, занимавшегося сельским хозяйством,— сенокосы, лошади, рогатый скот, приусадебные земельные участки. На семейной собственности основывалось благополучие семьи. У северных селькупов покойник хоронился вместе с одеждой и вещами, принадлежавшими ему (лук, нож и т. п.); скот, олени, собаки, рыболовные и звероловные снасти переходили по наследству [45].

У кочевников-оленеводов основную ценность в наследстве составляли олени. Как явствует из протоколов судебных заседаний Обдорской инородной управы, в одном случае после смерти главы семьи ненца Эватсота осталось 500 оленей, тиски для летнего чума, невод, 9 туш оленьего мяса; в другом — после смерти ханта Куйбина Хара—60 оленей, 4 нюги для чума, 3 нарточных одеяла из оленьих шкур, 26 пешек, нарты с уп-

---

[43] Алексеенко Е. А. Кеты. Л., 1967. С. 73. У могилы забивали одного-двух оленей умершего, а остальных отпускали в тайгу. Со временем их стали в порядке исключения оставлять в стаде семьи. Шкуры и камусы забитых оленей всегда раздавали чужеродцам.

[44] Харузин Н. Собственность и первобытное государство. СПб., 1903. С. 18.

[45] Костров, князь. Очерки Туруханского края//Записки Сибирского отдела РГО. Кн. 4. СПб., 1857. С. 122, 123.

ряжью, котел, чайник и прочая утварь. От князя П. М. Тайшина внуку Тайшину Ивану досталось 100 важенок, 15 быков, чум со всеми принадлежностями, юрта, 2 амбара, оленья упряжь. Иногда в протоколах указывается только количество оленей, а все остальное обозначается как «разное инородческое имущество», что свидетельствует о незначительной его стоимости (Обдорской управы книга ... С. 43, 59, 104).

У охотничье-рыболовецкого населения наследственная собственность, состоявшая в основном из промысловых орудий и транспортных средств, была менее ценной, но для самого этого населения она представлялась значительным достоянием, необходимым для поддержания жизни. Зато в отличие от оленеводов у охотничье-рыболовецкого населения передавалось по наследству право пользования промысловыми угодьями. Во многих случаях общинные угодья (у саамов, ненцев, хантов, эвенков, нивхов, орочей и др.) были распределены между семьями на отдельные участки, право пользования которыми переходило по наследству. В «Сборнике обычного права сибирских инородцев» отмечается, что у ненцев «наследством почитаются звероловные места, рыболовные реки, коими после умершего пользуются родственники, другим запрещается» (с. 20, 21). Ясно, что это более позднее явление, свидетельствующее о развитии собственности, о частичном распространении права наследования не только на движимое, но и на недвижимое имущество.

Право наследования у народов Севера разработано детально, вплоть до самых редких случаев. Оно определялось кровным родством по мужской линии и принадлежностью к семье как трудовому коллективу. Статус наследников был различен и зависел от семейного положения, степени родства, пола и возраста. Обычаи предусматривали разный порядок наследования между мужчиной и женщиной, мужем и женой, сыновьями и дочерьми, близкими и дальними родственниками. В наследовании участвовали только мужчины — продолжатели рода отца и хранители имущества семьи. Женщины, как уходящие в чужой род, правом наследования не обладали. За дочерьми, например, признавалось только право на приданое, т. е. на имущество, не являвшееся органической частью хозяйства семьи. Посторонние лица при наличии родственников не считались наследника-

ми, даже если бы на то была воля завещателя. Наследство передавалось по мужской линии вплоть до самых отдаленных степеней родства, родственники же по женской линии, начиная с самых близких, исключались из числа наследников. Право наследования определялось по нисходящей линии, ближайшими наследниками считались сыновья, братья, братья отца; за ними шли сыновья брата, сыновья брата отца, т. е. племянники и двоюродные братья первой и второй степени (Шренк Л. С. 23).

Прямыми наследниками отца как главы семьи признавались его сыновья. Если после смерти отца семья не делилась, то права ее главы переходили к старшему сыну либо вообще к сыну, если это был единственный взрослый сын. В этом случае, по справедливому замечанию М. А. Кроля, менялся лишь администратор, имущество же не претерпевало никаких перемен[46]. В случае же раздела семейное имущество делилось поровну между сыновьями; на их попечение переходили мать, сестры, нетрудоспособные члены семьи, распределявшиеся между братьями. Старший сын особыми привилегиями не пользовался. Ему принадлежал приоритет в наследовании прав отца как главы семьи и управляющего ее хозяйством, т. е. не в наследовании имущества, а в наследовании функций. У чукчей старший сын считался главным наследником, он получал в управление стадо оленей, основное, самое старое в семье тавро и становился хозяином переднего чума. Остальные сыновья и дочери владели оленями, помеченными их собственным тавром и переданными им в свое время отцом[47]. У саамов, если старший брат, оставшийся после смерти родителей с несовершеннолетними братьями, приумножал имущество, оно потом все равно шло в общий раздел.

Однако имелись и отклонения от этого принципа. У хантов (Березовский уезд) в некоторых семьях переходили из поколения в поколение к старшему в семье металлические вещи (тарелки, ложки и т. п.) и разного рода шкуры, называвшиеся старым имуществом («им-

[46] Кроль М. А. Предварительный отчет о работах по исследованию забайкальских бурят за период 1892—1895 гг.//Известия Восточно-Сибирского отдела РГО. Иркутск, 1896. Т. 26. № 4—5. С. 177.

[47] Богораз В. Г. Чукчи. Ч. 1. Л., 1934. С. 190.

-улан»). У эвенов Охотского побережья в одних случаях (тауйские эвены) наследство между сыновьями делилось поровну, в других — старший сын получал большую долю, а его младшие братья — чуть меньше, но все одинаково[48]. У кетов предпочтение отдавалось младшему совершеннолетнему сыну. В его распоряжение переходило после смерти отца имущество семьи. Он должен был содержать мать, детей, нетрудоспособных членов семьи. При выделе старших братьев он передавал им часть общего имущества, необходимого для ведения хозяйства. Сестры при выходе замуж также получали часть общесемейного имущества (Алексеенко Е. А. С. 72). В некоторых случаях отступления от принципа равенства наблюдались не в связи со статусом сыновей, а по другим причинам. У нивхов несколько большую долю наследства получал неотделившийся, обычно младший сын, проживший с отцом до самой смерти, а у эвенков (орочён) большая доля выделялась тому из сыновей, кто вносил за умершего отца ясак (Солярский В. В. С. 47; Штернберг Л. Я., 1933. С. 14). Вне наследования оставались выделенные сыновья; у народов с браком отработкой (чукчи, коряки, юкагиры) сыновья с переходом в семью жены теряли право на наследство в своей собственной семье[49]. Обычай учитывал при наследовании и семейное положение сыновей. У хантов (Березовский и Сургутский уезды Тобольской губернии) женатые сыновья получали равную часть с холостыми, если не были отделены (Дмитриев-Мамонов А. И., Голодников К. М. С. 25, 36). Иначе говоря, в наследовании имели право участвовать как неженатые, так и женатые сыновья, жившие в семье.

Однако наряду с нормами, утверждавшими наследственный приоритет сыновей, иногда проглядывалась тенденция к ограничению их прав. Происходило это либо там, где аборигены находились под длительным влиянием русского населения, либо уже в связи с политикой равноправия женщин, проводившейся Советской властью. Наследственные права сыновей в ряде случаев (у саамов, манси, эвенков) ограничивались, как бу-

---

[48] Попова У. Г. Эвены Магаданской области. М., 1981. С. 150.

[49] König H. Das Recht der Polarvolker//Antropos. 1929. N 24. S. 649.

дет видно дальше, и со стороны вдов-матерей и со стороны незамужних сестер.

Помимо наследования отцу, сыновья являлись наследниками и в отношении друг к другу как братья. Их право и в этом случае проистекало из принципа сохранения собственности в своем роде — роде отца. Они признавались безусловными наследниками, если умерший брат был холостым или бездетным; наследство между ними делилось поровну. Если после смерти брата — главы семьи — в ней оставался хоть один взрослый сын или подросток, то семья сохраняла свое самостоятельное существование, но если в ней не было прямых наследников, т. е. сыновей, то в права наследства вступали его братья, причем у народов с обычаем левирата права и порядок наследования определялись этим обычаем. Вдова с детьми переходила к одному из братьев, обязательно младшему, который получал права и обязанности отца, а также опекуна их наследственного имущества до достижения ими зрелого возраста. Дочери затем получали приданое, а сыновья — свою долю наследства. Нормы наследования предусматривали все возможные ситуации. У нивхов, коряков и других народов порядок наследования определялся следующими обстоятельствами: оставалась ли жена брата, ставшая вдовой, одинокой, были ли у нее дети, имелись ли среди них малолетние дети, какой брат умирал (старший или младший, женатый или холостой), сколько было братьев [50].

Стремление удержать имущество в роде отца определяло и права на наследование его братьев, которые на раннем этапе имели приоритет перед сыновьями. Теперь же они становились наследниками лишь в том случае, если после покойного не оставалось ни детей, ни жены или вдова оказывалась бездетной; им же принадлежало преимущественное право опеки над вдовой и малолетними детьми. Права наследования у братьев отца оставались еще достаточно сильными, и на этой почве не раз происходили конфликты, отражавшие борьбу между родовым и трудовым началом. Но определяющей уже

---

[50] Дитмар К. О коряках и о весьма близких к ним по происхождению чукчах//Вестник РГО. 1856. Т. 16. С. 31, 32; Шренк Л. Указ. соч. С. 22, 23; Штернберг Л. Я. Указ. соч. С. 14.

была линия на свертывание прав братьев отца и сохранение имущества в семье умершего. Эти конфликты братьев умершего и его жены отражали, по-видимому, процесс утверждения семьи, противоречия между ней и патронимией.

Следующее наследственное звено составляли сыновья брата умершего вплоть до двоюродных, троюродных племянников и более дальних родственников. У чукчей в таких случаях, т. е. при отсутствии явных наследников, сходились родственники и устанавливали степень своего родства с умершим. Наследство отдавалось ближайшему родственнику или же делилось поровну между всеми. Иногда большую часть отдавали более бедному из родственников.

Однако наследственные дела не всегда решались таким образом, известны случаи захвата имущества, а предъявление претензий на наследство не всегда заканчивалось разделом; степень родства, а следовательно, и права учитывались при дальнейшей его передаче. Причем, претенденты могли требовать не все наследство, а какую-то часть его как компенсацию за отказ от своих прав. В этом смысле характерен следующий эпизод. После смерти старого чукчи стадо оленей взял себе находившийся поблизости троюродный племянник и несколько лет владел им без всяких помех со стороны других родственников. Но когда после его смерти стадо перешло к его сыну, с побережья пришли два брата и, заявив, что они имеют больше прав, чем он, как сыновья двоюродного брата первого владельца стада, потребовали выкуп (Богораз В. Г. 1934. С. 190, 191). У эвенков передача прав наследства по отцовской линии соблюдалась даже тогда, когда между семьями агнатных родственников почти не поддерживались какие-либо связи (Карлов В. В. С. 138).

Общей нормой, как уже отмечалось, было отсутствие права наследования по женской линии. За дочерьми признавалось лишь право на приданое, которое обеспечивалось после смерти отца либо братьями, либо матерью. Однако в некоторых случаях эта норма варьировалась. У саамов, манси, эвенков, орочён из числа наследников исключались только замужние дочери, незамужние пользовались этим правом, причем в одних случаях они получали либо меньшую часть (манси), либо половину (саамы), либо равную долю с сыновья-

ми (эвенки Подкаменной Тунгуски) (Ефименко А. Я. С. 34; Носилов К. 1888. С. 71; Солярский В. В. С. 47; Суслов И. М. С. 61).

У оленеводов (чукчи, коряки) дочери при разделе оленей после смерти отца получали лишь лично принадлежавших им оленей, расплодившихся от подаренных при рождении и помеченных их собственным тавром. У чукчей права дочери определялись еще и тем, на чьем стойбище — отца или мужа — она жила. Если она после замужества оставалась жить в стойбище отца, то располагала такими же правами на наследство, что и сын (Дитмар Г. С. 31; Богораз В. Г. С. 190, 191). У саамов при отсутствии сыновей наследство делилось между матерью (вдовой), которая получала полную часть, и дочерьми, получавшими по половине. Если дочь была единственной, то имущество делилось на три части, из которых две доставались матери, а третья (поступавшая в приданое) — дочери (Ефименко А. Я. С. 35; Харузин Н. Н. С. 326).

Не абсолютно действовали и нормы, отстранявшие от наследования имущества семьи жену как представительницу другого рода. Признание ее прав на наследство вело неизбежно к утрате имущества родом отца и переходу его к родственникам матери, что противоречило традиции и правосознанию этих народов. У ненцев жены, как и дочери, полностью исключались из числа наследников. Даже детная вдова неотделенного сына была лишена права получить из семейного имущества долю ее мужа[51]. Но в XIX в. эта норма иногда не соблюдалась. По тем или иным причинам вдова получала часть имущества семьи, и это свидетельствует не только о том, что критерии кровного родства уступали место иным критериям при определении наследственных прав, но и об укреплении семьи как социальной ячейки, в рамках которой постепенно укоренялась частная собственность. Весьма показательно, что Обдорская инородная управа в судебных делах о наследовании отвергала притязания братьев и других родственников покойного по мужской линии, рассматривала их как попытки захвата чужого имущества, а законными наследниками признавала вдову и детей (Обдорской управы

[51] Костиков Л. В. Законы тундры//Труды Полярной комиссии. Л., 1930. Вып. 3. С. 45.

книга... С. 18, 46, 48, 60 и др.). Такое отклонение от обычая объясняется отнюдь не пережитками матриархата, хотя его следы иногда и прослеживаются в обычном праве, а влиянием государственного права России.

Обычаи предусматривали случаи, когда вдова оставалась бездетной, только с дочерьми или же с малолетними сыновьями, жила ли она у своего свекра или деверя или же выходила замуж в другой род. Полностью бесправной в этом смысле была бездетная вдова. У саамов она после смерти мужа отсылалась к своим родителям без всякого надела, ей отдавалось только приданое. У чукчей бездетная вдова должна была уйти из чума мужа, не имея даже права взять что-нибудь из домашней утвари. Ей доставались лишь ее олени, заклейменные личным тавром. И только при отсутствии всяких наследников такая вдова могла получить имущество мужа. У северных хантов после смерти бездетного мужа жене выделялось все необходимое для жизни без определения части семейного имущества, которое делилось поровну между его родными братьями или другими родственниками. В случае же отсутствия родственников имущество оставлялось у вдовы. У мужевских хантов, уже в советское время, жена наследовала мужу в случае, если была законной женой (т. е. если брак был совершен по церковному обряду или зарегистрирован в сельсовете). Если же брак был традиционным, то права на наследство она не имела. Исключение допускалось в том случае, если жена прожила с мужем дружно много лет и имела детей[52]. Срок давности имел значение и у других народов. У тех же саамов после трех, а в иных местах после шести лет брачной жизни имущество оставалось за женой, хотя бы она и не имела детей.

У народов с левиратным браком одинокая вдова вместе с имуществом переходила к тому брату покойного, который становился ее мужем. То же самое происходило, если вдова имела только дочерей. Если же у вдовы были малолетние сыновья, то она вместе с ними и имуществом попадала под опеку нового мужа или же сама становилась опекуншей под присмотром родственников. По достижении совершеннолетия сыновей наследственное имущество переходило к ним. Создава-

[52] ГАТюО. Ф. 690. Оп. 1, Д. 92. Л. 51.

лась новая семья или несколько семей, продолжавших род отца. Обычай, по которому вдова становилась опекуншей имущества мужа и малолетних сыновей, известен у многих народов. Возможно, что именно этот обычай наблюдал у чукчей В. Г. Богораз, который писал, что пожилая вдова с сыновьями-подростками получает после смерти мужа стадо оленей и всю его другую собственность, становясь хозяйкой (Богораз В. Г., 1934. С. 191). Хозяйкой общесемейного имущества в такой ситуации считалась вдова и у кетов, и также лишь до тех пор, пока не вырастали ее сыновья. При наличии взрослых сыновей действовал другой вариант: вдова, сохраняя за собой приданое, переходила на попечение одного из них.

Как видно, обычай исключал вдову из круга наследников. Самое большее, на что она могла рассчитывать, так это на опеку. Но в случае выхода ее замуж в чужой род она лишалась и этого права. И только у саамов, северных хантов и эвенков Подкаменной Тунгуски вдова получала равный пай при разделе семейного имущества. У саамов, северных хантов, нанайцев имущество семьи после смерти отца делилось поровну между сыновьями и их матерью. У хантов она имела право даже передать свою часть в свой род, но только в том случае, если не пользовалась довольствием от родственников мужа после его смерти (Дмитриев-Мамонов А. Н., Голодников К. М. С. 26). У эвенков Подкаменной Тунгуски равную долю с сыновьями получали не только мать и замужние сестры; сестра, выданная замуж, но овдовевшая и жившая в семье отца, была вправе получить часть наследственного имущества (Суслов И. М. С. 61). Однако до личной и имущественной правоспособности женщине народов Севера было еще далеко.

Несколько особняком, что, видимо, объясняется якутским влиянием, стоят долганы. У них вдова обычно жила у своего младшего сына. Если она была бездетной, то половину наследственного имущества получал брат мужа. Если же большую часть семейного стада составляли олени из ее приданого, она была вправе ничего ему не давать. Если же у вдовы были дети, то общество назначало опекуна из числа родственников мужа, который обязывался сохранить стадо, а затем передать половину его опекаемым; другая половина до-

ставалась ему. При выходе вдовы замуж в роду мужа имущество покойного оставалось у нее, но если она уходила в чужой род, ей доставалась только четвертая часть, а все остальное — родственникам мужа (Попов А. А. 1934. С. 134; 1946, с. 73).

Таким образом, обычай, отстранявший вдову от наследования семейного имущества, оставался на протяжении всего XIX в. определяющим, но уже не единственным. В ряде случаев, хотя еще редких и строго обусловленных, начинало действовать другое правило, признававшее ее в той или иной мере наследницей.

Еще меньше прав было у вдовы-мачехи. Если она оставалась бездетной, то должна была вернуться в свою семью, взяв только приданое. Если же у мачехи — второбрачной жены — были дети, то имущество делилось поровну между всеми детьми от обоих браков отца. Сама мачеха ничего не получала, но пасынки обязывались ее кормить (Ефименко А. Я. С. 35; Харузин Н. С. 326).

В заключение коснемся правил, определявших наследственные права приемышей и незаконнорожденных детей. Последние, если даже они отличались от законнорожденных, имели одинаковые права. Но в большинстве случаев такого различия не проводилось. Однако у саамов ни приемыши, ни незаконнорожденные дети при наличии прямых наследников правом наследования не пользовались, но отец мог по завещанию оставить приемышу равную с детьми долю наследства. У манси приемыши, если «жили в семье хорошо», имели равные права на наследство. У долган воспитанник из чужого рода, видимо, при отсутствии сыновей, получал половину наследства, вторая половина делилась между братьями покойного. Но если воспитанник был взят с согласия этих братьев, то имущество переходило к нему целиком (Носилов К. С. 71; Харузин Н. С. 327; Попов А. А. С. 73).

Действие основополагающего принципа наследования — имущество не должно перейти из рода отца в чужой род — хорошо видно и в случае бездетности супругов. У чукчей богатый оленевод, будучи бездетным, брал к себе кого-нибудь из бедных родственников в качестве наследника. При жизни хозяина он являлся его помощником, а после смерти становился владельцем стада. Иногда бездетный чукча, почувствовав приближе-

ние смерти, передавал свое имущество кому-либо из своих родственников или друзей. Но чаще всего бездетные семьи усыновляли мальчика или девочку, женили их и передавали им основное имущество по дому и по стаду (Богораз В. Г. 1934. С. 190). Подобный случай отмечен и у нивхов (Штернберг Л. Я. 1933. С. 14). У хантов бездетные престарелые супруги (или один такой супруг) принимали к себе другую семью, имевшую детей, и по завещанию, заверенному волостными начальниками, делали наследницей своего имущества. Принятая же семья брала на себя обязательство содержать стариков до самой смерти[53].

Наследственными правами пользовались и приемные зятья. Если у нивхов они могли наследовать часть имущества по завещанию при условии, что жили в семье тестя и не ущемляли прав законных наследников, то у орочей между зятем и тестем заключался договор, по которому зять работал в семье тестя до его смерти, а затем становился наследником (Солярский В. В. С. 46, 47). У саамов хозяин, не имевший сыновей, передавал все имущество приемному зятю, а не дочери, которая не имела права вмешиваться в распоряжение имуществом и сохраняла за собой лишь приданое. Если в семье дочери были дети, то отец мог оставить зятю или приемышу равную с ними долю (Харузин Н. С. 327). Если у хантов после смерти главы семьи в ней оставалось две-три человека, особенно если это были старухи, то рыболовные сети как основное имущество переходили к тому отделенному сыну или зятю, кто приютит их, но право пользования ими сохранялось и за прочими сыновьями, хотя бы они и обзавелись своими сетями[54].

Наследовались, помимо собственности, долги, которые независимо от величины и давности признавались обязательными. Отказ от них встречался исключительно редко. Долги платили дети и даже внуки. Долги подразделялись на личные и казенные. В любом случае они переходили к наследникам. Долг отца — главы семьи — возмещали сыновья или другие родственники,

[53] Патканов С. По Демьянке: (Бытовой и экономический очерк)//Записки Западно-Сибирского отдела РГО. Кн. 16. Вып. 2, 3. Омск, 1894. С. 30.

[54] Старцев Г. Остяки: (Социально-этнографический очерк). Л., 1928. С. 68.

получившие наследство. Им же доставалось то, что он отдал в долг (манси). У долган долги в определенных случаях переходили к вдовам. Кредиторы считали неудобным напоминать о долгах до истечения одного года. (Попов А. А. 1946. С. 73). Если же умерший был бездетным, то общество продавало часть имущества на покрытие казенных долгов (за хлеб, порох, дробь), а остальное отдавалось родственникам (сургутские ханты). Заложенное отцом имущество становилось собственностью выкупившего его сына (саамы).

Выморочное имущество у манси делилось между всеми семьями селения поровну, у саамов одна часть его шла в часовню (богу), а другая — на помин души, в милостыню старухам. У них же из наследственного имущества исключался олень, на котором везли хоронить покойника. Он продавался, и одна часть денег шла за отпев причту, а другая — бедным на помин души. У северных селькупов при отсутствии наследников имущество переходило к тому, кто воспитал умершего, или тому, с кем он прожил долго. У мужевских хантов выморочное имущество, за исключением личного, которое клали на могилу, обыкновенно сдавалось в казну, при этом часть его выделялась тому, кто хоронил умершего. При отсутствии имущества хоронивший выговаривал у родственников умершего право пользоваться его паем на вотчинное рыболовное угодье на определенный срок за труды и расходы, связанные с похоронами.

Переход наследственного имущества происходил по обычаю, без особого юридического акта. У малых народов Севера не было духовных завещаний, ни письменных, ни устных. Наследование регулировалось обычаем. И если кто-нибудь поступал вопреки ему, то его воля не имела силы. Вместе с тем в ряде случаев передача наследства осуществлялась путем завещаний (у саамов, хантов, манси, эвенков, нивхов) с целью предупреждения ссор и тяжб между наследниками. Завещатель при наследниках определял, что из семейного имущества должен получить каждый из них. При этом он должен был придерживаться обычая. У манси завещания признавались лишь в отношении родственников, не пользовались правом завещания вопреки обычаю главы семей у эвенков. Во всех этих случаях наследование происходило по обычаю, воля завещателя распространялась не на права наследников, а лишь на распределение между

ними имущества, которое тоже происходило на основе обычая.

Завещания как таковые имели место лишь в исключительных случаях — при полном отсутствии наследников или при завещании не родственникам. Иначе говоря, наследование по завещанию допускалось лишь в восполнение завещания по обычаю и имело вспомогательный характер. У северных хантов права наследования в большинстве случаев утверждались словесным завещанием, при этом имущество завещалось не только родственникам. У не имеющего родственников оно передавалось по устному распоряжению. У нанайцев и нивхов могли наследовать по завещанию приемные затья (у нивхов — даже жившие в доме работники) при условии сохранения прав законных наследников.

Завещания имели устный характер. Письменные завещания встречались единично. Нам известен лишь один такой акт — завещание князя И. П. Тайшина своему внуку Ивану Тайшину (1886 г.). Завещание было составлено по форме, в присутствии свидетелей, в том числе местного священника, обдорского сельского старосты, и послано на засвидетельствование в губернское правление (Сбдорской управы книга... С. 42, 43). В остальных двух случаях завещания были связаны с передачей части наследства русским. Старшина Пуйковской ватаги (1874 г.) включил в число своих наследников-вотчинников, имевших право на рыболовные угодья, крестного отца и крестную мать из обдорских крестьян, в чем нельзя не видеть попытки завладения этими угодьями новыми «родственниками»[55]. «Самоедская вдова Татьяна Наречина», будучи одинокой и в преклонном возрасте, завещала (1895 г.) половину оленьего стада Обдорской церкви, а вторую половину — своей замужней дочери от второго брака Анне Наречиной. При этом 40 оленей выделялись Яптику Ивану с тем, чтобы он находился при завещательнице до самой смерти в качестве управителя[56]. Завещание составлено по форме и заверено старшиной Обдорской управы Худи

---

[55] Поляков И. С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби. СПб., 1877. С. 159, 160.

[56] Обдорской управы книга... С. 90, 91. У завещательницы были две замужние дочери, которые, как наделенные ранее, от наследования отстранялись.

Вобелумой. Вполне возможно, что и в этом случае завещательница выражала не свою волю.

Ф. Энгельс указывал, что для цивилизации характерно, помимо прочего, введение завещаний, с помощью которых собственник может распоряжаться своей собственностью и после своей смерти, что этот институт прямо противоречит древнему родовому строю[57]. Народы Севера, судя по всему, не дошли до такой стадии отношений собственности, а стало быть, и наследования.

Обычное право народов Севера предусматривало опеку. Она считалась обязанностью родственников, была одним из проявлений родственных чувств и отношений. Опека принималась добровольно, в силу обычая, преследовала цель сохранения детей и имущества покойного сородича в кругу данного сообщества людей — рода или общины. Различалось несколько видов опеки: над круглыми сиротами, над детьми с матерью, над детьми, не имевшими никакого имущества, над детьми, имевшими имущество, достаточное для жизни, над детьми в зависимости от пола.

После смерти главы семьи над его несовершеннолетними детьми, вдовой и семейным имуществом учреждалась опека с выделением опекуна и установлением общественного контроля. Опеку осуществляли родственники по отцу. У нивхов, нанайцев, орочей и ольчей право на опеку принадлежало исключительно агнатам (Солярский В. В. С. 48). У хантов, по Кастрену, после смерти отца имущество семьи делилось на равные части между сыновьями, которые были обязаны содержать мать, сестер и других нетрудоспособных родственников. Если же сыновья были малолетними, то они вместе со всеми женщинами этой семьи брались в опеку ближайшими родственниками. Если же не было сына, то имущество умершего делилось между родственниками, которые и были обязаны заботиться о содержании вдовы и детей[58]. У народов с левиратным браком дети и их имущество попадали под опеку своего дяди-отчима, который по отношению к ним получал права и обязанности отца и обязанности опекуна по отношению к их наследственному имуществу.

---

[57] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 176.
[58] См.: Вестник РГО. Кн. 5. Ч. 8. СПб., 1856. С. 87.

Опекуны были обязаны содержать и воспитывать подопечных, хранить имущество, вести учет, а затем передать его в их руки. Они имели право тратить часть этого имущества на содержание подопечных. Если опекун плохо выполнял свои обязанности, то право на опеку передавалось другому родственнику. Опека продолжалась до совершеннолетия, женитьбы или замужества подопечных. Опекунство выполнялось бескорыстно. У ненцев (Архангельская губерния) попечители возвращали подопечным имущество сполна, с прибытком и с приплодом (Ефименко А. Я. С. 188). Но в ряде случаев опекуны стали претендовать на часть опекаемого имущества, на доходы от него, на калым в случае выхода замуж подопечной или на часть его, если опекуны не были прямыми родственниками. У саамов, по свидетельству А. Я. Ефименко, попечители пользовались выгодами от имущества опекаемых, у хантов и ненцев опекуны — родственники отца участвовали в дележе наследства наравне с сыновьями-наследниками (Воронов А. Г. С. 26; Костиков Л. В. 1930. С. 46). У ваховских хантов в случае вступления вдовы-опекунши в новый брак опека передавалась кому-либо из родственников мужа, который в таком случае получал все имущество умершего в полное пользование и обязывался содержать опекаемых детей (Шатилов М. Б. С. 92).

Имели место и посягательства на имущество сирот. Иные опекуны стремились слить опекаемое имущество со своим, а затем, вынудив вдову уйти к своим родным, присваивали его себе. Н. М. Суслов сообщает о присвоении наследственного имущества уже в советское время. Один эвенк умер, оставив престарелой жене и приемному сыну 600 рублей царскими золотыми монетами, около трех десятков оленей и другое имущество. Бывший старшина (видимо, родовой староста.— *В. З.*) рода Панкагир Чучана предложил вдове и приемышу перейти в его семью, взял деньги, оленей и откочевал в другой район (Суслов Н. М. С. 62).

По мере ослабления традиционных обычаев в определенных случаях право опеки получала вдова. Ее право было неполным, частичным, но оно симптоматично как один из показателей общей тенденции укрепления семьи. Наиболее характерна опека вдовы под контролем родственников умершего или общества в целом при наличии у нее малолетних сыновей — будущих наследников

семейного имущества. Она выполняла обычные функции опекуна-попечителя. Общество контролировало опеку с тем, чтобы вдова не могла нанести ущерба имуществу. Она не имела права передать его в свой род или взять с собой при выходе замуж. У северных хантов вдова-попечительница пользовалась уже большей свободой. У них опека родственников мужа учреждалась либо тогда, когда оставались одни круглые сироты, либо тогда, когда вдова признавалась почему-либо не заслуживающей доверия. Если же не возникало сомнений, то вдова самостоятельно управляла имуществом мужа и воспитывала детей, не давая никому отчета (Дмитриев-Мамонов А. И., Голодников К. М. С. 26). У манси попечителем детей и имущества мужа являлась вдова (Носилов К. С. 71).

Попечительство вдовы продолжалось также до совершеннолетия детей. Если же она вступала в новый брак, то ее опека прекращалась, а опекунами становились родственники умершего мужа. Иногда вдовы использовали свое право на опеку для того, чтобы выйти из-под их контроля. У северных хантов и ненцев они либо сразу после смерти мужа обращались в Обдорскую инородную управу с просьбой установить опеку, выбирая сами опекуна, либо отказывались с той же целью от опеки родственников мужа спустя некоторое время. В отдельных местах опека родственников мужа сводилась к опеке над круглыми сиротами, при наличии детей ее стали осуществлять вдовы под наблюдением общества. В одном из таких случаев Обдорская инородная управа учредила опеку над двумя женами ненца Худи Хазатти, имевшими лишь двух дочерей, что явно противоречило обычаю (Обдорской управы книга... С. 48, 47).

Наряду с опекой родственников отца и вдовы-матери отмечены случаи опеки со стороны неродственников. У саамов круглых сирот либо содержал весь мир, либо они отдавались на воспитание крестным. У ненцев, если родственники почему-либо не могли держать малолетних детей у себя, то отдавали их в посторонние руки с условием платить по определенному количеству оленей в год (Ефименко А. Я. С. 30, 188). У долган, если опекуном сирот был не родственник, то впоследствии он брал плату за сохранение имущества (Попов А. А. 1944. С. 84).

Опека у малых народов Севера отражала их традиционные отношения, характерные черты которых состояли в коллективизме и взаимопомощи. Система социального обеспечения у них действовала четко и эффективно. Забота о благополучии людей была общепризнанной нормой поведения. У них не имелось нищих. Дети, оставшиеся без родителей, престарелые одинокие люди находились на общественном попечении.

Переход имущества от одного человека к другому вследствие смерти был известен, как это справедливо подметил Н. Кёниг, всем народам Севера, но института наследования они не знали. Порядок перехода имущества по наследству определялся обычаем, сугубо патриархальным, отражал бесправное положение женщины. Наиболее строго его разработали оленеводы, у которых олень обладал значительной потребительской стоимостью. Переход имущества во многих случаях порождал многочисленные тяжбы, пожалуй, нигде они не возникали так часто, за исключением калыма, как при наследовании. Иногда тяжбы затевались по пустякам, но возможно, что вопрос заключался не в величине наследства, а в каких-то других причинах или представлениях, особенно в тех случаях, когда родовое (фамильное) имущество могло попасть в чужие руки.

Право наследования — одно из наиболее традиционных и консервативных отраслей обычного права в архаических обществах. Малые народы Севера не составляют какого-либо исключения. Вместе с тем их обычаи наследования подверглись значительным изменениям и деформациям как ввиду изменений социально-экономических отношений, так и в силу воздействия государственного права России, обычного права крестьянства Сибири. Они отразили борьбу двух линий в наследовании — родовой и семейной, постепенное укрепление экономических позиций семьи, связанное с утверждением прав наследования за сыновьями и частичным признанием таких прав за матерями-вдовами.

Наследование у народов Севера включало в себя не только переход семейного имущества как основного, а во многих случаях и единственного наследства от одного лица к другому, но и переход функций по управлению хозяйством семьи, в единичных случаях — должностей старост инородных управ и родовых управлений (у хантов, эвенков, коряков). В отличие от земледельческих

народов, для которых особую ценность представлял переход по наследству земельных владений, у народов Севера главное наследство составляли олени, промыслово-транспортный инвентарь, охотничьи и ездовые собаки, жилище и принадлежности к нему, т. е. то, что обеспечивало наличие таких средств существования, как пища, одежда и жилище.

3.4. Промыслово-оленеводческое право

Под промыслово-оленеводческим правом подразумеваются прежде всего юридические обычаи, регулировавшие отношения в хозяйственной деятельности малых народов Севера (охота, рыболовство, оленеводство). Важное место в экономике этих народов принадлежало охотничьему промыслу. Он давал не только пищу и материал для изготовления одежды, но и пушнину, служившую основой меновой торговли. Для некоторых из них этот промысел являлся главным источником существования. У народов Севера, как и у других народов Сибири, имелся тщательно разработанный институт охотничьего права, нормировавший все существенные его случаи, в том числе и право на охотничью территорию. Наиболее древняя норма его не признавала не только частной собственности на землю и леса, а следовательно, и на охотничьи угодья, но и права исключительного владения ими[59]. Она сохранялась вплоть до новейшего времени везде, где не изменялась заметным образом плотность народонаселения. У ительменов, по сведениям Крашенинникова и Стеллера, никогда не было споров из-за промысловых угодий ввиду их обширности. Эвены и эвенки Охотского побережья считали главным в охотничьем промысле не угодья, а охотничье счастье, без которого ничего не добудет даже самый искусный охотник[60]. Каких-либо границ охотничьих или рыболовных угодий у них не наблюдалось, но на занятые угодья никто не покушался.

Однако это совсем не означало отсутствия всяких правил пользования охотничьими угодьями. Охота раз-

---

[59] Кроль М. Охотничье право и звериный промысел у забайкальских бурят. Иркутск, 1895. С. 1—3, 14.

[60] Зибарев В. А. Из истории обычного права малых народностей Севера//Сов. этнография. 1986. № 2. С. 79.

решалась всем и везде при условии, чтобы никто не мешал друг другу, чтобы никто не мог претендовать на занятые кем-либо угодья. У ваховских хантов еще в конце XIX в. охота не ограничивалась никоим образом. Охотничьи места, и ближние, и дальние, не делились. Любой хант охотился где хотел, вплоть до Таза, Енисея и Тыма[61].

Вместе с тем у жителей каждого селения имелась своя охотничья территория, имелись свои охотничьи угодья (урманы), право пользования которыми принадлежало только им как первым освоителям этих угодий. Со временем на этой территории стали выделяться места, право охоты на которых принадлежало отдельным семьям, поставившим там свои ловушки. Это еще не дележ угодий на участки, речь идет именно о местах, где поставлены те или иные ловушки. У ваховских хантов, по сообщению Сирелиуса, каждый охотник имел для своих самострелов несколько определенных мест, которые он нашел сам или же унаследовал от отца, и где никто не мог поставить свою ловушку, не испросив его разрешения (Sirelius U. T. S. 215)[62]. В этом случае право охоты на определенное место (и время) оставалось в руках определенного человека, что означало отход от традиции, но это право, являвшееся не правом собственности и владения, а лишь правом пользования, не было еще и безусловным. Оно признавалось и за другими, но с известным ограничением — лишь с согласия первопользователя.

Иная ситуация складывалась в более позднее время и в тех районах, где аборигенов Севера потеснила русская колонизация. Там охотничьи угодья, освоенные жителями того или иного поселка, считались только их владениями. Никто другой не имел права вести в них промысел. Эти угодья во многих случаях подразделялись на семейные наделы, где действовало то же прави-

---

[61] Sirelius U. T. Reise zu den Ostjaken. Helsinki. 1983. S. 215—237. По поверьям многих народов, у каждого промыслового места имелся дух-хозяин этого места, от которого зависела удача. Старики-манси уже в советское время связывали плохую добычу зверей, птиц и рыбы с запрещением жертвоприношений этим духам (см.: Материалы по этнографии Западной Сибири... С. 170).

[62] У них действовала норма: если кто поставит где-нибудь лук-самострел и сообщит об этом другим, то никто не имеет права делать то же самое на этом месте.

ло. Нарушивший его считался вором и в первый раз отдавал где половину, где всю добычу владельцу участка. При повторном нарушении виновного вдобавок секли розгами[63]. Однако любой путник мог добывать в чужих владениях зверя, рыбу или птицу для собственного пропитания. Жители одного селения по договоренности с жителями другого в случае необходимости могли пользоваться их угодьями.

У эвенков Подкаменной Тунгуски охотничьи угодья были разделены на участки; границами их служили ручьи, овраги и другие природные приметы. Каждым таким участком владели одна или несколько семей. Право владения соблюдалось строго, всякое нарушение его наказывалось. Каждый охотился лишь на своем участке, а на чужой мог заходить только в том случае, если туда забегал зверь, за которым он гнался, или когда встречался зверь близ его границы. Если охотник убивал такого зверя на участке соседа, то половину добычи должен был отдать ему, если же добывался зверь, мясо которого употреблялось в пищу, то мясо брал охотник, а шкуру отдавал владельцу участка. Только хищных зверей, вроде волка и медведя, можно было преследовать и на чужих участках, а подстрелив их, брать добычу целиком себе[64]. Пользование охотничьим участком в этом случае означало не только право охоты на нем, но и право на часть добычи, полученной в его пределах другими охотниками. Это уже не столько пользование, сколько начало владения им.

Тщательно регламентировались права охотников на добычу. Все спорные ситуации регулировались выработанными на основе опыта правилами. От р. Оби до Охотского побережья действовал обычай, согласно которому тяжело раненный зверь доставался тому, кто его ранил, и легко раненный — тому, кто его добивал[65]. Этот же обычай действовал и у морских зверобоев — морж доставался тому, кто его тяжело ранил, если же

---

[63] Тобольские губернские ведомости. 1860. № 10. Примерно такой же обычай существовал и в рыболовном промысле. У нарушителя во второй раз кроме добычи отбиралось и то орудие, которым он промышлял, а в третий раз ко всему этому добавлялось публичное наказание розгами (15 ударов).

[64] Арефьев В. Енисейские инородцы// Сибирский сборник за 1902 г. Иркутск, 1902. С. 16, 17.

[65] Сборник обычного права сибирских инородцев. С. 22; ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.

он ускользал, то тому, кто его добивал, если же стреляло несколько человек, то зверь доставался тому, кто нанес смертельный удар (König H. 1929. S. 635). Аналогично поступали чукчи и юкагиры при поколках оленей, т. е. при коллективной охоте. Все убитые олени делились поровну (принадлежали всему обществу), и только те олени, которые раненными добирались до берега и тут добивались, принадлежали охотникам в лодке (кроме их доли). У юкагиров охотники в лодке, чтобы получить больше добычи, преднамеренно только ранили оленей (König H. 1929. S. 633).

Обычное право регламентировало и другие случаи. Так, у ваховских хантов, если кто-нибудь, преследуя зверя, перехватывал след, не зная о другом охотнике, то зверь доставался ему, если же он, идя по следу, узнавал, что зверя преследует другой, то должен был прекратить погоню. Если он нарушал это правило, то добытый им зверь отдавался первому охотнику (Sirelius U. T. S. 237). Похожее правило соблюдалось и у забайкальских эвенков: если кто ранит зверя и гонится за ним, а другой в случае набега на него этого зверя добьет его, то добыча доставалась первому охотнику. Если же при долгой погоне первый охотник уставал, а зверя добивал второй, то добыча делилась пополам (Сборник обычного права сибирских инородцев ... С. 61, 62).

У народов Севера существовал строжайший запрет брать из чужой ловушки зверя или рыбу. В случае нарушения его, а такие случаи, хотя и изредка, но имели место, виновный подлежал суду как за кражу. У охотских эвенов он возмещал ущерб в однократном размере и наказывался розгами, у обдорских хантов и ямальских ненцев — в двух- или даже трехкратном размере[66]. В последнем случае речь идет о первой четверти XX в., когда розги уже не применялись. Двойное возмещение ущерба за вынутого из чужой ловушки песца или другого зверя полагалось и у мезенских ненцев[67].

Тем самым обеспечивалось право охотника на добытых с помощью ловушек зверей, птиц или рыбу. Но

---

[66] ГАТюО. Ф. 690. Оп. 1. Д. 92. Л. 53; Житков Б. М. Полуостров Ямал//Записки РГО. СПб., 1913. Т. 9, 10. С. 220. У хантов с. Мужи виновный возвращал двух подобных зверей или их стоимость, кроме того, платил потерпевшему штраф.

[67] Архангельские губернские ведомости. 1849. № 13. С. 96.

и в этом правиле имелись исключения. Так, если кто находил добытого таким образом зверя раньше хозяина, то мог в случае необходимости взять себе до половины его, известив затем об этом хозяина и возместив ущерб. Остальное он должен был прибрать так, чтобы оно не доставалось хищным зверям (Арефьев В. С. 17). У эвенков каждый мог взять из ловушки другого охотника для пищи половину пойманного животного за исключением шкуры, не являвшейся продуктом питания и имевшей рыночную стоимость, и головы, считавшейся лакомым куском. Если же заимствовалось целое животное, то тогда полагалась компенсация чем-нибудь, вплоть до оленя. Собственник ловушки должен был быть в любом случае извещен (König H. 1929. S. 640). Если кто добывал на виду у другого пушного или мясного зверя, то должен был поделиться с ним частью добычи (армакские тунгусы и др.). М. Кроль, наблюдавший этот обычай у селенгинских (закаменских) бурят, пишет, что посторонний (т. е. видевший) требовать что-либо был не в праве, убивший зверя юридически ни к чему не был обязан, но общественное мнение требовало от него великодушия. Такое расхождение правовых и этических воззрений объясняется тем, что этические взгляды являются или остатком уже изчезнувших социальных форм, или только идеями новых общественных форм, не ставших еще нормами права (Кроль М. 1895. С. 14, 15).

У многих народов Севера прослеживается обычай, обязывающий охотника делиться первой добычей с другими; нарушение его влекло за собой утрату охотничьего счастья (везения, удачи) и осуждалось общественным мнением.

Другой комплекс норм связан с нанесением ущерба во время охоты, как умышленного, так и неумышленного. У ненцев Мезенского уезда если кто-либо, вытаскивая щенят из чужих лисьих или песцовых нор, ломал норы и тем причинял убыток, обязан был возместить ущерб по взаимному согласию. Если же кто занимал эти норы либо забор в реке или озере, а прежнего владельца не допускал к ним, то должен был возместить весь причиненный вследствие этого ущерб. Существовала норма, запрещавшая индивидуальную охоту на общем промысловом месте. Если кто-нибудь прибывал на него раньше других, охотясь, распугивал зверей и

лишал тем самым промысла остальных охотников, то добыча делилась на всех потерпевших убытки[68].

Обычаями же регулировалось распределение охотничьей добычи. В первобытном обществе она принадлежала всем. И в рассматриваемое время во многих случаях добыча считалась общим достоянием жителей того или иного селения. Так, право на мясо, жир и шкуру кита имело не только все население поселка, но и жители других мест, если они оказывались поблизости. В дележе мяса и жира белого медведя, тюленя, лахтака принимали участие все, кто хотел. Охотничья добыча делилась между всеми при голоде или недостатке продовольствия[69], а также там, где сохранялся первобытно-коммунистический принцип ее распределения.

Однако этот принцип не распространялся на меха, шкуры, китовый ус, имевшие товарную стоимость, и касался исключительно мяса и жира, шедших в пищу. Был подорван и его уравнительный характер. Мелкие млекопитающие, птицы принадлежали тому, кто их добыл. Различного рода привилегии при дележе добычи предоставлялись участникам охоты.

У чукчей право на шкуру белого медведя принадлежало не тому, кто его убил, а тому, кто первый его заметил. У эвенков Охотского побережья шкура бурого медведя отдавалась почетнейшему из сородичей, бывших на промысле.

В отличие от степных народов у народов Севера не применялись на охоте облавы и реже, за исключением морской охоты, встречались артели. Если же они создавались, то действовало правило добычу и убытки делить поровну. Если у мезенских ненцев один не отдавал другому при совместном промысле половины добычи, то должен был вернуть неправильно удержанное. Если же кто при совместной охоте на море повреждал лодку или что-нибудь другое и тем самым останавливал промысел, то был обязан возместить убыток на столько, на сколько другие охотники добудут[70].

В связи с изменением хозяйственных занятий менялось и соотношение юридических обычаев, большая

---

[68] Там же. С. 95, 96.

[69] König H. 1929. S. 629—641; Гапанович И. И. Камчатка: (Природа, население, хозяйство). Владивосток, 1926. С. 20.

[70] Архангельские губернские ведомости. 1849. № 13. С. 96.

часть которых регулировала отношения в новой сфере. Так, у забайкальских эвенков, перешедших к скотоводству, и отчасти к земледелию, объем промысловых обычаев вообще и охотничьих в частности сократился до минимума (Сборник обычного права сибирских инородцев ... С. 34—35—38; 59—62). Зато появились нормы, предохраняющие скот от попадания в охотничьи ловушки (не копать ямы для ловли зверей, не ставить самострелы ближе определенного расстояния от стойбищ и т. п.) или же предусматривающие компенсацию ущерба.

***

Рыболовецкое право сродни охотничьему. Оно включает в себя нормы, регулирующие владение рыболовными угодьями и снастями, распределение добычи, а также меры наказания за нарушение общепринятых правил. Объем этого права меньше охотничьего, хотя рыболовство занимало ведущее место в обеспечении многих малых народов Севера пищей.

Рыболовные угодья делились на мелкие и крупные. В первом случае они располагались на небольших речках или озерах, где водилась малоценная рыба. Лов рыбы на таких водоемах был свободным, всякий мог добывать ее там, где хотел. Однако, как правило, у каждой семьи имелись свои постоянные, привычные места. У карагасов, по сообщению Б. Э. Петри, не нужно было спрашивать разрешения на рыбную ловлю даже в чужом урочище; действовало правило: «Где остановился, там и добывай»[71]. Если же кто-то расчищал рыболовное место или ставил постоянно ловушки на одном и том же месте (запор, котец), то получал право на владение ими, которое могло передаваться по наследству (ваховские ханты, кеты и т. д.) (Sirelius U. T. S. 198; Алексеенко Е. А. С. 72). Однако и в этом случае действовало правило, ограничивающее индивидуальное пользование угодьями. Хозяин котцов был не в праве отказать претендентам на совместную ловлю рыбы, особенно тогда, когда им не везло в других местах.

---

[71] Карлов В. В. Указ. соч. С. 30; Петри Б. Э. Охотничьи угодья и расселение карагас//Сб. трудов Иркут. ун-та. Иркутск, 1927. Т. 43. С. 357.

Крупные рыболовные угодья (пески) больших рек (Обь, Енисей, Вах, Таз и др.) принадлежали находившимся вблизи селениям, иначе говоря, находились в общинном владении. Ввиду того, что население было малочисленным, а селения располагались далеко друг от друга споров из-за владения песками не наблюдалось, хотя и существовал запрет на пользование ими для лиц, не входивших в данную общину. Пески в одних случаях использовались коллективно, сообща всей общиной-юртой, в других (кеты, селькупы) — семьями. В последнем случае либо невод забрасывался поочередно, либо пески делились на участки (тони).

С появлением рыбопромышленников пески стали сдаваться в аренду и приносить доход. Это привело к тому, что право на владение ими фиксировалось более строго, а владельцы песков получили название вотчинников. В этом вопросе до сих пор нет достаточной ясности. Одни исследователи считают, что вотчины включали в себя всю землю, т. е. все пространство, в том числе и воды, принадлежавшие тому или иному селению; другие появление вотчинного права связывают с переходом от родового пользования угодьями к территориально-общинному, причем к вотчинникам относят тех, кто продолжал сохранять право на владение всей или частью бывшей родовой территории, подразумевая под этим прежде всего рыболовные угодья [72].

На нижней и средней Оби и их притоках рыболовными угодьями владели и ненцы, и ханты, иногда такое владение имело совместный характер (в сдаче в аренду песков около юрт Паули чередовались ненцы и ханты), но основными вотчинниками являлись ханты; неслучайно и Обь называли рекой остяков.

Вследствие миграций, вымирания и других причин количество вотчинников постоянно сокращалось и в конечном счете во владении небольших групп родственников и даже отдельных семей сосредоточивались обширные промысловые угодья. Так, девяти вотчинникам юрт Хоровой принадлежала громадная площадь земель с водами, начиная от р. Хэ и до верховьев Надыма. Они сдавали в аренду угодья по р. Хэ. Одно из лучших на

[72] Поляков И. С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби. СПб., 1877. С. 158; Пелих Г. И. Селькупы XVII в. Новосибирск, 1981. С. 109—111; Хомич Л. В. Ненцы. М.; Л., 1966. С. 153.

Оби рыболовных угодий — остров Яр с прилегающими к нему другими песками — находилось во владении братьев Хозери и Полетэ, получавших 400 рублей арендной платы. Песком Ямбур сначала владели 10 хозяйств, в 1914 г. — только 2, а в 1917 г.—1 (Поляков И. С. С. 157; Хомич Л. В. С. 153). Известен и такой случай, когда право на рыболовные пески сохранялось за вотчинниками, не жившими в этой местности. Так, песок Куяльский на р. Оби рядом с селом Парабельским сдавался в аренду (под так называемое неводное заведение) тремя селькупами, проживавшими в 400 верстах от этого песка, в верховьях р. Парабели (Пелих Г. И. С. 111).

Право владения песками, по существу, было коллективным правом. Никто из вотчинников не мог выделить свою долю, сдать ее в аренду или распорядиться каким-либо другим образом. Песок сдавался в аренду только с согласия всех вотчинников при равномерном распределении дохода. Право владения передавалось по наследству и регулировалось определенными правилами. У ненцев, например, при отсутствии прямых наследников после смерти главы семьи это право могло перейти к его брату. Его могла унаследовать и жена умершего, но если она выходила замуж в другой род, то лишалась этого права. За замужней дочерью признавалось право лишь на некоторую часть арендных денег, получавшихся ранее ее отцом. Обдорская инородная управа в ноябре 1882 г. дважды рассматривала спор вотчинников рыболовных угодьев Индейские салмы. В конечном счете жена покойного Авдотья Ерметдина была исключена из числа вотчинников как вышедшая замуж в род Адеров. Законными вотчинниками управа признала брата и дочь умершего Ванази Ерметдина, а также Авдотью и Наталью Хандеровых (Обдорской управы книга ... С. 31, 32). Последние были вотчинниками и ранее, их родство с покойным не оговорено управой. Однако точных норм на этот счет, по-видимому, не существовало, все решалось в каждом конкретном случае, исходя из общепринятых представлений, что соответствует характеру обычного права народов Севера, не знавшего строгих и повсеместно соблюдаемых предписаний. Так, в другом случае наследниками права на владение рыболовными угодьями признавались двоюродный брат мужа и вдова, которая при новом замужестве должна

была отделить половину принадлежавшей ей части этому брату (Поляков И. С. С. 159).

Судя по документам, вотчинниками того или иного рыболовного угодья (песка) могли быть и группа родственников, и несколько таких групп, проживавших совместно в одном селении. Самые крупные группы, известные нам, насчитывали по двадцати вотчинников (видимо, глав семей), самые маленькие — не более двух. В то же время один человек мог быть вотчинником двух (а возможно, и более) песков.

Вотчинное право с неизбежностью порождало конфликты, часть из которых рассматривалась в судебном порядке. Одни претендовали быть включенными в круг вотчинников того или иного песка, другие, будучи вотчинниками, требовали себе большей доли[73]. Не исключено, что туземная верхушка могла, используя свое положение, постепенно устанавливать исключительное право на владение рыболовными песками. Осенью 1894 г. остяк князевых юрт Иван Самродов подал жалобу на старшину Обдорской управы Тайшина, не признававшего его вотчинником песка Аз-Том-Пан (Князевский песок) и не выдававшего ему пай из арендных денег. Дело рассматривалось в Обдорской инородной управе, отказавшей Самродову в иске. Указывалось, что Иван Самродов, хотя и жил в одних юртах с Тайшиным, никогда не являлся вотчинником, песком владел еще князь И. М. Тайшин с семейством, после его смерти песок перешел «во владение инородцев рода Тайшина в количестве 15 человек-вотчинников» (Обдорской управы книга ... С. 81, 82).

Владение рыболовными песками, на которых добывалась ценная рыба, приносило гарантированный, а иногда значительный доход, что порождало стремление закрепить право на владение ими. Однако до установления частной собственности на рыболовные пески дело не дошло. Ее не было не только у малых народов, но и у русского населения, у которого они находились в пользовании всей деревни. Вероятнее всего, в уста-

[73] Бывали случаи, когда рыбопромышленники, конкурируя друг с другом, заключали договоры на аренду одного и того же песка с отдельными вотчинниками, что также порождало конфликты.

новлении такой собственности не было никакой необходимости.

Как видно, рыболовные угодья находились в общественной (общинной) собственности. Рыболовные же снасти и транспортные средства, использовавшиеся для добычи рыбы, составляли собственность отдельных семей. У енисейских ненцев (юраков) на поплавки сетей ставились тамги — знак семейной собственности[74] (Попов А. А. 1944. С. 84).

Крупные же ловушки (запоры, заездки и т. п.), сооружавшиеся коллективным трудом, находились в общественной (общинной) собственности и использовались для совместной добычи рыбы. Однако и семейная собственность на промыслово-транспортный инвентарь не являлась безусловной. Каждый из соседей, не говоря уже о родственниках, не имевший собственных сетей или лодки, мог пользоваться снастями всякого другого хозяина, для чего должен был только заявить о своем желании, а тот не в праве был отказать ему, если только сам в это время не нуждался в них. Но если он брал их без спроса, то половина добычи отдавалась владельцу снастей (ханты, кеты и др.)[75]. Если течением реки уносило сети с рыбой, то нашедший их рыбу брал себе, а сети возвращал владельцу.

Добыча рыбы велась как индивидуально, так и коллективно; в последнем случае, связанном с использованием крупных орудий лова (неводов, заездов, котцов), соблюдался принцип равенства: либо добыча делилась поровну, либо поочередно использовались сами орудия лова. Возможно, что этот принцип рыбопромышленники заимствовали для эксплуатации инородцев. Они снабжали их орудиями промысла и некоторым количеством продовольствия, получая за это бесплатно половину улова; другая половина доставалась самому рыбаку, который сдавал ее рыбопромышленнику обычно по низкой цене. Эксплуатация здесь накладывалась на традиционный обычай: рыбопромышленник-хозяин и наемный рабочий-инородец выступали как равноправные партнеры с мнимым равенством распределения добытой

---

[74] Попов А. А. Енисейские ненцы (юраки)//Известия Всесоюзного геогр. общества. 1944. Т. 176. Вып. 2—3. С. 84.

[75] Швецов С. Указ. соч. С. 22; Алексеенко Е. А. Указ. соч. С. 72.

рыбы. На таких же основаниях в Нарымском крае создавались охотничьи артели из инородцев и русских крестьян, а также артели по сбору кедровых орехов[76].

Рыбная ловля регламентировалась определенными правилами. Так, нельзя было рыбачить на чужой речке без разрешения, запруды и прочие приспособления для ловли рыбы не должны были мешать друг другу. У васюганских хантов полагалось под угрозой штрафа поднимать запоры, чтобы рыба могла зайти в озера и притоки Васюгана (Sirelius U. T. S. 103).

Наиболее общий принцип первичного распределения заключался в том, что рыба принадлежала тому, кто ее поймал, причем этот принцип действовал во всех случаях, как при индивидуальном, так и коллективном лове. «У рыбачьих племен, живущих у Полярного моря,— сообщалось в одном из трудов XIX в.,— рыбу дозволяется ловить каждому, где ему угодно, но пойманная рыба принадлежит тому, кто ее поймал...»[77]. Непойманная рыба принадлежала всем, т. е. никому в отдельности. Что же касается непосредственного, вторичного распределения, то здесь действовал коммунистический принцип, разумеется, уже с известными ограничениями. Добывший рыбу и ставший вследствие этого ее собственником согласно обычаям делился ею с родственниками, соседями и не считал никогда возможным отказать в просьбе нуждающимся в пище. У обских хантов и других народов обычаем разрешалось из запретного места на реке или других водоемах брать столько рыбы, сколько нужно для дневного пропитания, но не больше этого. У кетов разрешалось при необходимости брать рыбу из сетей и ловушек своего сородича или соседа с извещением затем хозяина (Поляков И. С. С. 65; Алексеенко Е. А. С. 73).

Однако это совсем не означает отсутствия конфликтов, время от времени они случались. Имели место споры из-за места на рыбалке, драки при дележе добычи, кража ловушек или рыбы из них, нарушения правил, регламентировавших добычу рыбы. Во всех таких случаях действовали по обычаю. Если конфликт не устра-

---

[76] Костров Н. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876. С. 60.

[77] Хлебников Н. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872. С. 111.

нялся примирением, его разрешали в судебном порядке; виновный подвергался тому или иному наказанию либо выплачивал материальную компенсацию. Так, баишенский селькуп Афонька Кусамин ночью, тайно, не в свою очередь закинул невод на рыболовном песке и получил за это 21 удар розгами. Наказание происходило таким образом: постелили оленью шкуру и велели ему лечь. Стегали двое и с двух сторон: с одной стороны бил родовой старшина, с другой — кто-то из сородичей[78].

Рыбный промысел у малых народов Севера, так же как и охотничий, был сопряжен с магическими представлениями и действиями (обрядами). Считалось, что у каждого водоема есть свой хозяин — дух, которому этот водоем принадлежит и которого нужно умилостивить, чтобы обеспечить удачный лов рыбы. Енисейские эвенки считали обиталищем духа реки скалы с писаницами[79]. Весной, когда вскрывались реки, делались жертвоприношения этим духам: в воду бросали бруснику, крупу, табак. С жертвоприношений начиналась потом и сама рыбная ловля. У нивхов на берегу реки, на возвышенном месте, убивалась собака, мясо варилось и съедалось, а шкура вывешивалась на длинном шесте[80]. Существовали священные озера со строгим запретом добычи в них рыбы (оз. Нумто у хантов). У народов Амура в начале зимы, как только устанавливался лед, начинался лов осетров. Если это случалось сразу же после новолуния, то они ни за что не продавали эту рыбу (до нового новолуния), так как считали, что осетры рассердятся и не будут больше ловиться.

***

Сущность обычного права кочевников-оленеводов заключалась в ограждении от похищения или захвата оленей. В этом смысле оно сближалось с правом скотоводческих народов, имевшем аналогичную цель. Конфликтов из-за пастбищ, охватывавших огромные территории, почти не происходило, здесь всем хватало места,

---

[78] Островских П. Е. Баишенские «остяки» (остяко-самоеды) Туруханского края в конце XIX века//Советский Север. 1931. № 7—8. С. 165, 166.

[79] Василевич Г. Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям у тунгусов//Этнография. 1930. № 3. С. 68.

[80] Домашняя беседа. 1859. Вып. 34. С. 322.

здесь никто никого не стеснял. «Хотя обдорские инородцы имеют много оленей,— сообщалось в местной прессе,— никаких спорных дел не возникает, так как всем достаточно пространств»[81].

Однако это не означало отсутствия какой-либо регламентации. Пользование пастбищами регулировалось обычаями, в основе которых лежал принцип: никто не должен мешать другим. У эвенов Охотского побережья несколько производственно-стойбищных групп придерживались определенной хозяйственной территории, границы которой признавались всеми соседями. Угодья находились в общественном пользовании, никто из оленеводов не претендовал на преимущественное право владения ими. Ввиду обширности территорий, малочисленности населения недостатка в пастбищах не было. Особых разногласий из-за них не существовало. Если и возникали какие-то трения, то они разрешались просто — уходом отдельных групп на новые, еще не обжитые места (Попова У. Г., С. 102).

Оленеводы при перекочевках старались не мешать друг другу, не допускать перемешивания стад. Между отдельными племенами имелись свободные зоны, как, например, между чукчами и коряками, что предотвращало межплеменные столкновения из-за хозяйственных территорий.

В тех же местах, где ощущалась земельная «теснота», конечно относительная, пастбища фиксировались более определенным образом за отдельными группами кочевников-оленеводов. Из сообщений Б. М. Житкова и М. М. Броднева видно, что полуостров Ямал был как бы поделен между родовыми и территориальными группами ненцев. Каждый владелец стада мог точно указать границы своих пастбищ и всей группы. Однако и в этом случае жесткого распределения пастбищ не наблюдалось. Земля считалась общей собственностью, и сложившийся порядок землепользования охранялся правовыми нормами[82].

Вместе с тем приоритет в выборе кочевых маршрутов принадлежал богатым оленеводам. У чукчей и эвенов Охотского побережья владельцы крупных стад захва-

---

[81] Тобольские губернские ведомости. 1860. № 10.

[82] Броднев М. М. Из истории земельных и имущественных отношений у ямальских ненцев//Советская этнография. 1959. № 6. С. 70—73.

тывали лучшие пастбища и никто не мог подойти со своими стадами на ближайшие к ним места [83].

Конфликтов в оленеводстве, как в хозяйственной отрасли, если иметь в виду их диапазон, а не количество, было, пожалуй, меньше, чем в охоте или рыболовстве, поскольку из их числа почти полностью исключались конфликты из-за пастбищ. Большая часть их связана не с выпасом оленей, т. е. не со сферой самого производства, а с их кражей или захватом.

Юридических обычаев, регулировавших отношения в оленеводстве, немного. Это прежде всего обычаи, определявшие отношения между владельцами крупных стад и пастухами, из которых исключались условия найма, они никогда не оговаривались. Обычаи определяли лишь меру ответственности пастуха за сохранность стада.

У ненцев и хантов Тобольского Севера действовало три правила. Если по вине пастуха происходила потеря оленей, то хозяин был вправе взыскать с него часть или половину убытка, смотря по степени вины, причем иногда такой пастух лишался доверия на будущее время. В случае падежа оленей пастух имел право употребить в пищу мясо, но должен был возвратить шкуры хозяину. Если пастух по причине голода съедал нескольких оленей, то дело оставлялось без рассмотрения, а со шкурами поступали так же, как и в предыдущем случае [84].

Примерно такие же правила действовали и при сдаче на время для пастьбы оленей мелкими владельцами кому-либо из соседей. Если при этом олени терялись, то хозяева требовали полностью компенсировать убытки, в том числе и возможный приплод. Но для этого требовалось доказать вину пастуха. В 1889 г. Обдорская инородная управа отказала в иске по этой причине инородке Шурышкарских юрт Анне Кельчиной к инородцу Люймасских юрт Степану Черасхову, которому она передала в 1888 г. для пастьбы 44 оленя, а обратно получила только 30. Эта же управа отказала четырем инородцам в подобном иске к пастуху Тидам Куроптину, признав только иск Лял Вачина, доказавшего факт

[83] Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965. С. 202.

[84] Сборник обычного права сибирских инородцев... С. 22, 23; Тобольские губернские ведомости. 1860. № 10.

продажи пастухом двух его оленей (Обдорской управы книга ... С. 51, 52, 53). Но в обоих случаях оговаривалось, что если пострадавшие представят доказательства вины пастухов, то последние должны будут понести ответственность.

Обычаем определялась и ответственность взявшего оленей на подержание. Если олени пропадали из-за несчастного случая, то он освобождался от компенсации ущерба хозяину. В таких делах иски возбуждались редко и еще реже удовлетворялись, да и то либо частично, либо наполовину [85].

Существовали также определенные правила, связанные с перекочевками: они не должны были причинять вред охоте. У нганасан, например, чтобы не распугивать песцов и диких оленей, сроки откочевки с зимних пастбищ строго регулировались властями (раньше—князцами, позднее — председателями сельских Советов) [86].

Наиболее распространенными преступлениями были кражи и захват оленей, причем, по материалам Обдорской инородной управы, преобладали кражи и захват оленей у чужеродцев и иноплеменников. Присваивали отбившихся («отматившихся») оленей, присвоением сопровождалось смешение стад при перекочевках, их отстреливали под видом охоты на диких оленей.

За кражу компенсация взыскивалась в большем размере, чем за присвоение. У ненцев Архангельской губернии за переклеймление чужих оленей полагалась двойная компенсация, такая же компенсация предусматривалась в случае присвоения оленей при смешении стад. У мужевских хантов уже в советское время за одного украденного оленя взыскивалось четыре [87]. Такой же подход виден и в судебной практике Обдорской инородной управы. За кражу оленей помимо возмещения ущерба полагалось наказание розгами, как за кражу вообще. В случае же присвоения оленей при смешении стад дело ограничивалось возвращением оленей хозяину (Обдорской управы книга ... С. 44, 45, 65). При кражах вопреки обычаю компенсация взималась в однократном или полуторном размерах.

---

[85] Тобольские губернские ведомости. 1860. № 10.

[86] Попов А. А. Тавгийцы. М.; Л., 1936. С. 37.

[87] Архангельские губернские ведомости. 1849. № 13. Отдел второй. Часть неофициальная. С. 96; ТФ ГАГюО. Ф. 690. Оп. 1. Д. 92. Л. 52.

О приблудившихся оленях полагалось извещать соседей, иначе это могло рассматриваться как присвоение их. Имел место и захват оленей в большем количестве по сравнению с потерявшимися с тем, чтобы принудить другую сторону к взаимному расчету.

Приведенный выше материал, который представляется отнюдь не полным, позволяет отметить, во-первых, меньший объем правил, регулировавших отношения в оленеводстве по сравнению с охотой и рыболовством, и, во-вторых, отсутствие среди них норм, регулировавших сферу распределения и потребления. Общий смысл юридических обычаев заключался в охране права собственности на оленей, которое уже само собой определяло отношения в сфере распределения и потребления. Меньшая значимость принципа коллективизма свидетельствует не только о более позднем происхождении оленеводства, но и о более высоком уровне в нем отношений собственности.

3.5. Договорное право

Договорное право — одна из наименее разработанных отраслей обычного права народов Севера. На раннем этапе истории этих народов регуляторами экономических отношений между людьми выступали обычаи взаимопомощи, гостеприимства, дарения, уравнительное распределение[88]. С ослаблением этого механизма вследствие усиления обмена все большее значение приобретали отношения, построенные на основе договоров и сделок. Однако натуральный, потребительский характер хозяйства, ограниченность сферы товарно-денежных отношений не способствовали широкому распространению этих отношений и развитию на этой основе соответствующих отраслей обычного права.

---

[88] Одним из таких обычаев был так называемый молчаливый заем — самовольное присвоение чужой добычи. Согласно ему каждый нуждавшийся мог взять из чужой ловушки для личного потребления зверя, рыбу или птицу без ведома хозяина, но должен был вновь насторожить ловушку. У селькупов, эвенков, ительменов и других народов права такого займа распространялись и на продукты питания, в том числе покупные. Охотник во время промысла в случае необходимости мог взять из чужого лабаза нужное количество продовольствия с обязательным извещением хозяина и возвращением по возможности взятого (Сергеев М. А. С. 177).

У народов Севера совершались такие сделки и договоры, как обмен, купля-продажа, личный наем, залог. Нижеследующее описание их основано на изучении материалов о саамах, хантах и отчасти ненцах, т. е. таких групп народов Севера, которые испытали наибольшее воздействие русского населения.

Все сделки совершались словесно, и лишь сделки с русскими оформлялись, правда не всегда, письменно. Заключение сделки или договора проходило несколько фаз: ряженье (ряда), рукобитье, а иногда и угощение. Причем последнее под влиянием русских получало все большее распространение. У саамов употребление спиртных напитков сопровождало всякие подряды, продажи и покупки. Как видимый знак договора (при мене и купле-продаже) употреблялось рукобитье, после которого договор вступал в силу и отказ от него влек за собой определенные последствия. При заключении договоров и сделок обязательно присутствовали свидетели (число их не было определено). Договоры обеспечивались задатком или поручительством. Поручитель имел право требовать выполнения договора от того, за кого поручился, в крайнем случае сам должен был выполнить его, что бывало очень редко. У хантов наиболее крупные договоры (по сумме) обеспечивались клятвой на медвежьих лапах (при долговых обязательствах они заставляли совершать этот обряд и русских). Права и обязанности, сопряженные с договором, переходили к наследникам, но только в том случае, если они жили вместе с договаривающимся или получили их имущество. Народы Севера считали постыдным и греховным делом неисполнение слова, обещания или договора, проявляли при всевозможного рода сделках исключительную честность (Дмитриев-Мамонов А. И., Голодников К. М. С. 27; Ефименко А. Я., С. 37; Воронов А. Г. С. 29).

Купля-продажа еще в конце XIX в. даже у саамов была редким явлением, они предпочитали мену. Меняли обычно неоднородные вещи (оленей на сукно и дрова, шерсть на предметы роскоши и т. п.). По существу, это была меновая торговля, и саамы говорили не «Я променял», а «Я купил за оленя то-то». В мене различалось три договора: обещание обменять вещь к определенному сроку, обещание доставить обмениваемую вещь к сроку и собственно мена. Мена завершалась рукобитьем,

являвшимся главным моментом сделки. После него стороны уже не могли отказаться от договора и на нарушителя его уже можно было жаловаться в суд [89]. Позднее с развитием денежного обращения наибольшее распространение в ряде мест получила купля-продажа, объектом которой служили продукты промысла, предметы домашнего обихода, одежда и т. п. Моментом заключения сделки считалась передача продаваемой вещи (Шатилов М. Б. С. 87).

У саамов купля-продажа включала предварительные переговоры и рукобитье, которое могло иметь несколько различающихся значений: запродажи, или поставки, и собственно купли-продажи. Сам акт ее состоял в следующем. Вещь передавалась одной рукой продавцом, и в тот момент, когда она бралась покупателем, тот должен был передать в другую руку его деньги. Если продавались большая вещь или животное, то передавали часть предмета либо какую-нибудь принадлежность упряжи животного (при продаже оленя передавалась возжа, при продаже овцы — веревка или клок шерсти). Затем следовали «литки» (т. е. выпивка), водка для которых покупалась обеими сторонами: сначала продавцом, потом покупателем (или наоборот). Иногда покупка водки оговаривалась заранее (кому и сколько). Свидетели при купле-продаже были обязательны лишь при крупных сделках, при особой ценности покупавшегося предмета. Они избирались из посторонних, не родственных лиц.

Сам договор о продаже был заимствован у русских, а форма, в которой он осуществлялся, осталась традиционной, применяемой саамами при мене. Ее просто перенесли на договор о купле-продаже. В случае обмана при мене или купле обманутый имел право требовать отмены сделки. Суд в таких случаях присуждал виновного не только к возвращению полученного, но и к штрафу в пользу обиженного, обычно водкой. Но если в вещи были скрытые недостатки, то суд устанавливал, знал ее хозяин об этом или не знал. Сделка (мена) в обоих случаях признавалась недействительной, но если хозяин не знал, то этим дело и кончалось, если же знал, но обменял — платил штраф. Мена, совершенная по

---

[89] Харузин Н. Русские лопари. М., 1890. С. 329.

ошибке, если ошибка доказывалась, также считалась недействительной (Харузин Н. С. 328, 329).

Обыденным явлением был заем. Его объектом служили разного рода материальные ценности, главным образом, продукты и охотничьи припасы, причем возврату подлежали подобного же рода ценности, лишь в редких случаях заем погашался беличьими шкурами. Расписок при займах не бралось. Формальным моментом займа являлась передача объекта займа при свидетелях (Шатилов М. М. С. 88). У ненцев и других народов сумма займа (долга), подтвержденная тамгой, обозначалась на деревянной бирке — рубеже, которая раскалывалась надвое, одна половина оставалась у заимодавца, другая — у должника (Ефименко А. Я. С. 201). По мере выплаты на ней состругивалась часть знаков, обозначавших сумму долга. Существовали правила, определявшие заем. Согласно одному из них взявший взаймы оленей или вещи в случае пропажи их по обстоятельствам, не зависящим от него, освобождался от возврата взятого или выплаты компенсации за них (Тобольские губернские ведомости. 1860. № 10. С. 78), в чем нельзя не видеть влияния патриархальных отношений.

Вместе с тем отмечены случаи отдачи денег и вещей в долг с процентами. Если бралась в долг важенка, то она возвращалась через год с приплодом, за десять рублей, данных взаймы на год, бралось одиннадцать рублей (Ефименко А. Я. С. 198). Одна из особенностей долговых обязательств — отсутствие сроков давности. Платили долги и через двадцать-тридцать лет и не только за себя, но и за отца или деда, так как считалось, что неоплаченный долг причиняет мучения им в загробной жизни.

Отмечено, что взаимопомощь, как правило, не оказывалась деньгами. Так, ханты охотно делились друг с другом своей добычей, деньги же ссужали с трудом и на нелегких условиях. На Васюгане брали за деньги, отданные взаймы, 25—30%, а иногда и 100%. Русские и евреи давали в заем на еще более кабальных условиях (Воронов А. Г. С. 33).

Личный наем у народов Севера встречался редко. Договоры заключались словесно. У хантов при наймах на работу почти всегда давался задаток — половина условленной платы. Если нанимался неотделенный сын,

необходимо было согласие родителей, а при наличии большой семьи — еще и большака (т. е. главы ее). Срок найма строго не был определен, обычно он составлял год. Не была одинакова и плата. Реже нанимались за деньги, обычно — за одежду, оленей и овец. Положение работника в семье ничем не отличалось от положения остальных ее членов (одежда, пища — все было одинаковое). В случае дурного обращения работник мог жаловаться миру, а тот присуждал хозяина к штрафу. Хозяин, в свою очередь, имел право бить и бранить работника за дело. В случае жалобы миру работник подвергался телесному наказанию, которое выполнял либо хозяин, либо отец работника. Если работник работал несколько лет, то имел право пасти свой скот, полученный за работу, вместе с хозяйским скотом (Дмитриев-Мамонов А. Н., Голодников К. М. С. 27; Харузин Н. С. 331).

Залог описан А. Я. Ефименко у саамов и ненцев. Вещью, сданной под залог, пользоваться запрещалось, так как можно было причинить ущерб (вещь можно было сломать, испортить, а она могла стоить дороже денег, взятых в залог). Но на оленях, данных в залог, ездить было можно, так как никакого вреда им от этого не причинялось. Если вещь не выкупалась в срок, то она становилась собственностью того, кому была заложена, и он мог ее продать, а деньги обратить в свою пользу. Заложенное отцом и выкупленное сыном имущество становилось собственностью выкупившего (Ефименко А. Я. С. 29, 37, 304).

У хантов применялась поклажа как вид договора. Оставленные на сбереженье вещи хранились так же, как и имущество хозяина. Если за поклажу оговаривалась плата, то хозяину вещи вручалась длинная палка, на которой делались каждый день нарезки, чтобы определить время действия договора.

***

Юридические обычаи, как и вся доправовая культура народов Севера, обусловлены исторически. Ее неразвитость, примитивизм объясняются неразвитостью имущественных и общественных отношений. По сравнению с обычным и тем более с государственным правом для нее характерны меньший объем и дифферен-

ция, слабо выраженная нормативность, исключительный партикуляризм, отсутствие обобщенных юридических представлений. Доправо этих народов удивительно конкретно. Основой его являлся по-прежнему обычай-предшественник и один из источников норм права. Юридическим обычаям принадлежала существенная роль в регулировании важнейших сторон патриархально-родового общества, подобная, если допустима такая аналогия, роли государственных законов. Корни юридических обычаев крылись непосредственно в самой жизни, создателем их был сам народ. Выражая его волю и юридические представления, они более чем все позднейшие правовые установления соответствовали условиям материальной и духовной жизни, имели подлинно демократический характер.

К XX веку традиционная юридическая культура народов Севера выглядела иначе, чем тремя столетиями раньше. Она претерпела известную модернизацию. Наряду с обычаями как древнейшего, так и новейшего происхождения, испытавшими те или иные изменения, в нее входили отдельные нормы обычного права, а у некоторых народов — и государственного права. Сосуществование столь различных элементов отражало переходное состояние юстиции этих народов в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиционная юстиция малых народов Севера, подвергавшаяся в той или иной мере внешним влияниям, была создана самими этими народами, обусловлена внутренними потребностями их исторического бытия. При всей своей элементарности она вполне отвечала требованиям самоуправляющегося общества как один из его институтов, отличалась высокой эффективностью. С XVII в. определяющим фактором эволюции юстиции народов Севера стало воздействие России, ее суда и права, изменение социально-экономических условий жизни. Разумеется, что правотворчество народов Севера на этом не прекратилось, но все большее место в нем стала занимать рецепция.

В принципе юстицию малых народов Севера можно представить как сумму всех их судебно-правовых систем. Несмотря на различия, они составляли единый комплекс, отличавшийся от судебно-правовых комплексов бурят, якутов и других народов Сибири с классовыми отношениями прежде всего тем, что он отражал предшествующий фазис развития как в плане общественно-экономического, так и юридического, в частности, строя и являл собой конгломерат первоначальных, зародышевых форм [1].

Смысл эволюции судебно-правовых систем народов Севера состоял в интеграции их судебно-правовой системой России, в движении от традиционных форм к государственным. Одни народы двигались от доправовой к правовой культуре, минуя полностью или частич-

[1] Здесь уместно напомнить еще раз, что судебно-правовой комплекс малых народов Севера — понятие условное. Под ним подразумевается совокупность всех охарактеризованных в монографии юридических установлений этих народов.

по ступень предправа и предсуда, что было связано с переходом к скотоводству и земледелию, другие народы, сохранявшие промыслово-оленеводческое хозяйство,— к предправовой культуре. У всех у них усилилось формирование юридических обычаев, а у некоторых групп — и норм обычного права. В традиционной юридической культуре народов Севера произошел крупный сдвиг.

Судебно-правовые системы малых народов Севера вплоть до XX в. за немногим исключением функционировали как судебно-правовые системы промыслово-оленеводческого населения, ведшего присваивающее, а не производящее хозяйство и находившегося на доклассовой ступени развития. У большинства их из круга правового регулирования, по существу, выпадало такое средство производства, как земля, представляющее на следующей ступени самую большую ценность. Объектом регуляции были не столько производство и обмен, сколько распределение и потребление материальных благ, и в первую очередь — пищи.

По характерным признакам в судебно-правовом комплексе малых народов Севера можно с известным основанием обозначить следующие ареалы: Север Архангельской губернии, Север Западной Сибири, Восточная Сибирь, Приамурье — о. Сахалин, Крайний Северо-Восток. У всех у них имеются исторически сложившиеся особенности, которые отличают каждый данный ареал от других ареалов. Внутри каждого из них возможны подареалы. Так, в Восточной Сибири явно выделяются эвенки-скотоводы и земледельцы, на Дальнем Востоке — народы Амура, Крайнего Северо-Востока. Если же взять наиболее существенные признаки, то в судебно-правовом комплексе народов Севера явно обозначатся две зоны: сибирская и дальневосточная.

По признаку сохранения традиционных судебно-правовых установлений народы Севера подразделяются на три группы. К первой группе, сохранившей меньше таких установлений, относятся саамы, манси, некоторые группы хантов (иртышские остяки), нарымские селькупы, забайкальские эвенки (нерчинские тунгусы), долганы, часть эвенов и эвенков Якутии, алеуты, канинские и тиманские ненцы. Это связано либо с переходом к скотоводству и земледелию, либо с длительными и прямыми контактами с русскими, коми, бурятами и яку-

тами. Противоположную группу, у которой преобладала традиционная юстиция, составляли палеоазиаты, эскимосы, народы Амура и отдельные, изолированные группы некоторых других народов. Остальные народы занимали промежуточное положение.

Обычное право — важный институт патриархально-родового общества, регулировавший имущественные, семейно-брачные и другие отношения. Но для того, чтобы представить его истинную роль, надо иметь в виду, что у малых народов Севера действовали и неюридические обычаи. Поведение людей регулировалось также нормами морали, различного рода религиозными предписаниями. Отсюда следует, что область применения обычного права не являлась всеобщей, всеохватывающей, что она имела свои границы. В каких-то случаях юридические обычаи переплетались с другими нормами. Но приоритет в регулировании социальной жизни этих народов принадлежал обычному праву. Было бы интересным рассмотреть всю эту проблему с точки зрения нормативной этнографии.

Проведенное исследование помимо юстиции характеризует в какой-то мере общественный строй малых народов Севера. Его отличают преобладание общественной собственности на средства производства, социальное равенство людей, демократические начала общественной жизни. Основной и наиболее распространенной формой собственности являлась семейная собственность. Сфера проявления частной собственности была незначительной, сама она не приобрела еще устойчивого характера. Из всех форм неравенства отмечено лишь имущественное неравенство, присущее главным образом кочевникам-оленеводам; оленеводство при всей его примитивности принадлежало к скотоводству — более высокой по сравнению с охотничье-рыболовным промыслом стадии хозяйственных занятий.

Анализ суда и права народов Севера позволяет видеть действие общих закономерностей при переходе от доклассового общества к классовому, от догосударственного строя к государственному, помогает уточнить представления по некоторым частным вопросам. Генезис юстиции в принципе может происходить двумя путями: полностью самостоятельно, когда внешние влияния и заимствования либо отсутствуют, либо играют второстепенную роль, или зависимым путем, когда внешний

фактор в силу тех или иных причин является определяющим. Становление юстиции у малых народов Севера, попавших в орбиту классового общества, характеризует второй вариант.

Можно утверждать также, что родовые связи не ограничивались тем небольшим кругом взаимоотношений, который принято приводить в литературе, а играли существенную роль в области наследования. У оленеводов отмечены обычаи южного, скотоводческого происхождения. Один из них — это обычай дарить новорожденному ребенку оленя-самку, которая вместе с приплодом составляла его личную собственность и впоследствии становилась основой самостоятельного хозяйства. Другой — это обычай, согласно которому пастух, употребивший в пищу вследствие голода оленей хозяина или допустивший падеж, должен был в обязательном порядке вернуть ему шкуры этих оленей. Южные параллели обнаруживаются у ряда народов с обычаем четырехкратной компенсации ущерба, причиненного кражей. Интересен в этой связи и обычай, по которому в калым обязательно входили лисьи шкурки (ненцы и др.).

Анализ юстиции малых народов Севера обнаруживает параллели в юстиции многих других народов земного шара, в том числе удаленных от них на громадные расстояния. На этот счет есть несколько интересных предположений, реальные же причины, на наш взгляд, заключаются в том, что сходные условия существования, уровень исторического развития порождают сходные элементы материальной и духовной культуры, поведения человека, обычаев. Набор вариантов культур в истории человечества представляется ограниченным, а на заре этой истории он был еще меньшим, поэтому повторения, совпадения, иногда до деталей, подробностей, ставящие исследователей в тупик и поныне, являлись просто неизбежными. Это сходство открывает возможность сравнительного изучения, результаты которого могут пролить свет на некоторые особенности юстиции народов Севера.

***

Общая характеристика юстиции малых народов Севера, которая и была главной целью данного исследования, дает возможность более углубленного изучения

проблемы; оно может идти как по линии изучения юстиции отдельных народов, так и по линии изучения различных ее аспектов. В обоих случаях представляется важным выяснение исходного уровня юстиции, той юстиции, которая существовала у них до присоединения к России; это касается как традиционных форм суда, так и юридических обычаев, особенно древнейшего происхождения.

Главная задача состоит в расширении источниковой базы, в поиске литературных и архивных источников. Следует более широко использовать литературный фонд, особенно зарубежный, и данные фольклора. Нельзя сбрасывать со счета полевые исследования, которые могут дать дополнительную информацию. Важно было бы также ввести и обосновать терминологию, соответствующую юридическому строю этих народов. В организационном плане задача состоит в том, чтобы объединить усилия историков, этнографов, юристов, расширить фронт работы.

ЛИТЕРАТУРА

А. Р. О законах некоторых восточных сибирских инородцев// Сибирский вестник. 1823. Кн. 3. С. 1—12.

Абрамов Н. А. Описание Березовского края// Записки РГО. СПб., 1857. Кн. 12. С. 329—444.

Акты исторические. Т. 5. (1676—1700). 560 с.

Алексеенко Е. А. Кеты (историко-этнографические очерки). Л.: Наука, 1967. 262 с.

Андреев А. И. Описание о жизни и упражнениях обитающих в Туруханском и Березовском округах разного рода ясачных иноверцев//Советская этнография. 1947. № 1. С. 84—102.

Анисимов А. Ф. Родовое общество эвенков (тунгусов). Л.: Госиздат, 1936. 194 с.

Анчабадзе Ю. Д. Этнографические сюжеты в трудах Ф. И. Леонтовича//Советская этнография. 1984. № 4. С. 81—91.

Аргентов А. Описание Николаевского Чаунского прихода //Записки Сибирского Отдела РГО. СПб., 1857. Кн. 3. С. 79—106.

Архангельские губернские ведомости. 1849. № 13, 14.

Бартенев В. На Крайнем Северо-Западе Сибири. СПб., 1896. 154 с.

Бахрушин С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 года//Советский Север: Сб. статей. М., 1929. № 1. С. 80—87.

Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833. 161 с.

Беретты Н. Н. На Крайнем Северо-Востоке//Записки Владивостокского отдела РГО (Общество изучения Амурского края). Владивосток, 1929. Т. 4. С. 5—103.

Богораз В. Г. Краткий отчет об исследовании чукчей Колымского края. Иркутск, 1890. 51 с.

Богораз-Тан В. Г. Чукчи. В 2 ч. Л., 1934. Ч. 1. 191 с.

Бударин М. Г. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск, 1952. 252 с.

Булычев Н. Путешествие по Восточной Сибири: В 2 ч. СПб., 1856. Ч. 1. 298 с.

Буцинский П. Н. Мангазея и Мангазейский уезд (1601—1645 гг.). Харьков, 1893. 66 с.

Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965. 403 с.

Вениамин, арх. Самоеды мезенские//Этнографический сборник. СПб., 1858. Вып. 4.

Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела: В 2 ч. СПб., 1840. Ч. 1. 364 с.

Воронов А. Г. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии/ Записки РГО по отделению этнографии. Т. 18. Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1900. Т. 2. 429 с.

Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю (1820—1824 гг.). Л., 1948. 455 с.

Гемуев И. Н. Семья у селькупов (XIX—начало XX в.). Новосибирск, 1984. 154 с.

Георги И. И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей: В 4 ч. СПб., 1776. Ч. 1. 460 с. Ч. 3. 527 с.

Головачев П. Сибирь в Екатерининской комиссии: (Этюд по истории Сибири XVIII века). М., 1899. 127 с.

Голунский С. Обычай и право /Советское государство и право. 1939. № 3. С. 46—55.

Григоровский А. Описание Васюганской тундры/ Записки Западно-Сибирского отдела РГО. Омск, 1984. Кн. 6. С. 61—62.

Давид Рене. Основные правовые системы современности (сравнительное право)/Пер. с франц. М.: Прогресс, 1967. 496 с.

Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX—начале XX века. Иркутск, 1983. 134 с.

Дитмар К. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах /Вестник РГО. 1856. Кн. 1. С. 27—31.

Дитмар К. Поездка и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг.: В 2 ч. СПб., 1901. Ч. 1. 750 с.

Дмитриев-Мамонов А. И., Голодников К. М. Юридические обычаи остяков Березовского округа. Юридические обычаи остяков Сургутского округа. Юридические обычаи самоедов Березовского округа/ Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск: Изд-во Тобол. стат. комитета. 1884. С. 17—47.

Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: в 3 т. Тобольск, 1911. Т. 3. 265 с. с прилож.

Евсенин И. А. Карагасы: (Краткий очерк). Красноярск, 1919. 15 с.

Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии//Записки РГО по отделению этнографии. Т. 8. Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1878. С. 163—165.

Жамцарано Ц., Турунов А. Обозрение памятников писанного права монгольских племен//Сб. трудов профессоров и преподавателей гос. Иркут. ун-та. Отдел 1. Науки гуманитарные. Иркутск, 1921. Вып. 1.

Житков Б. М. Полуостров Ямал//Записки РГО. Т. 49. СПб., 1913. Т. 10, 11. 220 с.

Зибарев В. А. Влияние присоединения Сибири к России на юридические обычаи малых народов Севера//Смена культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1987. С. 46—47.

Зибарев В. А. Из истории обычного права народов Севера //Советская этнография. 1986. № 2. С. 73—79.

Зибарев В. А. Обычное право малых народов Севера: Обзор литературы и источников//Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 30—34.

Зибарев В. А. Обычное право народов Сибири как исторический источник//Роль Тобольска в освоении Сибири. 3—5 июня 1987 года: Тез. обл. науч. конф., посвященной 400-летию Тобольска. Тобольск, 1987. С. 31—32.

Зибарев В. А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932 гг.). Томск, 1968. Гл. 5. Организация и деятельность суда народностей Севера. С. 230—259.

Зибарев В. А. Юридические обычаи малых народов Севера//Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы Всесоюз. конф. 3—5 июня 1976 г. Томск, 1976. С. 167—169.

Золотарев М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939. 203 с.

Зуев В. Ф. Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов//Материалы по этнографии Сибири XVIII века. М.; Л., 1947. 96 с.

Иванов В. Н. Интересный документ об обычаях чукчей XIX в.//Якутский архив: (Сб. статей и документов). Якутск, 1960. Вып. 1. С. 173—174.

Из истории права народов Дагестана: Материалы и документы. Махачкала, 1968. № 17. 420 с.

Из области обычного права сибирских инородцев//Восточное обозрение. 1883. № 17.

Иохельсон В. И. По рекам Ясачной и Коркодону: (Древний и современный юкагирский быт и письмена)//Изв. РГО. СПб., 1898. Т. 34. Вып. 3. С. 255—290.

Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847. 132 с.

Кастрен А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838—1844. 1845—1849)//Собрание старых и новых путешествий. М., 1860. Т. 6. 428 с.

Карлов В. В. Эвенки в XVII—начале XX в. (хозяйство и социальная структура). М., 1982. 160 с.

Карцов В. Г. Очерк истории народов Северо-Западной Сибири. М., 1937. 132 с.

Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. 415 с.

Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе: в 2-х т. М., 1890. Т. 1. 290 с. Т. 2. 304 с.

Костров Н. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876.

Костров Н. А. Юридический быт остяков Западной Сибири// Тобольский гос. историко-архитектурный музей-заповедник. Инв. № 669.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М., Л., 1949. 841 с.

Кривошапкин М. О. Енисейский округ и его жизнь: В 2 т. СПб., 1865. Т. 1. 376 с. Т. 2. 248 с.

Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX—начале XX в.: (Этнографические очерки). Томск, 1977. 224 с.

Кушелевский Ю. П. Северный полюс и земля Ялмал: Путевые записки. СПб., 1868. 157 с.

Лаппо Л. Е. Обычное право сибирских туземных народностей: (Первый сибирский краевой научно-исследовательский съезд). 1928. Т. 5. С. 79—97.

Латкин Н. В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб., 1982. 466 с.

Лопатин Н. А. Гольды (амурские, уссурийские и сунгарийские): Опыт этнографического исследования//Записки общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отдела Русского географического общества. Владивосток, 1922. Т. 17. 370 с.

Львов Л. Общее обозрение Забайкальского края//Русский вестник. 1842. № 9—10. С. 1—138.

Марксистско-ленинская теория государства и права: Исторические типы государства и права. М., 1971. 637 с.

Майнов Н. Н. Некоторые данные о тунгусах якутского края//Труды Восточно-Сибирского отдела РГО. 1898. № 2. С. 1—214.

Марченко В. Г. Управление и суд у малых народов Севера Сибири и Дальнего Востока в царской России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1985. 16 с.

Марченко В. Г., Зибарев В. А. К вопросу об административном устройстве малых народностей Севера в дореволюционной России//Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978. С. 104—112.

Материалы по обычному праву кабардинцев (первая половина XIX в.)/Сост. Б. А. Горданов. Нальчик, 1956. 423 с.

Миддендорф А. Путешествие на Север и Восток Сибири// Записки РГО. СПб., 1878. Ч. 2. С. 619—833.

Миненко П. А. Материалы по обычному праву народов Северо-Западной Сибири (1-я половина XIX в.)//Археология и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 30—46.

Мордвинов А. Инородцы, обитающие в Туруханском крае //Вестник РГО. 1860. № 2. С. 52.

Музей истории материальной культуры при ТГУ. № 471-4. Тетрадь № 4. Этнографические экспедиции к васюганским хантам, июль—август 1971 г. Записи Т. Клещеевой (рукопись).

Некоторые сведения о законах и обычаях инородцев Березовского округа//Тобольские губернские ведомости. 1960. № 8, 9, 10.

Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком (1815). Новосибирск. 1941. 108 с.

Нольде А. К истории составления проекта «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири»//Сергею Федоровичу Платонову — ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 502—521.

Носилов К. Юридические обычаи мансов//Сборник материалов по этнографии: В 3 вып. М.: Изд-во Дашковского этнографического музея. 1888. Вып. 3. 322 с.

Обдорской управы книга для записей приговоров по тяжбам, спорам и поступкам инородцев (1881—1901 гг.). Томск. 1970. 162 с. Публикация В. А. Зибарева.

Общественный строй у народов Северной Сибири XVIII—начала XX в./Под ред. И. С. Гурвича, Б. О. Долгих. М., 1970. 454 с.

Огородников В. И. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI—XVIII вв.//Сборник трудов Иркут. гос. ун-та. 1920. Отд. 1. Вып. 1. 45 с.

Окладников А. П. Курейские тунгусы в XVIII в.//Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1968. Вып. 3. С. 97—118.

Описание города Березова и его округа//Северная пчела. 1832. № 208, 209, 212.

Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск: Наука, 1974. 456 с.

Павлинов Д. П., Виташевский Н. А., Левенталь Л. Г. Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов//Труды комиссии по изучению Якутской АССР. Т. 2. Л., 1929.

Павловский В. Вогулы//Учен. зап./Казан. ун-т. 1907. Кн. 6, 7.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства: В 2 ч. СПб., 1770. Ч. 2. 657 с.

Памятная книжка Якутской области за 1863 год. СПб.: Изд-во Якут. стат. отдела. 1864. 220 с.

Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2 (1718—1724 гг.). СПб., 1885. 541 с.

Пахман С. В. История кодификации гражданского права: В 2 т. СПб., 1876. Т. 2. 485 с.

Пекарский Э. К. Материалы по Якутскому обычному праву//Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1925. Т. 5. Вып. 2. С. 658—659.

Пелих Г. И. Селькупы XVII века: Очерки социально-экономической истории. Новосибирск, 1981. 175 с.

Перминкин. Путевой журнал плавания по реке Амуру от Усть-Стрелочного канала до впадения его в Татарский пролив// Записки Сибирского отдела РГО. Кн. 2. СПб., 1856.

Першиц А. И. Проблемы нормативной этнографии//Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 210—240.

Петрова Е. Кочевые суды (туземные суды)//Советская юстиция. 1932. № 4. С. 21—22.

Плотников А. Ф. Нарымский край: Историко-статистический очерк//Записки РГО по отделению статистики. СПб., 1901. Т. 10. Вып. 1. С. 3—366.

Позан Ю., Темеров Н. Туземные суды Туруханского края//Советская юстиция. 1931. № 10. С. 22—25.

Поляков И. С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби. СПб., 1877.

Попов А. А. Материалы по родовому строю долган//Советская этнография. 1934. № 6. С. 116—139.

Попов А. А. Енисейские ненцы (юраки)//Известия ВГО. Т. 76. Вып. 2—3. 1944. С. 76—95.

Пост А. Г. Зачатки государственных и правовых отношений: (Очерки по всеобщей сравнительной истории государства и права). М., 1901. 274 с.

Пояснительные примечания к своду степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири. Б. м. Б. г. 90 с.

Путешествие академика Ивана Лепехина в 1772 году: В 4 ч. СПб.: Акад. наук, 1805. Ч. 4. 458 с.

Рабцевич В. В. Неопубликованные записи обычного права сибирских народов последней четверти XVIII—первой половины

XIX в.//Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 119—134.

Рыбаков С. Г. Армакские тунгусы (Селенгинского уезда Забайкальской области)//Труды Троицкосевско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО. СПб., 1903. Т. 4. Вып. 1. С. 60—80.

Рязановский В. Я. Монгольское право. Харбин, 1931.

Сафьянников М. А. Материалы к устройству судебной части по делам инородцев Приамурского края//Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО. М., 1899. Т. 1. Вып. 1.

Сборник обычного права сибирских инородцев/Изд. Д. Я. Самоквасова. Варшава, 1876. 282 с.

Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири: (Проект). СПб., 1841. 208 с.

Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера//Труды института этнографии: Новая серия. М.; Л.: Наука, 1955. Т. 27. 567 с.

Симеонова Л. Эзе (очерки из быта остяков). 2-е изд. СПб., 1887. 89 с.

Синицина Н. Е. Обычай и обычное право в современной Африке. М., 1978. 285 с.

Скачко А. Е. Имущественные показатели социальных групп и малых народов Севера//Советский Север. 1930. № 3. С. 5—39.

Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв. (Проблемы фратрии и рода). М., 1983. 325 с.

Солярский В. В. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Хабаровск: Типогр. канц. Приамурского генерал-губернатора. 1916. 275 с.

Статистическое обозрение Сибири: Составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников. СПб., 1810. 361 с.

Степанов А. П. Енисейская губерния: В 3 ч. СПб., 1835. Ч. 1. 276 с. Ч. 2. 140 с.

Степанов Н. Н. Тунгусы в XVII в. в Якутии//Якуты в XVII в.: (Очерки). Якутск, 1953. С. 175—203.

Супатаев М. А. Опыт систематизации норм обычного права в молодых государствах Африки//Государство и право в развивающихся странах: (Сб. статей). М., 1976. С. 121—139.

Суслов И. М. Социальная культура у тунгусов бассейна Подкаменной Тунгуски и верховьев р. Танмуры: (Из материалов Чаунской экспедиции 1926 г.)//Северная Азия. 1928. № 1. С. 55—63.

Таксами Ч. И., Туголуков В. А. Административные волости, улусы и роды у народов Сибири (XVII—начало XX в.)// Социальная история народов Азии. М.: Наука, 1975. С. 74—100.

Фирсов Н. Положение инородцев в Московском государстве//Изв. и учен. зап. Казан. ун-та. 1866. Вып. 3. С. 295—296.

Харузин Н. Русские лопари: (Очерки прошлого и современного быта). М., 1890. 472 с.

Харузин Н. Собственность и первобытное государство. СПб., 1903.

Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири. Якутск, 1978. 206 с.

Хитров Прокопий. Описание Жиганского уезда//Записки сибирского отдела РГО. СПб., 1856. Кн. 1. С. 55—84.

Хомич Л. В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1966. 327 с.

Шавров В. Н. Краткая записка о жителях Березовского уезда. М., Б. г. 21 с.

Шатилов М. Б. Ваховские остяки: (Этнографические очерки)//Труды Томского краевого музея. Томск, 1931. Т. 4.

Шерстобоев В. Н. Илимская пашня: В 2 т. Иркутск: Иркут. обл. гос. изд-во. 1949. Т. 1. 594 с.; 1957. Т. 2. 674 с.

Шренк А. Путешествие к северо-востоку Европейской России. СПб., 1855. 655 с.

Шренк Л. Об инородцах Амурского края: В 2 т. СПб., 1833. Т. 1. 345 с.

Штернберг Л. Я. Айнская проблема//Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1929. № 8. 374 с.

Штернберг Л. Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии: В 3 т. Л.: Изд-во ин-та народов Севера ЦИК СССР. 1933. 188 с.

Щербачев А. Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области//Материалы. Вып. 5. Исторические сведения. СПб., 1898. С. 1—111.

Энгельгарт А. П. Русский Север: (Путевые записки). СПб., 1897. 258 с.

Якушкин Е. И. Обычное право русских инородцев//Материалы для библиографии обычного права. М., 1899. Вып. 43. 191 с.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АВПР	— Архив внешней политики России
ГАИО	— Госархив Иркутской области
ГАНО	— Госархив Новосибирской области
ГАТюО	— Госархив Тюменской области
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи
РГО	— Русское географическое общество
ТФ ГАТюО	— Тобольский филиал госархива Тюменской области
ЦГАОР	— Центральный госархив Октябрьской революции и социалистического строительства
ЦГА РСФСР ДВ	— Центральный госархив РСФСР Дальнего Востока
ЦГА ЯАССР	— Центральный госархив Якутской АССР
ЦГИА СССР	— Центральный государственный исторический архив СССР

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Введение в проблематику. Источники 6

1. Общественный строй и управление 25

2. Суд у малых народов Севера 47

2.1. Судоустройство 47
2.2. Судопроизводство 60
2.3. Ареалы юстиции 88

3. Юридические обычаи 115

3.1. Общие замечания 115
3.2. Семейно-брачный кодекс 129
3.3. Обычаи наследования и опеки 153
3.4. Промыслово-оленеводческое право 171
3.5. Договорное право 187

Заключение 193

Литература 198

Принятые сокращения 205

ВИКТОР АНДРЕЕВИЧ
ЗИБАРЕВ

ЮСТИЦИЯ У МАЛЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Редактор Т. В. Зелева
Художественный редактор Р. М. Вазиев
Технический редактор Л. Е. Дятлова
Корректор Л. В. Федощук

ИБ 2316

Сдано в набор 13.09.89. Подписано в печать 06.03.90 г. К309110.
Формат 84×108/32. Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Печ. л. 6,5. Усл. печ. л. 10,92. Уч.-изд. л. 11,19. Тираж 1000 экз. Заказ 6399. Цена 2 р. 20 к.

Издательство ТГУ, 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4.
Типография, издательства «Красное знамя», 634050, г. Томск, ГСП, пр. Фрунзе, 103.